
Россия, Русь! Храни себя, храни!

4
2018

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Лев КРИШТАПОВИЧ. Русофобская затея «белорусизаторов»	3
Олег ИВАНЕЦ. Криминальная революция в России	88
Александр РУСИН. Когда народ не нужен...	137
Людмила РЯБИЧЕНКО. На поклон	166
Игорь РОМАНОВ. Перед Куликовым полем	171

ПРОЗА

Виктор ТРЫНКИН. Что было, то было. Повесть	15
Михаил СМИРНОВ. Рассказы	97
Анатолий КРИЩЕНКО. Дуськина соль. Рассказ	144
Ирина БЕЛЯКОВА. Маруся. Рассказ	150

ПОЭЗИЯ

Николай КОЛЫЧЕВ. Где-то плакала птица. Стихи	80
Анна ТОКАРЕВА. Слушать снегопад. Стихи	131
Ольга ХМАРА. Горький колос. Стихи	158
Татьяна ЖИЛИНСКАЯ. И в любви, и в печали. Стихи ...	162
Стихи поэтов России	198

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. **Преемственность
русского дела** 175

УРОКИ ИСТОРИИ

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. **Кто создал третий рейх** 189

ЭКСПЕРТЫ

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Об экономических проблемах
социализма** 204

Ольга КОТОВА. **Эпоха капитализма подходит
к концу** 208

ДОСЬЕ «МГ»

Александр ЧУЙКОВ. **Истоки американских санкций** 212

Виктор САУЛКИН. **Либеральное беснование** 233

РУССКИЙ ВОПРОС

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Империя и русский народ** 244

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Андрей АНТОНОВ. **Питерские друзья бандеровцев** 249

Валерий ФИЛИМОНОВ. **Против непокорных русских** 252

Блок троцкистов-ельцинистов 256

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы. Размышления
и воспоминания. Продолжение** 259

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Анатолий АПОСТОЛОВ. **Жертвенный патриотизм.** 284

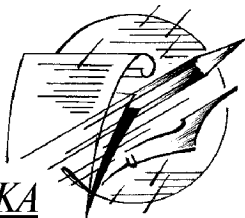
Лев КРИШТАПОВИЧ,
доктор философских наук, г. Минск

РУСОФОБСКАЯ ЗАТЕЯ «БЕЛОРУСИЗАТОРОВ»

Исторический путь развития Белоруссии проходил в русле национального, культурного, цивилизационного единства с Россией. Для белорусского и русского народов характерны языковое родство, единство образа жизни и территории, одна и та же социальная система ценностей, одни и те же мировоззренческие и политические убеждения, общность исторической судьбы.

Объективно белорусская государственность сформировалась в условиях общерусского цивилизационного пространства, союза с русским народом. Такова специфика исторического формирования белорусской государственности.

Эта специфика образования белорусского государства рельефно проявляется на примере попытки создания Белорусской Народной Республики (БНР) во время немецкой оккупации Белоруссии в 1918 году. Историки, анализирующие процесс возникновения БНР, делают большой упор на различные частные моменты и сообразно казусной логике исторического мышления подразделяют на две группы: одни считают, что БНР не была государством, а представ-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ляла собой только идею белорусской государственности, поскольку у нее не было реальной власти и реальных признаков государственности: армии, полиции, конституции, судебных органов, финансовой системы и т.п. Другие же доказывают, что БНР все-таки была белорусским государством, поскольку имела флаг, герб, «государственную печать». Несмотря на свои расхождения, обе группы исследователей, тем не менее, считают, что БНР следует рассматривать как явление, которое все-таки способствовало формированию национального самосознания белорусского народа, развитию его языка и культуры, осуществлению государственной самостоятельности и независимости.

Некорректность такого вывода заключается в том, что он основывается на хронологических и формально-абстрактных признаках. Для постижения феномена БНР важна не формально-абстрактная, а философско-историческая точка зрения. А философско-историческую подкладку БНР как раз и составлял комплекс антисоветских, антирусских, анτισоюзных идей, которые шли вразрез с белорусской ментальностью и белорусской историей.

Идеологи БНР всячески стремились отрицать историческое значение Октябрьской революции в жизни белорусского народа, противопоставить белорусов и русских, развести Белоруссию и Россию по разные стороны исторического и цивилизационного развития. И такая идеология была не только антисоветской и антироссийской, но и антибелорусской, поскольку она была чужда белорусскому национальному характеру, в ложном свете рисовала взаимоотношения между белорусами и русскими, а поэтому абсолютно не воспринималась нашим народом. Совсем не случайно, что сама БНР была провозглашена в период немецкой оккупации Белоруссии 25 марта 1918 года, так как она не имела поддержки среди белорусского народа, а лишь рассчитывала на «хаўрус с Германской империей», т.е. с оккупантами. Поэтому не случайно так называемые «руководители» БНР 25 апреля 1918 года послали германскому кайзеру Вильгельму верноподданническую телеграмму, в которой благодарили за освобождение Белоруссии «от тяжелого гнета, господства чужого издевательства и анархии». Кайзеровские марионетки заявляли, что независимость и неделимость края может быть обеспечена только в союзе с Германской империей, только под ее защитой.

Не успели высохнуть чернила на телеграмме кайзеру, как «правительство» БНР, которое в октябре 1918 года возглавил антисоветчик Антон Луцкевич, стало ориентироваться на

панско-шляхетскую Польшу, «обещая подчинить пилсудчикам Белоруссию в виде протектората со статусом автономии». Поскольку всё это смахивало на превращение Белоруссии в восточные крессы Польши, то «белорусизаторы» на сессии своей Рады отстранили с так называемого поста премьер-министра Антона Луцкевича и с 12 декабря 1919 года во главе «правительства» БНР стал член партии белорусских эсеров Вацлав Ластовский, такой же активный антисоветчик и русофоб, как и все его предшественники.

Начался поиск новых «кайзеров». 15 сентября 1920 года «правительство» БНР обратилось с письмом к Мирной конференции в Париже с просьбой «внять мольбам» белорусского народа помочь ему «в борьбе с большевистской оккупацией». Но это был глас вопиющего в пустыне.

27 апреля 1922 года Вацлав Ластовский и Александр Цвикеви́ч (министр иностранных дел БНР) прибыли на Генуэзскую конференцию. Они письменно обратились к конференции с просьбой пересмотреть вопрос о Рижском мире и признать БНР. Но вопрос о БНР даже не был вынесен на обсуждение конференции.

Вацлав Ластовский, исключенный из партии белорусских эсеров за тесные связи с Юзефом Пилсудским, в 1923 году вынужден был подать в отставку и «премьер-министром» БНР стал Александр Цвикеви́ч. Это происходило в условиях политической переориентации в эмигрантской среде «белорусизаторов». 12 октября 1925 года в Берлине на совещании Рады БНР они признали полное банкротство своей борьбы против Советской власти, объявили о самороспуске «правительства» БНР и признали Минск «единым центром национально-государственного возрождения Белоруссии». В свете вышесказанного совершенно ясно, что БНР никакого отношения к белорусскому национальному самосознанию и к белорусской государственности не имеет.

Но дело с БНР на этом не окончилось. Уже в Советской Белоруссии в 1920-е годы идеология БНР начала реанимироваться под видом политики «белорусизации», которая приобрела откровенно русофобский характер.

Политика «белорусизации». В результате Октябрьской революции 1917 года возникла реальная возможность национального возрождения белорусского народа. Характер и сущность национальной политики в послереволюционной Белоруссии во многом предопределялись значительными переменами, происходившими по стране в целом в этой сфере общественных отношений. 2-я сессия ЦИК БССР 15 июля 1924 года приняла постановление «О практических мерах по

проведению национальной политики», положившее начало крупномасштабной белорусизации как официальной государственной политике. Её активными проводниками были председатель ЦИК БССР А.Г. Червяков, председатели СНК Я.А. Адамович и Н.М. Голодед, руководитель Института белорусской культуры В.М. Игнатовский. Вокруг них группировались представители национальной интеллигенции. Белорусизация в её здоровом понимании представляла собой всестороннюю деятельность партийных, государственных и общественных организаций по национально-государственному и национально-культурному возрождению белорусского народа.

В 1920-е гг. в партийных документах, постановлениях государственных органов, выступлениях известных политических деятелей, учёных, деятелей образования, культуры звучала мысль о том, что белорусизация является самой значительной частью национальной политики КП(б)Б и её предназначение — государственное, экономическое и культурное возрождение страны. В документах, определявших пути и методы осуществления белорусизации, акцент делался на необходимости ответственного отношения к национальной интеллигенции, которая играет большую роль в национально-культурном строительстве, и исключительной важности овладения белорусским языком всей партией. Политика была направлена на проведение в жизнь идеи выдвижения и всё большего втягивания в руководящую работу в экономике и культуре работников местных национальностей (белорусов, русских, поляков) при условии выдвижения белорусских работников в первую очередь. В работе по формированию руководящих кадров предлагалось брать за основу партийную выдержанность, деловые качества, знание белорусского языка и условий развития БССР. Уже к началу 1928 г. на белорусский язык преподавания перешли до 80% общеобразовательных школ. Тысячи учителей окончили краткосрочные курсы по подготовке и переподготовке по белорусскому языку. Белорусский язык стал основным языком обучения в сельскохозяйственных, педагогических техникумах, части профессиональных школ, рабфаков, вечерних школ для взрослых, в школах рабочей и крестьянской молодёжи. Последовательно проводился перевод на белорусский язык лекционных курсов и семинаров в вузах. Он являлся основным языком преподавания в коммунистическом университете, советско-партийных школах, системе партийно-политического образования.

В 1928 году, по официальным данным, в центральных партийных, государственных, профсоюзных органах, общественных организациях белорусским языком владели 80% служащих, на областном и районном уровне — 70%. В начале 1929 года в административных органах доля белорусов достигла 51,3%, хозяйственных — 30,8%. С целью подготовки командиров для красноармейских частей Западного (с 1926 года Белорусского) военного округа в 1924 году в Минске начала действовать Объединённая белорусская военная школа с белорусским языком обучения по большинству предметов. Из 11 центральных газет, выходивших в республике в 1927 году, 3 издавались на белорусском языке, 4 — на русском, по 2 — на еврейском (идиш) и польском языках. В окружных газетах часть материала печаталась на русском, часть — на белорусском языках.

Но в процессе развития белорусизацию оседлали бывшие деятели БНР, скрытые антисоветчики, которые под видом национального возрождения белорусского народа, разрыва с царским прошлым и социалистического строительства в Белоруссии начали пропагандировать откровенную русофобию. Белорусизация в ее бэнээровском варианте стала представлять собой политику и идеологию антисоветизма и русофобии, направленную на фальсификацию белорусской истории, отрыв ее от общерусской истории, противопоставление братских народов — белорусов и русских и под прикрытием вывески о так называемом возрождении Белоруссии стремление осуществить замену белорусской ментальности антисоветским и антирусским сознанием в интересах всевозможных западных «кайзеров», но, прежде всего, польско-шляхетского экспансионизма.

Как это ни парадоксально, но начало такой «белорусизации» положило постановление Президиума ЦИК БССР от 11 июля 1923 года об амнистии противникам Советской власти в связи с третьей годовщиной освобождения Белоруссии от польских интервентов. Именно с этого времени все наиболее видные противники Советской власти, которые являлись самыми рьяными белорусизаторами, были амнистированы и начали играть главную скрипку в национально-культурной политике БССР в 1920-е годы.

В феврале 1922 года произошло торжественное открытие Института белорусской культуры (Инбелкульт) как комплексного, многоотраслевого научно-исследовательского учреждения в республике, будущей Академии наук БССР. Первым председателем президиума Инбелкульта был назначен белорусизатор С.М. Некрашевич. Этот С.М. Некрашевич,

активный организатор борьбы с Советской властью, оказался главным руководителем всей науки в БССР.

Действительным членом Инбелкульта стал также амнистированный Язэп (Иосиф Юрьевич) Лесик, который был одним из руководителей Рады Белорусской Народной Республики (БНР), составлял и подписывал благодарственную телеграмму германскому кайзеру, а потом стал подчинять Белоруссию панской Польше. И этот лидер антисоветского движения на территории Белоруссии стал главным светочем в области белорусского языкознания в БССР.

Действительным членом Инбелкульта был сподвижник Я.Лесика И.И. Красковский, сторонник подчинения Белоруссии Юзефу Пилсудскому. В эту когорту белорусизаторов входил антисоветчик И.Ф. Сушинский, а также бывший подполковник царской армии, находившийся на службе у «правительства» БНР, Е.К. Успенский. Главным географом в Инбелкульте стал член первого «правительства» БНР А.А. Смолич. В действительные члены Инбелкульта попали два последних премьера «правительства» БНР В.Ю. Ластовский и А.И. Цвикевич, которые активно боролись против Советского государства не только в годы Гражданской войны, но и после ее окончания, находясь в эмиграции.

Один из виднейших деятелей БНР Вацлав Ластовский в своих работах доказывал, что «белорусы и русские две разные расы, а белорусское движение по существу является не просто сепаратным от России, а движением национально-расовым». Находясь в Каунасе, Вацлав Ластовский с 1923 по 1927 год издавал антисоветский и русофобский журнал «Кривич», где «обосновывал» принадлежность белорусов к особой «кривской расе».

Вернувшись из эмиграции в Минск в 1927 году и став руководителем исторической и этнографической науки в Советской Белоруссии, он продолжал проповедовать теорию волото-кривского происхождения белорусов, согласно которой белорусы имеют расово-антропологическое превосходство над русскими. Им была создана так называемая антиисторическая концепция о «Кривии» — огромном белорусском государстве в прошлом, где доказывалось, что белорусский народ должен называться «кривичским», так как он принципиально отличается от русских, а название Белоруссия должно быть заменено Кривией.

Другой деятель БНР Аркадий Смолич в учебнике для средних школ БССР «Кароткі курс геаграфіі Беларусі» пытался всячески обосновать антропологическое (физическое) отли-

чие белоруса от русского. А Язэп Лесик — третий деятель БНР — принимал все меры к тому, чтобы противопоставить белорусский язык русскому, выступал в печати против употребления белорусскими писателями и учеными любого, даже извечно белорусского слова, если оно хотя бы по внешней форме совпадало с русским словом. В то же время Язэп Лесик охотно включал в белорусский литературный язык всевозможные полонизмы, а также навязывал нашему народу несвойственное для белорусского языка произношение, употреблявшееся только в среде ополяченной шляхты в Белоруссии. Один из крупнейших лингвистов того времени И. В. Волк-Леонович писал, что усилиями Я. Лесика, В. Ластовского и их единомышленников народным массам преподносился такой «белорусский» литературный язык, который для них почти совсем непонятен.

Разумеется, такая «белорусизация» на помогала, а мешала белорусскому народу получить образование на родном языке.

Направлял и расставлял кадры бэнээровских «белорусизаторов» в белорусской культуре и науке В. М. Игнатовский — народный комиссар просвещения БССР, член ЦК КПБ и в то же время сам активный «белорусизатор». В его работах, которые были изданы в 1920-е годы в Советской Белоруссии («Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» (1925); «Гісторыя Беларусі у XIX пачатку XX сталесця» (1925); «Белоруссия. Территория, население, экономика, важнейшие моменты истории, экономический очерк Белоруссии и ее округов» (1926); «1863 год на Беларусі» (1930), под прикрытием вульгаризированного понимания марксистской методологии изложены все основные химеры «белорусизаторов»: противопоставление белорусов и русских, отрицание единства древнерусской народности, пропаганда антирусской «Рогнедианы», признание Полоцкого княжества белорусским государством, антиисторические глупости о «Великой Белоруссии» от моря до моря, фальсификации о польско-шляхетском восстании в 1863 году, «белорусизаторские» рассуждения о БНР как национальном движении белорусов. Современные «белорусизаторы» ничего нового не сочинили, они лишь как попугаи повторяют «белорусизаторские» фальсификации 1920-х годов.

Характеризуя «белорусизаторскую» публику 1920-х годов, польский историк Леон Василевский в 1925 году в книге на польском языке «Литва и Белоруссия» писал: «На поле белорусской культуры работают деятели, по существу не имеющие ничего общего с официальным коммунизмом — социалисты-революционеры, сторонники «правительства Ластов-

ского», прежней Верховной Рады и т.д. Овладевают они Институтом белорусской культуры и почти всем издательским делом на белорусском языке». Далее польский историк говорит о том, что эти «белорусизаторы» для маскировки вынуждены приспособляться «к официальной линии советской политики».

Некоторые недалекие историки могут сказать: раз при Советской власти началась такая «белорусизация», следовательно, виновата Советская власть. Это ошибочное заключение. Советская власть ставила задачу национально-культурного развития белорусского народа. Это была исторически справедливая задача. Ведь все белорусские этнографы дореволюционного периода (Евдоким Романов, Александр Сержпутовский, Николай Янчук, Иван Еремич, Адам Богданович, Николай Никифоровский, Юлиан Крачковский) криком кричат о забитости, о темноте, о культурной неразвитости белорусского крестьянина и рабочего. Вырвать белоруса из неграмотности, приобщить его к образованию и культуре — вот чем занималась Советская власть. Белорусизация в 1920-е годы основывалась на доверительном отношении Советской власти к интеллигенции, которая занималась культурной работой в республике. Среди этой интеллигенции была антисоветская часть (Ластовский, Смолич, Лесик, Цвикевич, Успенский, Некрашевич), которая использовала культурную работу как возможность разрушить общекультурное и государственное единство белорусов и русских. Другими словами, «белорусизация» в бэнээровском понимании внедрялась не Советской властью как таковой, а группой антисоветски и антирусски настроенных интеллигентов, которые, злоупотребляя доверием Советской власти, всячески пробирались в органы управления культурой и наукой в Белоруссии. Когда русофобские и антисоветские результаты приобрели значительный характер и стали угрожать самому государству, единству народов СССР с бэнээровской «белорусизацией» в 1920-е годы было покончено.

В третий раз идеология БНР была реанимирована в годы немецко-фашистской оккупации Белоруссии. Повторилась опять бэнээровская белорусизация, которая свелась к уже известным постулатам: антисоветизму и русофобии. Приехавших в немецком обозе гитлеровских лакеев (Радослав Островский, Франтишек Кушель, Наталья Арсеньева, Иван Ермаченко, Владимир Козловский, Вацлав Ивановский, Язэп Найдюк, Станислав Станкевич, Лариса Гениюш и др.) немцы стали использовать для «белорусизации», т.е. для разжигания межнациональной ненависти и восхваления гитле-

ровской «Новой Европы». По данным известного советского белорусского историка В.Ф. Романовского, к 6 июля 1941 года немцы привезли около 50 таких гитлеровских наемников. Характерный пример: Антон Лесик, родной брат Язэпа Лесика, работавший в Советской Белоруссии тоже языковедом, после захвата гитлеровцами Минска стал ревностно служить фашистским оккупантам. Он издал книгу «Беларускі правапіс», в которой продолжал антирусскую линию своего брата по созданию белорусского языка.

И привозных, и местных своих марионеток фашисты использовали для проведения лживой антисоветской и русофобской пропаганды. Для этого стало издаваться несколько «белорусизаторских» газет и журналов. Главное место среди этих изданий занимала выходившая в Минске «Беларуская газета», редактором которой гитлеровцы назначили одного из создателей национал-социалистической партии в Западной Белоруссии Владимира Козловского. Вот что проповедовали гитлеровские «белорусизаторы» в этой газете. «У Менску парасейску размаўляюць толькі сакрытыя жыды і камуністы». Сам гауляйтер Вильгельм Кубе печатался в этой газете. Приведем цитату, как он поучал «белорусизаторов» в первую годовщину вероломного нападения Германии на СССР 22 июня 1942 года: «Минск должен стать центром собственной белорусской жизни под немецким предводительством в новой Европе. Но Беларусь должна прийти к самосознанию и энергично взяться за задачи, определенные ей Судьбой. Беларусь более не форт выпадов красных правителей против Европы, а граница новой Европы против степного духа москалей». Вот уж действительно — ничто не ново под луной. Оказывается, современные «белорусизаторы» ничего не придумали оригинального на тему независимой европейской Беларуси и европейской идентичности белорусов. Они лишь занимаются плагиатом из фашистских циркуляров. Например, «белорусизатор» Леонид Лыч, который в советские годы живописал о дружбе белорусов и русских, следующим образом комментирует высказывание фашистского бонзы: «Подобная позиция гауляйтера не могла не привлекать к себе белорусских деятелей национальной ориентации... Снисходительное отношение В.Кубе к белорусскому вопросу позволяло научной, творческой интеллигенции, без оглядки по сторонам, строить свою деятельность с учетом национальных интересов, смело идти в народ и говорить ему всю правду о прошлом, склонять к активному участию в устройстве национальной жизни в рамках дозволенного властями». Какая трогательная идиллия! Так и хочется воскликнуть: «Хайль

Гитлер!» и «Жыве Беларусь!» Возвести фашистских палачей в ранг покровителей белорусского возрождения — именно к этому сводится национальная идея и евроинтеграция Беларуси у современных поклонников бэнээровской «белорусизации».

Казалось бы, с войной и «белорусизацией» покончили мы счеты. Но не тут-то было. Бэнээровская «белорусизация» выползла на божий свет в четвертый раз. Это произошло в результате разрушения СССР.

К сожалению, в период 1991—1994 гг. в большинстве случаев национальная политика в Белоруссии, так же как и в большинстве стран СНГ, строилась по принципу разжигания национальной вражды к русскому народу и бэнээровской «белорусизации», поскольку идеологически этой частью государственной деятельности занимались псевдодемократы в лице «Белорусского народного фронта». В частности, в программной статье лидера «Белорусского народного фронта» (БНФ) Зена Пожняка «О русском империализме и его опасности» была сформулирована антироссийская и антисоветская направленность так называемого национального возрождения в Белоруссии. В этой программной статье ненависть и клевета на русский народ и советскую действительность достигли стадии маниакальности. «Россия — это имперское общество с неограниченным сервильным сознанием». «Это лоскутный народ без очерченной национальной территории». «Беларусь выйдет из СНГ». «Наш путь — это путь балтийских стран, путь возвращения в европейскую цивилизацию». «Будут запрещены все коммунистические организации на Беларуси». «Наша нация глубоко и тяжело больна».

Руководство БНФ стремилось втянуть белорусский народ в конфронтацию с братским русским народом, выдвигая дикие территориальные притязания на Смоленск, Брянск, Невель, Себеж, Новозыбков, Дорогобуж и другие русские земли вплоть до Вязьмы. Создавалось впечатление, что ирония истории выбросила на свою сцену призраков средневековой дикости, которые гордились своей умственной ослабленностью и психологической неуравновешенностью, восхищались своей злобой к русскому народу, ко всему советскому — короче, всем тем, что у нормального человека вызывало чувство гадливости и презрения.

Такая, с позволения сказать, «белорусизация» не могла не привести к негативным последствиям во всех сферах жизнедеятельности белорусского общества, поскольку она шла вразрез с национальными интересами белорусского народа.

Так, по разным социологическим опросам в 1992 году, только около 20% населения считали, что белорусский язык должен быть единственным государственным языком. А 80% наших граждан выступили за государственное двуязычие — белорусский и русский языки. Вот почему бэнээфовская трактовка национальной политики воспринималась в сознании белорусов как политика не только антироссийская, но и антибелорусская. Несмотря на все усилия, бэнээфовцы так и не смогли привиться на белорусской почве, подтвердив тем самым, что они не заключали в себе никаких признаков белорусской ментальности и представляли собой не живые, а мертвые силы истории. Как справедливо отмечал президент Александр Лукашенко, «наши доморожденные националисты пытаются поссорить Беларусь с Россией. Пугают постоянно угрозой утраты суверенитета, жупелом русификации и потери национальных качеств. Прямо скажу: национализм, межэтническая вражда в Беларуси не приживутся — народ не тот. Для этого нет ни исторических корней, ни соответствующих умонастроений у наших современников».

К сожалению, следует признать, что свою антинациональную деятельность псевдолибералы и русофобы продолжают и поныне.

Зачем они этим занимаются? Затем, чтобы, лишив наши народы своего исторического сознания, реализовать геополитические проекты Запада на постсоветском пространстве. То, что не удалось сделать западным правителям в битве при Чудском озере, в годы Смутного времени, во время Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, они решили осуществить в результате геополитической катастрофы XX века. Для реализации своих антирусских замыслов Запад призвал на помощь коллаборационистов-фальсификаторов, которые должны были подвести, так сказать, «историческую» основу под разрушение СССР. Дескать, поскольку наша общерусская, союзная история была неправильной, нашим народам следует отречься от своей истории и заменить ее историей правильной. Какой? Разумеется, той, которая изложена в западной историографии. То есть историей, которая оправдывала агрессивную, колониальную политику Запада в отношении незападных народов. То есть историей, которая оправдывает сегодняшнюю экспансионистскую политику западных правительств в отношении постсоветских республик в виде продвижения НАТО на восток, навязывании западных ценностей в качестве универсальных ценностей человечества, противодействия интеграции между бывшими союзными рес-

публиками, устранении неугодных политических лидеров. Фальсификаторы нашей общерусской, союзной истории работают именно в направлении деисторизации и деинтеллектуализации общественного сознания наших стран, ликвидации исторической памяти наших народов, выполняя тем самым антиисторический заказ своих западных хозяев. Ведь понятно, что народы, лишенные исторической памяти, утратившие свои ментальные характеристики, неспособны ни к какой исторической жизни, оказываются вне исторического времени и пространства, исчезают из истории как народы.

Нужно ясно понимать, что это не некие абстрактные исторические дискуссии, не имеющие отношения к настоящему. Проталкивая идеологию БНР в белорусское самосознание, «белорусизаторы» делают это для того, чтобы подчеркнуть неправомерность избранного белорусами пути развития, попытаться навязать чуждые нашему народу ценности, а значит, в корне пересмотреть политику государства. Именно этим объясняются протаскивание лозунгов об исключительности европейского характере Белоруссии и игнорирование ее общерусских корней. Отказ от общерусских корней белорусского самосознания — это отказ от союза с братской Россией, а шире — от участия в каких-либо интеграционных процессах на постсоветском пространстве, отказ от исторического выбора белорусского народа, смена геополитической ориентации нашей республики. **Именно эту цель и преследуют «белорусизаторы» при восхвалении БНР.**

Отсюда вытекает важнейшая задача для деятельности всех структур белорусского общества и государства. Вернуть общерусскую историю, общерусское сознание во все сферы жизнедеятельности белорусского общества. Вернуть общерусскую историю в исторические учебники, вернуть общерусскую историю в литературу и искусство, в театр и кино, на радио и телевидение, в газеты и журналы, в систему воспитания и образования. Без выполнения этого условия все наши усилия по преодолению негативных последствий геополитической катастрофы XX века, все наши усилия по противодействию фальсификации белорусской истории будут напрасны.

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО

ПОВЕСТЬ

Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить!

С.А. Есенин

Паровоз, раздувая пары, с трудом тащил длинный состав, разрезая пахотные поля, застывшие в тревожном ожидании скорого пробуждения и цветения. Задыхаясь, он остановился на каком-то крохотном, покалеченном войной полустанке. По вагону, донельзя набитому военными и гражданскими людьми, узлами, тюками, корзинами, извиняясь и чертыхаясь, протискивался к своему месту капитан Добродеев.

В вагоне тесно. Прижавшись друг к другу, у окна сидят два молоденьких солдата: один без руки, другой слепой. Напротив женщина в берете, рядом толстый мужчина, по виду хозяйственник, и старик в новенькой, не по росту шинели. Припав к окну, старик пытается разглядеть, что там происходит:

— Что за станция?

Женщина, устало вглядываясь в окно, через плечо старика:

— Какая-то маленькая, неизвестная. — Безнадежно вздохнула. — Стоим у каждого столба.

ПРОЗА

Толстый мужчина не к месту криво усмехнулся, безразлично глядя в окно:

— Война, ничего не поделаешь.

Добродеев молча залез на верхнюю полку. Он долго лежал с открытыми глазами. В памяти, как странички, листались годы его жизни: родители, война, госпиталь... И вот теперь опять на фронт. А куда едут эти люди? Ведь здесь недавно хозяйничали немцы. Правда, линию фронта отодвинули далеко на запад. Значит, эвакуированные и беженцы возвращаются к мирной жизни на свои места: в города, деревни, поселки. Дай Бог. Поэтому галдеж в вагоне такой возбужденный.

— Что там случилось? — Старик трогает Добродеева за плечо. — Чего встали-то?

— Неизвестно. Встали, и всё, — неохотно отозвался капитан.

— На фронт едешь? — любопытствует старик.

— Туда, отец.

— После ранения небось? Вижу, неловко залез.

— Угадал.

Старику явно хочется поговорить:

— Откель сам-то будешь?

— С Кубани. Кубанский я. — Добродеев закрывает глаза, показывая всем видом, что хочет спать.

Возбужденный шум возвращенцев в вагоне не стихает. Капитан лежит с закрытыми глазами. А ему и вернуться некуда — только на фронт. После госпиталя поехал к родным местам навестить, сошел с поезда, подошел к деревне, а ее нет. Одни обгорелые печные трубы. Опустела деревня. И какая-то звенящая тишина охватила эти скелеты. Даже птиц нет. Он стоял среди черных головешек — сильный, здоровый — ничего, что из госпиталя. От слёз у него зарябило в глазах. Видит Бог, что нет этому злодеянству прощения. Сердце словно зажали в тиски...

Старик с пониманием посмотрел на Добродеева.

— Эвоно как... — Хотел что-то еще сказать, но не решился. Грустно стал смотреть в окно. Там за разбитым полустанком раскинулись бескрайние пахотные поля. Тихо проговорил, вроде бы себе: — Весна занимается. Пахать скоро, а пахать-то некому..

По перрону, толкаясь с вышедшими из вагонов редкими пассажирами, с сумкой через плечо идет торговка:

— Семечки, кому жаренных семечек!

Толстый мужчина повис из окна:

— Э-э-й, хозяйка, иди сюда! Дай-ка пару стаканов.

Торговка насыпает стакан черных семян, протягивает толстому. Затем второй. Берет деньги, идет дальше вдоль состава.

— Жареные семечки!

В вагоне толстый усаживается на свое место.

— Ну вот, теперь не так скучно будет. — Начинает грызть семечки, шелуху сплевывает на пол.

Старик опять заводит разговор с соседями:

— Ребятки, куда едете-то? Вроде уж отвоевались, а путь держите на запад.

Безрукий, поправляя пустой рукав:

— Ко мне едем.

— В госпитале были?

— Ага, — отзывчиво вздохнул солдат. — На Кавказе. А оттуда поехали на его родину, на Украину, к матери и сестре. Приехали в Дарницу, это под Киевом... — Солдат замолчал. Тяжело говорить об этом. Ведь рана-то еще свежая. Тихо закончил: — Погибли все...

Старик тяжело вздохнул, в голове мелькнуло: «Горе одно на всех».

Толстый, не слушая рассказ инвалида, лезет в карман, достает горсть семечек, церемонно протягивает женщине. — Угощайтесь, веселее ехать будет.

— Спасибо. — Женщина делает из газеты кулек для шелухи.

— Ну что ж, говорю, поедем, Петро, ко мне. Будешь у меня жить под Смоленском. Мы с ним два года вместе воевали. Он меня, раненого, из боя вынес в балочку. А потом вернулся обратно и попал под танковую атаку. Тут его и накрыло.

Женщина потихоньку вытирает слезы:

— Господи, ироды проклятые, что же они делают...

Толстый, прислушиваясь, невозмутимо лузгает семечки:

— Да-а. Бывает. Война.

— Ему еще повезло — руки целы, на месте. Он ведь гармонист хороший. И вообще, когда был зрячий, в роте был самый веселый. Это сейчас он тихий. — Грустно улыбнулся: — Грозился на моей свадьбе играть.

Старик суетливо лезет в свой мешок.

— У меня тут сальце есть, домашнее. Отведайте-ка, сынки.

Женщина охотно достает сверточек:

— А у меня пирожки с картошкой, ешьте. — Протягивает солдатам пирожки.

Безрукий бережно берет пирожок, отдает его другу:

— Спасибо! Завтра дома небось будем. Во мои обрадуются. Живой! — Ломтик сала, который дал ему старик, кладет

на пирожок слепому. — А ему аккурат в момент нашего приезда в Дарницу двадцать лет исполнилось — день рождения. Сюрприз хотел сделать родным.

Женщина, тяжело вздыхая, перестала грызть семечки:

— Господи, молоденькие-то какие.

Безрукий, продолжая жевать пирожок:

— Я обучусь писать левой рукой. Буду работать в колхозе учетчиком. Прокормимся.

Женщина, глядя на ребят, еле сдерживает слезы. А толстый хмыкнул себе под нос:

— Работнички.

— А он-то как же, родимый? — Женщина с состраданием посмотрела на слепого.

— Дома будет сидеть, хату сторожить. Получит пенсию, колхоз поможет. Или на свадьбах будет играть.

Толстый, продолжая бросать шелуху от семечек на пол, покосился на солдат, не к месту заметил:

— Колхоз поможет, жди.

Безрукий с надеждой обратился к женщине:

— А вы знаете, нам в госпитале сказали, что есть такой доктор по глазам, Филатов — может вылечить. Вы не слышали? — Женщина пожала плечами. — Будем его искать.

Послышался продолжительный гудок паровоза. Колеса стали пересчитывать стыки. Заскрипели полки старого вагона. Шум вокруг малость поутих.

— Поехали, кажись, — сдержанно засуетился слепой. Его друг нежно, по-братски, единственной рукой прижал к себе своего спасителя. Старик с тоской посмотрел на друзей. Что-то шевельнулось у него внутри, кольнуло в сердце прожитое. И потекли мысли вслух:

— У меня ведь трое сыновей было. Один меньшей воюет — жив, слава Богу. А двух уже нет. Старший в Крыму погиб. Средний... красавец, в госпитале умер на моих руках. От него вот и еду. Память от них осталась — двое внучат... да шинель. — Нелегко пережить такую потерю на старости лет. Старик тяжело вздохнул: — Вот так... Думал — пожил, потруился, детей вырастил, а оно, само дело, заставляет еще жить... для внуков.

Наступила какая-то гнетущая пауза. А что говорить? Каждый думал о своем. Женщину эти слова тронули. Она хотела поддержать старика — участливо и как-то робко посмотрела на старика и тихо произнесла:

— Вам, папаша, надо пожить не только ради внуков. Интересно и самому увидеть, как будут строить новую жизнь.

Слепой оживился, повернул голову на голос женщины. Лицо его просветлело:

— Хотелось бы посмотреть, каким будет Сталинград. Безрукий, искренне желая поддержать друга, утвердительно сказал:

— После войны, Петро, обязательно поедем. — Петро понуро опустил голову.

Безрукий понял настроение друга:

— Ну и что? Я тебе расскажу, а ты поймешь. По мостовым-то вместе на брюхе ползали.

Слепой с жаром мечтательно отозвался:

— Наверно, это будет особенный город. Он должен быть светлым и чистым. Никто не посмеет даже плюнуть на улице.

Старик грустно улыбнулся. Женщина бросила влажный взгляд на слепого. Толстый, не отрываясь от семечек, проворчал:

— У всякой пташки свои замашки.

Добродеев слез с полки, сел против толстого, заглянул ему в глаза, словно в пустоту, и, не разжимая зубов, процедил:

— Заруби себе на носу. В этом городе всяких шкурников, жуликов совсем не будет. — С трудом сдерживая себя, отвернулся к окну. Толстый сделал вид, что не расслышал:

— Что говорите, товарищ капитан?

— Ничего. Не утруждай свою совесть. Грызун.

— Чего? Совесть?

— Я вижу, у тебя ее нет. Грызи семечки.

Перебраниться у Добродеева желания не было. Только посуروهли его глаза.

За окном проплывали в легкой сиреновой дымке сиротливые поля. Они наводили на другое настроение. Видно было, что крестьянская закваска брала вверх. Он с тоской смотрел на эти просторы. И душа тянулась к этим полям...

Старик приблизился к капитану:

— Горячий вы человек, я вижу.. Вы из какого сословия будете?

— Из крестьян, — не отрывая глаз от полей, проговорил Добродеев. — Был учителем, потом председателем колхоза.

Старик чинно кивает:

— Начальство, значит.

— Какое начальство... Вот смотрю на поле и думаю: пахать надо, сеять, вырастить, собрать — руки нужны. А руки-то крестьянские автомат держат. — Помолчал, затем добавил:

— Справятся ли тут без нас?

Безрукий нечаянно услышал последние слова. Оживился, желая поддержать разговор:

— Вы, товарищ капитан, не сомневайтесь. Мы вот возвращаемся к земле. Ничего, что такие, — потрянул пустым рукавом. — Зато дух у нас фронтовой. Одной рукой за двоих будем работать.

Грустно перестукивают колеса на стыках. Люди в вагоне занялись своими делами. Безрукий вплотную прижался к капитану:

— Вы уж там... — Сжал единственный кулак. — За Сталинград...

Добродеев посуровел:

— Понимаю, солдат. Можешь быть спокоен.

Ему хотелось быстрее покинуть душный вагон.

Ночью, после тяжелого боя, на фронтовой полосе еще слышны короткие бездумные пулеметные очереди. Иногда в небе нервно дрожат всполохи ракет. Бой был беспощадный — как все на войне.

После этого кровавого боя, на краю только что отбитой у фашистов деревеньки, во дворе старенького дома, под навесом, где хранят сено, расположился взвод старшего лейтенанта Родионова. Из пепельных облаков неожиданно выглянула любопытная луна, коротко осветившая холодным светом дворик. А там бойцы занимались своим делом: кто перевязывал раны, кто укладывался спать, сделав из сена постель... Молоденький солдат Сокольников на корточках, прижавшись спиной к откосу навеса, пишет письмо. В перерывах между боями он всегда пишет на родину. Пишет, и нет конца этому письму. Никто с любопытством, вкрадчиво не спрашивает «кому пишешь?». Но каждый догадывается о душевном страдании парня и не осуждает, а наоборот, старается не мешать.

Рядовой Гуськов снимает сапоги, разматывает портянки, выливает из сапог воду.

— Скорее бы она кончилась... Господи, помоги! Надоела хуже горькой редьки, — сокрушаясь, ворчит солдат.

Здоровенный верзила — сержант Веселов, укладываясь спать, по-мальчишески хмыкнул:

— До конца войны, Гуськов, ты еще не одни сапоги истопчешь.

У каждого бойца теснилась в голове мысль о скором конце этой проклятой войны, и рождалось подспудное ощущение, предчувствие мирной жизни. Это предчувствие грело душу и придавало силы для преодоления суровой солдатской жизни. Лейтенант Родионов, закуривая самокрутку, с наслаждением затынулся:

— Через пару недель уже пахать надо... сеять.

Его перебивает Антонюк — остроносы́й и быстроглазый солдат:

— Вот, Родионов, из тебя агроном так и прет.

— Парует земля, — не обращая внимания на Антонюка, констатирует Родионов.

Крестьянская душа — она и в военное время к земле обращена. И делать как-то по-другому — не получится.

Родионов затянулся глубоко еще раз и погрузился в свои, только ему ведомые тайные думы, которые рисовали мирную довоенную, деревенскую пору.

Отрываясь от письма, Сокольников, принохиваясь, закрыл головой:

— Ребята! Каким-то тонким ароматом тянет.

Веселов, не раздумывая, подхватывает:

— Так это ж от портянок Гуськова несет. — Он всегда цеплялся к любым неожиданностям, лишь бы подковырнуть своего друга. — Он на скотном дворе в какую-то яму угодил. Говорит — случайно. А по-моему, от фрицев прятался. Знал ведь, что они в эту яму не сунутся. — Все устало смеются. Гуськов обидно захлопал глазами:

— Иди ты, балаболка. — Не мешкая, чтобы избежать надоевших всеобщих насмешек, повернулся к Сокольникову: — Где тут речка-то, далеко?

— Да нет, вон там, — Сокольников показал рукой в темноту.

Гуськов собирает сапоги, портянки и направляется в сторону речки. Веселов не на шутку забеспокоился: — Куда пошел-то?! Речка в этом месте простреливается.

Гуськов, махнув рукой, молча скрылся в темноте.

— О-о! Всё ему нипочем. — Ворча и матерясь, что может встретиться с шальной пулей, сержант поспешил за Гуськовым.

Впотьмах, чавкая сапогами по весенней грязи, прижимаясь к церковной ограде, за которой во всполохах ракет угадывается купол церкви, идет капитан Добродеев. Он ищет свою часть. Где-то вдалеке ухнул снаряд. Вдруг из темноты перед ним появляется фигура Веселова. Капитан сразу узнал бойца:

— Веселов, сержант? — Вот так встреча в темноте.

— Товарищ капитан, вы? — искренне обрадовался сержант. — Вы же в госпитале...

— Подлечили, снова в строю, — сдержанно улыбнулся капитан. — Где наши?

— Вот за этим заборчиком. Отдыхают после боя. Пойдемте.

Встреча бойцов и командира была оживленной:

— Товарищ капитан?!

— Наконец-то!

— Как здоровье? Уже поправились?

— Кто умеет — разве долго?

А еще радовались потому, что потери, которые понесли в бою, пополняются вернувшимся надежным командиром.

Добродеев и Родионов крепко обнялись.

Дружба двух командиров давняя, и связала их не война. Они родом из одной деревни, и у обоих сердце с детства прикипело к родной земле. Для них пашня, урожай не пустой звук. И война для обоих — как ненужное безумное занятие. Но враг топчет их землю, поливая ее кровью безвинных. И они сознают, что свою землю надо освободить от чумы.

Бойцы устали от тяжелого боя, гибели товарищей. Добродеев это понял сразу. Ему хотелось хоть как-то поддержать моральный дух солдат:

— Вы такими темпами продвигаетесь, еле догнал вас. Я уж думал, что к посевной ребята хотят закончить войну. Земля-то заждалась хозяина.

Солдаты, конечно, рады были бы закончить войну хоть сейчас. Но фашист так просто не сдастся. Остервенело огрызается гад и на что-то надеется... Капитан и старший лейтенант, негромко разговаривая, отходят в сторонку, чтобы не мешать бойцам отдыхать.

— Вижу, был бой суровый, — посерьезнел комбат.

— Товарищ капитан, выбило много бойцов.

— Знаю, Федя. В штабе полка доложили.

— Деревенька-то небольшая, а уперся... Ладно. — Перешел к личному: — Здоровье-то подремонтировал?

— Нормально. Хотели в резервный полк направить. Еле уговорил начальство, чтобы опять к вам, в свою часть. Прибыл, а в штабе сказали: «Скоро будет наступление. Не дать фрицу закрепиться».

— Правильно сказали! Надо гнать без передыха.

Добродеев глубоко вздохнул.

— Сеять скоро.

Помолчали. И возник у Родионова осторожный вопрос:

— Паша... Ну как там в тылу-то? Восстанавливают?

— Да, кое-где готовятся к пахоте. — И завитал этот тревожный запах воли, волнующий каждого, кто родился на земле. — Только пахать некому. — Заходили желваки на красивом лице капитана. — На что силы тратим?.. — И с горечью

ответил сам себе: — На войну. Эх, Федор... — Добродеев в сердцах резанул ладонью воздух. Не хотелось тревожить друга перед боем мыслями о родной деревне, сожженной фашистами. Умолчал. Отложив он этот разговор на после боя. А заговорил тихонько прямо в ухо Федору:

— В штабе полка сказали — выступать будем по приказу, пока подтянут тылы. А нам предварительно надо прошупать у фрицев левый фланг. Так что надо кого-то послать в разведку. Хорошо бы «языка» взять.

— Понятно.

— Как думаешь, кого?

— Да кого, кого... Веселова. Парень выносливый и сообразительный.

— А еще?

— Пусть сам скажет. — Родионов негромко зовет:

— Сержант!

Слышно, как впотьмах лениво перекликаются редкие деревенские собаки. Прочертив дымным следом кругую траекторию, ракета упала где-то далеко за рекой, осветив побитые снарядами деревья. Из темноты появился Веселов.

— Слушаю, товарищ старший лейтенант.

— Сержант, надо узнать, что там у немцев делается.

— Понял, товарищ старший лейтенант.

— Да чего ты заладил — лейтенант, лейтенант... В общем, надо пробраться на тот берег. Через речку. За деревней она узкая и мелкая. Желательно взять «языка». Надо узнать, ждут ли они подкрепление и когда.

— Понял.

— Идти надо вдвоем... Кого возьмешь?

— Любого... Ну давайте Антонюка.

Родионов недоверчиво переспросил:

— Антонюка? Н-да... Боюсь я за него.

— Ничего, зато он парень не хлипкий.

Капитан перехватил настроение Родионова:

— Есть сомнение?

Веселов переминался с ноги на ногу:

— Ребята устали после боя, а он вроде ничего.

Капитан строго сказал:

— Выходить сейчас, пока темно. Вернуться к утру... живыми.

Из-за кустов появился полураздетый Гуськов. Он в кальсонах, сапогах и в гимнастерке. Все с удивлением посмотрели на него.

— Это что такое? — Добродеев переглянулся с Родионовым.

А Гуськов, не обращая внимания на строгих командиров, искренне обрадовался, увидев капитана. И словно на гражданке, стал восхищаться, забыв об одежде:

— Товарищ капитан? Вернулись? Живой! Слава тебе, Господи...

— Почему в таком виде? — еле сдерживая смех, спросил Добродеев.

— Дык я на речку ходил, — почесал раннюю лысину Гуськов. — Вода холо-одная.

Веселов поправил пилотку, из-под которой выскочили веселые русые завитушки.

— А он всегда, товарищ капитан, после боя кальсоны стирает. Святое дело.

— Э-э-э, губошлепый балаболка. Не кручинься за меня.

— Оденься скорее, а то простудишься, — улыбнулся Добродеев.

Родионов незаметно дал знак Веселову. Тот как появился из темноты, так и исчез.

— Это я сейчас, мигом. — Гуськов стеснительно мнется. — У вас закурить не найдется? — Добродеев протянул пачку папирос. — О-о! Папиросы «Беломор». Сразу видно, из тыла человек прибыл.

— Бери, бери.

— Кто добро творит, того Бог благодарит. — Гуськов берет две штуки. — Я ведь папиросы-то не очень...

— «Не очень», а берешь две штуки.

— А две потому, товарищ капитан, что одну сейчас, а другую после боя. Чтобы цель была выжить.

Родионов, сдерживая улыбку, старался придать голосу приказной тон. — Иди в избу, обсушись и ложись спать.

Гуськов прячет папироску за ухо:

— Благослови вас, Господи. — Быстро уходит.

Добродеев осторожно садится на брошенное у сарайчика бревно, закуривает.

— Никакая армия не научит Гуськова дисциплине.

— Да уж... И не нужна ему эта война... Он классный плотник. В деревне дома строил.

— Да и мы с тобой, Федор, не по своей воле здесь. Если бы не фашист, готовились бы сейчас к пахоте. Земля-то ждет!..

— Да тише ты. Кругом смерть, а ты — «земля».

— Самое страшное, Федя, — человека на войне приучают убивать.

— Не убивать, а защищать свое Отечество...

И разговор как-то замолк. Только огоньки от папирос нервно вспыхивали. Повисла в ночной тишине задумчивая

пауза. Оба понимали, что не по своей доброй воле взяли в руки оружие. Они войну не искали. Она сама, кровожадная, пришла к ним, а их долг — освободить родную землю от пришельцев.

За стеной сарайчика послышались позывные. Там пригнулся связист Камратов со своей аппаратурой. Он сонным голосом разговаривает с коллегой из штаба:

— Я — «Роза»... Слушаю... Чего ты там?.. «Роза» слушает... Да не сплю я... Ничего особенного. Тихо. Тихо, говорю... Немножко постреливают. Ладно. — Вешает трубку.

— Весна растревожила мне душу, Федор. К земле потянуло.

— Ничего, Паша, скоро мы этому фрицу окончательно хвоста наломаем и тогда...

— Зачем люди убивают друг друга?

— Зачем? — Не найдя ответа, Федор замолчал. — И что тебя на философию потянуло? Ты, я смотрю, Паша, пока в госпитале валялся — делать-то нечего было...

Где-то далеко взвилась ракета, на секунду высветив суровые лица друзей.

Небольшая плоскодонка бесшумно скользит по бархатной глади неспешной и неширокой речушки. В лодке Веселов и Антонюк. Лодка, чуть шурша, скрывается в прошлогодних камышах. Бойцы, напряженно прислушиваясь, ступают на топкий берег. Здесь еще хозяйничают немцы. Веселов насторожился, услышав подозрительный шум, подумал: «Наверное, разбудили лягушек». Убедившись в безопасности, тихо прошептал:

— Лодку подтяни... Только тихо.

Антонюк, боязливо озираясь, подтягивает лодку к берегу.

— Надо запомнить, где ее оставили, чтобы потом не искать.

Осторожно наступая на мокрую землю, разведчики направились в сторону деревни.

В сарайчике связист Камратов сонным голосом продолжает ворковать:

— «Акация», «Акация»... Гутен морген... Я «Роза», «Роза»! «Роза»!! Проверка линии. Проверка линии!.. Черт глухой.

Добродеев отодвинул гнилую доску сарая:

— Чего там?

— Да... «Акация»? — Связист неожиданно встрепенулся. — Так точно, есть. — Передает трубку Добродееву.

— Слушаю... Понял... Слушаюсь, товарищ полковник. — Посмотрел на Родионова. — Здесь... Передам... Точно в на-

значенное время? — Смотрит на часы. — Слушаюсь. — Передает трубку связисту.

— Из штаба? — Родионов напрягся.

— Передают тебе благодарность за этот населенный пункт.

Родионов чуть расслабился.

— Полковник сказал, где-то важную высоту хотят отбить у немцев. Танки пойдут туда. А шум поднимут по всему фронту дивизии, чтобы сбить немцев с толку. Арtpолк выставит тягачи на передовую.

— У нас уже стоит один.

— Сказал, что как только подтянут тылы, будет приказ — двинемся дальше.

Разведка — дело рискованное и опасное. Разведчики — смелые люди. Труд их бывает бесценен. Он опирается на мужество, преданность и жертвенность. Разведчики Веселов и Антонюк притаились в зарослях высоких кустов на краю деревни.

Слышна немецкая речь. Около добротной избы — видимо это немецкий штаб — стоит мотоцикл. Из избы то и дело выходят и входят офицеры и солдаты. Двое умчались на мотоцикле... Немного стихло. Веселов напряженно следит за перемещениями немцев.

— Эх, если бы понять, что они там лопочут...

— Сцапают нас здесь немцы — узнаешь, что лопочут, — забурчал Антонюк. — Вон они кругом.

— Не роняй сопли, — Веселов, не отрываясь, продолжает наблюдать за немцами.

— Понятно, что они готовят наступление, — жалобно застонал Антонюк. — Пошли к лодке, пока не поздно.

Веселов с досадой посмотрел на Антонюка.

— Правду говорят: чтобы узнать человека, надо в разведку с ним сходить, — почти зло прошептал Веселов. — Нам нужен «язык».

— Чихал я на него. Скажем — не удалось...

— Ну и дремучий ты мужик, Антонюк. Ошибся я в тебе.

— Ох ты, ох ты! Зря я согласился с тобой идти.

— Не замечал я раньше, что ты такая гнида. Думал — ты нормальный мужик.

— Приказ мы выполнили — увидели, что здесь происходит.

— Ты, Антонюк, тупой, как сибирский валенок. Только «язык» скажет, что у них на уме.

Подул слабый ветер, мокрый и холодный. Из грязных туч, расплывшихся над головой, заморосил мелкий дождь.

— Хватит дурью маяться. У меня мурашки бегают по телу. Улыбнулся сержант, но его улыбку Антониук в темноте не видел.

— Смотри, чтобы они не затоптали твою совесть. Чего нюни распустил?

— Упертый ты, Веселов. Еще шутишь. Как ты его возьмешь, этого «языка»?

Неугомонная война даже ночью не спит. Во тьме где-то неожиданно затеялась далекая беспорядочная перестрелка.

— По деревне стреляют, — пряча окурки в кулак, глухо сказал Добродеев.

Родионов спокойно, стряхивая пепел:

— Пусть стреляют. Там никого нет. — Глубоко, с наслаждением затянулся. — Всё население в лес ушло.

— Знаешь, Федор, у меня эта мысль как гвоздь в голове сидит, — тихо заговорил Добродеев.

— Какая?

— Да насчет войны нашей. И вообще насчет войны любой.

— А что так?

— Ну, вот ты мне ответь. Когда конец этим войнам будет? Когда?!

— Да тише ты, философ.

— Ну?

— Отвечу, — срывающимся голосом заговорил Родионов. — Мы воюем за свою землю. Свою жизнь. А ведь она была не плохой. Мы на своей земле. Защищаем своих родных, матерей, жён... Вот ты не женился до войны... А то бы... — Резко замолчал. В незнакомой деревушке, сырой ночью, посреди не войны воспоминание о мирном времени так и толкалось в память. — Я помню, когда ты появился в колхозе после учебы. Бабы шибко шушукались: учитель, молодой, холостой...

— Да не об этом думалось тогда. — Добродеев как-то тихо вздохнул.

— А уж когда в председатели выбирали, девки на тебя глаза лупили в открытую.

— Федя, хватит. — Капитан мял папиросу нервными пальцами. — По наивности я не замечал, как крутится под ногами земля.

— Вот-вот. Тогда время было другое. Хотелось крутить шарик быстрее.

— Несправедливости на земле много, — как-то хмуро, глядя в темноту, произнес Добродеев. О чем он подумал тогда — только ему известно.

Еще в госпитале, когда Добродеев залечивал раны, ему привиделся сон. Вся довоенная жизнь проскакала по пестрым полям его памяти быстро и негромко, не оставляя за собой заметного следа. Детство носилось, бедокурило по пыльным деревенским улицам и резко оборвалось, когда приехала комиссия из центра с предписанием о высылке семьи в Сибирь. Не понравилось кому-то, что зажиточный крестьянин Григорий Добродеев выступил против закрытия церкви на селе. А случилось это после того, как церковный звонарь забрался на колокольню, громыхнул три раза в большой колокол и заорал:

— Нету теперь у нас правды, она ушла на небеса!

Это был период, переломивший много судеб и жизней самого трудолюбивого класса в России.

Накануне высылки случился пожар. Дом сгорел. Семья Добродеевых — отец, мать и сын оказались в голом поле. Мать успела взять кое-какую поклажу и самое дорогое — уцелевшие иконки. Погрузили на телегу свой скарб, нехитрый сельхозинвентарь и в путь.

Был мучительный переезд на незнакомое место, в глухое маленькое село Хлябцево в семидесяти километрах от Омска. Трудолюбивый, с крестьянской закваской Григорий очень любил своего Пашку. Старался сделать всё, чтобы вывести его в люди и дать образование. Понимал, что мужик должен не только трудиться, но и быть грамотным. Отец был умен от природы и на селе, несмотря на разность положений, быстро сошелся с учителем Сергеем Петровичем Рябцевым, которого сослали за благородное происхождение. Хотя положение у них было одинаковое — ссыльные.

Сергей Петрович с согласия общины собрал деревенских детей и стал их учить. Обучением он занимался с удовольствием. И скоро заметил способность Пашки к учебе. Он уговорил Григория отдать парня туда, где есть официальная школа. Отец ради такого дела без колебаний согласился, отвез сына в соседнее село, договорился за деньги с одинокой, набожной женщиной Авдотьей, что она выделит ему угол и будет кормить со своего стола. Детей у нее своих не было, и она, перекрестившись три раза перед иконкой, согласилась приютить симпатичного мальчишку.

Теперь родителей Пашка видел редко, скучал по матери и отцу. Когда приходилось видеть, то расставаться не хотел. Но отец своим крестьянским чутьем понимал, что парню надо учиться, и настаивал на своем.

Годы летели быстро. И по окончании школы встал вопрос, что делать дальше. Учителя сказали: «Надо ехать в город и

поступать в педагогический институт». Так он и сделал. Учеба давалась ему легко. Но за время учебы Павлу пришлось дважды съездить в Хлябцево на горькие похороны: сначала отца, а затем матери. И остался Паша Добродеев один на всей планете. Родственников у него не было. После окончания института все студенты хотели остаться в городе, а он попросил распределить его в село. И словно по Божиему промыслу или недосмотру чекистов оказался он в том селе, откуда была выслана его семья. В местной школе было всего два учителя — остальные уехали в город. Они уговорили молодого педагога Павла Григорьевича занять должность директора.

За несколько лет школа в корне преобразилась. Это заметили и колхозники. Когда на общем собрании встал вопрос о председателе, то вместо лентяя и пьяницы — ставленника райкома Матвея Прокопчука бабы и мужики единодушно подняли руки за Павла Григорьевича Добродеева.

Коллективизация набирала обороты. Но колхоз — это не школа. И хотя он сызмальства знал крестьянское дело, и оно было ему не в диковинку, в новых условиях приходилось туго. Тем не менее колхоз под руководством молодого председателя стал поднимать голову. «Заозёрное» в районе начали похваливать и даже ставить в пример. Но тут в мирную жизнь непредвиденно встряла война. Добродеева как председателя колхоза направили на курсы командиров. И вот уже три года он месит грязь по военным дорогам. А смерть с противным свистом гоняется за ним.

Робко вздрагивали розовые огоньки от папирос капитана и старшего лейтенанта, подчеркивая темень ночи, плотно накрывшую округу. Кажется, она застыла в своей массе, ожидая прихода спасительного серенького утра, которое всё не приходит. Да и никто не торопит это утро. Добродееву и Родионову есть о чем поговорить, поразмышлять, окунуться в прошлое — вспомнить довоенную жизнь. Не знали они, что это была трудная и обыкновенная радость. А узнали об этом только тогда, когда фашист пришел в их дом. Долго будет помнить их поколение кровь и трупы на полях.

Добродеев плюнул на окурочек, погасив его.

— Нет, война не для меня. — В его голосе прозвучали твердые нотки. Капитан замолчал. Молчал и Родионов, и, погасив свою папироску, он понимающе вздохнул.

— Но ты, Паша, в ней участвуешь.

— Да. Поневоле...

Конечно, кому не хочется мирной и счастливой жизни?! Но чумные силы ломают эту жизнь, ломают людские судь-

бы, рубят под корень всё, что наработало человечество за сотни лет, покушаются на самое святое — человеческую жизнь.

— Ладно, Паша. — Родионов с надеждой улыбнулся в темноте. — Кончится война, вернемся в свое «Заозёрное» — проживем. — От такой сладкой мечты старший лейтенант даже зажмурился.

А у капитана комок подкатил к горлу. Не хотелось говорить своему агроному страшную весть. Но что поделаешь, ее не утаишь. Всё равно узнает:

— А «Заозёрное» наше, Федя, немцы сожгли под корень. Это я сам видел.

— Как?! — У Федора перехватило дыхание.

— Одни печные трубы остались, небо подпирать.

— Вот это да. А ты молчишь. — У Федора сердце болезненно сжалось. — И живых нет?

— Народ, наверно, разматало по соседям. У меня времени не было, чтобы узнать.

— Как же мои там? Я думал: освободили, а писем нет.

— Надо надеяться. Подожди, Федя. Придут тебе письма.

— Там ведь мать и бабушка. Ты же знаешь.

— Дай Бог, чтобы они остались живы.

Федор с горечью произнес:

— Вот за это мы и воюем, Паша.

— Да. Они должны ответить.

В темноте ночи послышался неясный шорох, и прямо перед военными появился мужичок в замызганной стеганке. Он прищурился, чтобы лучше разглядеть:

— Здравсте вам, начальники дорогие!

Бойцы оторопели. Родионов с нескрываемым удивлением хохотнул:

— Вот те на! Откуда ты взялся?

— Как откуда? — Старик подтянул стеганку, подпоясанную солдатским ремнем. — Я на своей земле.

— Ночью нечего болтаться по деревне, — строго сказал Родионов.

— Так днем-то вовсе нельзя — неприятель заметит. У нас и общее собрание ночью было. Еще до вашего штурма. В поле, во-он под теми скирдами.

Добродеев и Родионов неодобрительно переглянулись.

— Какое собрание?

— Колхозное. Правление выбирали. Мужиков-то в деревне не осталось.

Родионов растерянно улыбнулся.

— Ну ты даешь! Где же он, ваш колхоз-то?

Ну как где, — сердито произнес старик, — вот в этой деревне, Соколово. — Тихонько крикнул в кусты: — Ульяна! Иди-ка сюда, чего спряталась. Это свои.

Из темноты появилась девушка, как сказочное видение. Она робко смотрела большими глазами на командиров. Из-под косынки выбились белокурые пряди. Застенчивая полуулыбка была на ее лице. И мрак ночи словно раздвинулся — стало светлее. Родионов еще больше удивился:

— Ты смотри, комбат, что делается на передовой.

— Это для вас передовая. — Старик хитровато прищурился. — А для нас — тыл. — Опять с молодецким видом поправил стеганку. — Меня зовут Харитон Акимыч. А это, — старик посерьезнел и придал голосу убедительности, — вот это наш член правления, Ульяна Сорокина. А в председатели, стало быть, обратили меня.

Добродеев неодобрительно посмотрел на обоих:

— Вам жизни своей не жалко? Здесь же передовая... Стреляют.

Харитон Акимыч аккуратно вытер рот ладошкой:

— Это наша земля. — Сказал как отрезал.

— Ну хорошо, что вы хотите? — сухо бросил комбат.

Ульяна с пристальным вниманием глянула на Добродеева.

— У нас к вам разговор есть, — упрямо сказала член правления. И уже мягче добавила: — Вернее — просьба.

Оба командира вопросительно посмотрели на пришельцев.

— Ну чего здесь-то? Пошли в дом, — скомандовал Родионов.

На пологом берегу реки за камышами в кустах густая ночь придавила двух разведчиков к сырой земле. У разведчиков такая суровая доля — терпеть. Не выдать себя врагу, иначе вся задуманная операция превратится в прах. Но Антонию лежать на сырой земле в окружении немцев неуютно и страшно. Он тянет за рукав Веселова:

— Пошли отсюда, пока не поздно.

Веселов, продолжая наблюдать за хатой — штабом, с остервенением цыкнул, отталкивая Антонию:

— Ну и курва же ты, Антониюк.

Сержант понимает, что сейчас не время перебраниваться. Задание надо выполнить во что бы то ни стало. Надо взять «языка». Вдруг из хаты, где расположилось фашистское военное руководство, выскакивает немец. Он бежит к кустам справить малую нужду. Разведчики притихли, затаили дыхание. Было слышно, как капельки дождя падают на про-

шлогодние листья. Оправившись, немец собрался бежать в хату. Но неожиданно огромный кулак Веселова опустился на затылок немца. Он рухнул на землю как подкошенный. Веселов заторопил Антоюка:

— А теперь принимай. Только тихо. — Антоюк засуетился, не зная, за что схватить немца.

— Заткни ему рот тряпкой, — приказал сержант.

Антоюк делает кляп из носового платка.

— Бери за ноги, — шепотом сказал Веселов и взял пленного под руки.

Разведчики быстро скрылись в камышах.

В избе с завешанными лоскутными одеялами окнами, освещенной керосиновой лампой, расположились Добродеев, Родионов и Ульяна. Харитон Акимыч, оглядывая избу, нашел в углу образок — перекрестился.

Родионов, усаживаясь на лавку, обратился к старику:

— Не рано ли вздумали колхоз возобновить?

— А чего время терять? Не будете же больше туда-сюда. Или на фронте неустойка?

Добродеев покосился на старика:

— Родионов, а у тебя чай есть?

— Сейчас организуем. — Старший лейтенант пошел разжигать огонь в печке.

— Я о чём, дед, — спокойно сказал капитан. — Здесь линия фронта... Все участки простреливаются, а вы колхоз.

Харитон Акимыч, заискивая, старался заглянуть в глаза Добродееву:

— Товарищ начальник, что поделаешь. Хлеб на стол пешком не ходит.

Родионов усердно раздувает огонь в печке:

— Мы-то тут при чем?

С обидой посмотрел старик на Родионова:

— А вы наши или нет? Ульяна, рассказывай по порядку.

Огромные глаза Ульяны заблестели. Она в упор посмотрела на Добродеева. И не зная, с чего начать, неожиданно выпалила:

— Трактор бы нам надо...

Добродеев ошарашенно поглядел на Ульяну:

— А еще что? Молотилку, комбайн не надо?

— Нет. Нам нужен трактор, — и заторопилась, чтобы не получить отказ. — У нас трактор-то есть, только его вытащить надо.

Добродеев удивился еще больше. Но напрягся, чтобы понять.

— Откуда вытащить?

— Из речки, — добавила Ульяна.

А Харитон Акимыч, наседая на Добродеева, быстро заговорил, желая пояснить суть дела:

— Когда вы драпали, мы его утопили в речке, чтобы немцам, врагу не достался.

Родионов с горячим чайником подошел к столу:

— Мы не драпали, а планомерно отступали.

Харитон Акимыч смутился — понял, что ляпнул обидное для военного человека, и отступил за спину Ульяны.

Слова старика не вызвали обиду у старшего лейтенанта. Что было, то было. Но видит Бог, правота всё же есть — драпают теперь немцы.

— И как это мы его тащить будем? — стараясь понять, спросил Добродеев.

Харитон Акимыч из-за спины Ульяны невинно произнес: — Да вон у вас тягач стоит без дела.

Родионов спокойно расставил на столе кружки:

— Это не у нас. Это у пушкарей.

Трудно сказать, что творилось в душе у Добродеева. С одной стороны, он охотно понимал этих людей, их озабоченность — время-то посевное наступает, а с другой — подготовка к наступлению. Объяснить им трудно — поймут ли.

— Пушкاري могут не дать.

Ульяна с болью посмотрела на Добродеева, заговорила сквозь близкие слезы:

— Ох, какой вы... Нам без трактора никак. Не посеем — жить нечем. На вас надеялись. Поэтому и пришли к вам... Если б захотели помочь... Вам скорее тот командир даст тягач.

Добродеев посуровел, неохотно подул на горячий чай. Губы Харитона Акимыча сложились горькой страдальческой подковкой.

— Вы на Ульяну не серчайте. Волнуется она...

Добродеев вслух подумал:

— Еще неизвестно, в каком он состоянии. Может, ремонта требует.

— Мы всё просчитали, — остро отреагировал старик. — Только бы вы опять не побежали, как в сорок первом. — И покосился на Родионова.

Старший лейтенант аккуратно наливает из чайника в кружку Ульяне кипяток:

— Извините, ни сахара, ни конфет у нас нет.

Ульяна смущенно махнула рукой:

— От конфет мы давно отвыкли — война.

Добродеев неожиданно достал из кармана большую конфету, протянул ее Ульяне.

— Простите, можно вас угостить?

Ульяна еще больше смутилась. Родионов продолжает разливать чай.

— Вряд ли трактор вас спасет.

Эти слова словно пронзили душу старика:

— Без него мы погибнем, чего лукавить. В деревне одна корова сохранилась, на ней же не вспашешь поле, не проборонуешь...

В хату быстро вошел связист Комратов:

— Товарищ комбат, из штаба полка вас спрашивают.

Добродеев выходит из избы, за ним связист.

Оставшиеся молча дуют в кружки на горячую воду.

Родионов с удовольствием глотает кипяток:

— Наш командир, Павел Григорьевич, человек добрый. Мы с ним до войны в одном колхозе работали. — Харитон Акимыч и Ульяна с любопытством посмотрели на Родионова. — Я агрономом, а он председателем. Хороший был председатель... Когда его выбрали — весь колхоз проголосовал «за»... А сегодня из тыла, из госпиталя вернулся. Ранен был... Вот и привез конфету на фронт.

Ульяна и старик молча слушают. Родионов, похлебывая горячую воду, невозмутимо продолжает:

— Помог бы... но... война... Слышно им будет, если мы подгоним тягач к речке.

— Это так, — озадаченно вздохнул Харитон Акимыч. — Слышно будет.

— Они подумают — танки. Такого огонька всыпят! Бросьте о тракторе думать.

Старик отставил кружку, тихо и горько произнес:

— Если мы будем сиднем сидеть, то зимой вся деревня с голоду вымрет. А там бабы с малыми детьми, старухи...

В сарайчике у связиста Добродеев в наушниках внимательно слушает приказы из штаба:

— Понял... Хорошо... Когда?.. Понял... Будем готовы... Потери, к счастью, минимальные... Настроение нормальное... Слушаюсь. — Снял наушники, посмотрел на часы. — Комратов, позови мне старшего лейтенанта.

Комратов убегает в избу.

Где-то далеко за речкой изредка взлетают в воздух ракеты. А с другой стороны, радуясь приходу весны, заливаются соловьи. Весна! Природу никакая война не остановит.

Из избы выскочил Родионов, подбежал к Добродееву.

— Слушаю, товарищ капитан.

— Федор, у нас тягач-то где стоит?

-
- Да должен за деревней в балочке находиться.
- Пошли кого-нибудь туда, пусть его подготовят... И буксирный трос подлиннее.
- Зачем?
- Через час начнется штурм, о котором нас предупреждали. На том фланге наши будут брать важную высоту, а мы будем шуметь — демонстрировать танковую атаку, чтобы отвлечь внимание противника. Ну, под этот шумок и вытащим трактор.
- Да ты что? — пугливо заговорил старший лейтенант. — Немцы нас огнем сразу накроют.
- Не успеют. Мы должны сделать всё быстро.
- Ох, капитан! Война кругом, кровь льется, а ты баб да стариков слушаешь.
- А для чего мы с тобой, Федя, воюем? — горячо проговорил капитан. Посмотрел в упор на Федора и, не найдя поддержки, с еще большей убедительностью заговорил неожиданно осипшим голосом. — Им трактор нужен, им сеять нужно — жизнь продолжать. За жизнь и воюем с тобой.
- Это же целая боевая операция.
- Правильно говоришь, Федя.
- А что, приказ из штаба пришел? — с надеждой посмотрел на капитана Федор.
- Федя, не поможем людям — совесть, как ржавчина, разест душу. А как с этим жить? Как воевать? Это же хуже фашиста. Фашист — это внешнее проявление, а совесть внутри нас, от нее никуда не спрячешься. Ты же крестьянин, понимать этих людей должен.
- Без приказа командира полка... — растерянно разводя руками, произнес старший лейтенант. — Павел Григорьевич, это опасно.
- Знаю. — Капитан быстро и решительно зашагал в избу, на ходу бросил: — Займись тросом.

Керосиновая лампа тускло освещала стены деревенской избы. Ульяна и Харитон Акимыч перестали пить чай. Ульяна аккуратно, как в детстве, сложила фантик от конфетки.

— Им сейчас не до нас... — опустошенно проговорила она.

— Мы же не христарадничать пришли, — с горькой обидой сморщил нос старик. — Мы ж к своим пришли.

— Да всё я понимаю, — грустно вздохнула девушка.

В избу вошел Добродеев. Он посмотрел на всех: настроение у просителей убитое, поймал на себе колючий взгляд Харитона Акимыча.

— Ну что такие кислые?

Ульяна отодвинула остывшую кружку, со скрытым осуждением посмотрела на капитана.

— Спасибо за конфету.

Они случайно встретились глазами, и у Добродеева появились добрые морщинки вокруг глаз:

— Где же вы его утопили?

Харитон Акимыч сразу оживился, смекнув, что начальник спрашивает о тракторе.

— За деревней, в речке, супротив большой ивы. — Одернул заношенную кацавейку. — Я прошлым летом при немцах купался там. Пощупал: засосало малость, но вытащить можно — он нас ждет, СэТэЗэ родимый... Колесный ведь...

— Ладно. — Капитан взглянул на часы. — Через час, может быть, и вытащим ваш СэТэЗэ.

Харитон Акимыч быстро перекрестился.

— Господи, прошу помощи нашим военным на благое дело...

— Но... — развел руками капитан. — Может быть... — Нерасмело посмотрел на Ульяну и встретил в ее глазах надежду и доверчивую теплоту.

Дверь в избу отворилась, и с победным видом вошел Антонюк. Лицо его светилось. За ним Веселов ввёл пленного немца. Вид у обоих усталый, но вполне счастливый.

— Товарищ капитан, ваш приказ выполнен! — бодро доложил Веселов. — Вот он, «язык».

Добродеев, довольный, разглядывает немца:

— Красавец! Да вытащи ты ему тряпку. — Антонюк, опережая Веселова, выдергивает изо рта пленного кляп. — А документы у него есть?

Антонюк быстро ощупывает пленного. Из бокового кармана достает документы с фотографией. Капитан внимательно читает:

— Та-ак, значит Эрих Штольц. Двадцатого года рождения... Обер-лейтенант. — Обратился к Веселову: — В роте кто-нибудь по-немецки может?

Веселов пожал плечами. Капитан замялся, не зная, как быть:

— Та-ак... Не в штаб же его отправлять.

Немец вдруг заерзал и заговорил на ломаном русском:

— Развяжите руки. Болно.

Все с удивлением посмотрели на немца. Добродеев обрадовался больше всех:

— О-о! Да ты по-русски шпрэхаешь!

Немец отрывисто, не глядя на капитана, произнес:

— Говорю. Только не хочу говорить.

— Это почему же?

Немец молчал. Изредка исподлобья, недобро поглядывал на капитана. — Пить хоч.

Добродеев делает знак Антонюку. Тот быстро наливает в кружку воду, отдает ее немцу. Пленный жадно и долго пьет, стуча зубами о край кружки.

— Не хочешь, — спокойно сказал капитан. — Тогда мы тебя расстреляем. Ты же убивал наших, вот и мы тебя...

Немец занервничал:

— Меня нельзя стрелять.

Добродеев с удивлением посмотрел на пленного.

— Что?

Немец в надежде на понимание заговорил:

— Я учитель. У меня семья, дети...

— Вижу. — Капитан посмотрел на фото. — Это жена с сыном? Маленький еще.

— Да... Я никого не убивал.

Добродеев нарочито закивал:

— Ну да, ну да... Да ты садись. — Антонюк быстро подставил табуретку. Немец, не торопясь, садится. — А что у тебя за часть?

Немец с надеждой посмотрел на Добродеева и коротко ответил:

— Мотострелковая.

— Большая часть?

— Да... Была...

— Какие планы у вашего начальства?

— Временно закрепиться на этом рубеже и как поступит подкрепление — наступать.

— О наступлении мечтаете? Откуда так хорошо русский язык знаешь?

— Я учитель. Преподавал литературу в школе и русскую тоже.

— Подкрепление ждете?

— Ждали. Но эшелон с танками взорвали... партизаны. Теперь не знаем, когда придет...

— Ну? Во какие партизаны... Так, значит, танков нет. — И неожиданно, почти весело, по-ребячьи, с азартом хохотнул: — А у нас есть, и много. — В упор глядя на пленного, подтвердил: — Мно-ого... Вот, говоришь, убивать тебя нельзя. А его можно? — показал на старика. — А ее? И ее ребенка?

— Я не хотел здесь быть. Я учитель...

Не хотел, — слегка распаяясь, но сдерживая себя, проговорил капитан. — Кто же тебя послал сюда? В чужую стра-

ну... воевать... убивать. — Немец тупо уставился в пол. — А я знаю кто, — наседал Добродеев. — И ты знаешь, только боишься признаться. — В комнате повисла тяжелая пауза. Все внимательно следили за капитаном. — Я скажу: тот, кто послал тебя сюда убивать, — преступник. Ты меня понял? Преступник! — повторил Добродеев. — И имени другого у него нет.

Немец сидел с опущенной головой. И как всем показалось, он еле заметно кивнул. Добродеев посмотрел на часы — время не ждет, скоро начало операции.

— Сержант, вы как перебрались через речку?

— Мы за деревянной лодку нашли...

— Ясно. Посадите в эту лодку пленного и пусть добираться до своих сам.

Такого решения никто не ожидал. Антонюк оторопело застыл с широко открытыми глазами:

— Мы его с таким трудом...

Капитан строго посмотрел на Веселова.

— Выполняйте приказ, — и тихо добавил: — Как можно быстрее.

Когда немца увели, Добродеев, глядя на часы, тихо уронил:

— Пусть расскажет своим, что у нас много танков.

Плакучая ива под темным саваном ночи склонилась над серебристой речкой, протянув свои тонкие ветви к воде. По раскисшей земле артиллерийский тягач с грохотом разворачивался, готовясь к работе. Солдаты растягивали трос. Добродеев наклонился к Харитону Акимычу, сиюсья перекричать шум тягача:

— Показывай, дед, где ты тут утопил свой трактор?!

— Дык не мой он, колхозный! Позарез нужен! — слезливо молвил старик.

— Ну, показывай, показывай, — поторопил его Добродеев.

— Так вон там, около ивы.

Комбат подозвал Гуськова.

— Ты плавать умеешь? — и не дожидаясь ответа, дал задание: — Слушай меня внимательно. Около ивы, вон там, на глубине не больше метра находится трактор. Нырнешь, зацепишь его, а мы дёрнем. Вытащить надо это тракторище. Понял?

Гуськов боязливо съежился и, неохотно повинувшись, начал стягивать с себя сапоги:

— Да я сегодня уже купался. Вода дюже холодная.

Добродеев махнул рукой.

— Ладно, — начинает расстегивать гимнастерку, — давай я сам. Остужусь малость.

Это происходит на глазах Харитона Акимыча и Ульяны. Неожиданно из темноты появился Веселов:

— Товарищ комбат, разрешите мне, — Тут же скинул гимнастерку, сапоги. — А Гуськов пусть отдыхает. Он после боя кальсоны стирать будет, вот в воду и полезет. — Весело поглядел на Харитона Акимыча. — А магарыч-то будет?

— Понимаешь, ангел мой, — дед озорно глянул на Веселова и, не моргнув глазом, ответил, — у нас небось гастроном еще не открыли.

— Я не про сегодня спрашиваю. После войны приедем — угостишь?

— Об чем речь! — обрадовался Харитон Акимыч. — Пир горой закатим! На тракторе покатаем.

Тем временем Веселов разделся, обнажив свои бицепсы, выхватил у Гуськова трос и побежал к речке.

Где-то со стороны противника в небо взметнулась ракета. Послышалась беспорядочная оружейная стрельба. Ульяна и Харитон Акимыч прижались к покосившемуся забору, наблюдая, как Веселов ныряет в воду. Старик перекрестился.

— Ну, спасибочки, смеем надеяться на свою армию.

Далекая артиллерийская пальба и надрывный гул тягача перемешались с криками солдат из артвзвода.

— Ух! Водичка холодная!

— Ныряй!

— Сейчас немец тебе ее подогреет!

— Да ты слева цепляй!

— Как там, пройдет двойной?!

— Пройдет! Кидай болт с гайкой!

— Порядок!

— Трогаем!

— Поехали!

За этой «боевой» операцией внимательно следят Добродеев и Родионов. Старший лейтенант неодобрительно качает головой:

— Павел Григорьевич, за этот тракторишко... ты можешь по шее получить. Это должностное нарушение.

— Какое нарушение? Был приказ поднять шум на нашем участке фронта. Вот мы и шумим.

— Пользуешься своей должностью, Паша... Подключил артвзвод... Ох, если узнают, — укоризненно покачал головой Родионов.

— Федя, должность от слова «долг». Я знаю свои обязанности и свой долг. Мы должны по возможности помогать нашим крестьянам. Или ты со мной не согласен?

Родионов с легким оттенком угрозы сказал:

— Да я-то согласен. Но... Не буди лихо, пока тихо.

Добродеев посуровел:

— Из штаба полка был приказ, чтобы мы через полчаса после начала этого шума обошли немецкие части и внезапно ударили им с фланга. Наша задача — взять этот населенный пункт, что за речкой.

Родионов понимающе закивал головой.

Зарычал, надрываясь, мотор тягача, вытягивая из темной воды трактор. Бледная луна пробилась сквозь серую пелену облаков и коротко осветила появление диковинного чудовища, облепленного водорослями, и, как будто испугавшись, снова нырнула в облачную толщу. Старик не выдержал такой желанной встречи и с радостью кинулся к солдатам, умоляюще, хрипло заорал:

— Братки, чуть-чуть подальше от берега!

Добродеев подошел к Ульяне.

— Как же вы его отремонтировать-то будете? Мы помочь не сможем.

— Еще не знаем, но есть надежда... Может, наладим. — В голосе Ульяны звучало чувство благодарности за то, что сделал командир.

На вражеской стороне опять ахнули орудия. Посыпались сухие автоматные очереди. Свистит пулями война, как соловей-разбойник.

Ульяна, окутанная темной ночной шалью, стояла как Мадонна, озаряемая далекими и редкими никчемными ракетами. От этих огней глаза ее делались загадочными. Глядя на нее, Добродеев тихо с каким-то потаенным грустным чувством очень внятно сказал:

— Ульяна, уходите в лес. Берите своего председателя и в лес. Скоро здесь будет очень жарко и опасно.

— Мне домой надо.

— Вам в лес надо уходить, — убеждал ее Добродеев. Сунул в рот папироску, в кулаке зажег спичку и глубоко затянулся. Ульяна доверчиво посмотрела на капитана. Ее карие глаза были влажными.

— А я не боюсь смерти. Чего бояться? У меня никого нет.

Добродеев затянулся горьким дымом.

— У меня тоже... Однако жить надо.

— Вы зачем сказали немцу о ребенке?

— Это я так, — смутился капитан. Возникла неловкая заминка. — А что?

— Да нет у меня никакого ребенка.

— Значит, будет, — улыбнулся капитан. — У такой девушки, как вы, обязательно будет.

— Приезжайте после войны к нам. Вы нас освободили, вам тут и жить.

Добродеев немного растерялся. Это предложение застало его врасплох. Он смутился, как школьник. Да и момент больно неподходящий для таких разговоров. Капитан почему-то неуверенно произнес:

— Да что вы... Наше солдатское дело такое, Ульяна... Не знаем, что завтра будет... Кто до конца войны доживет...

— Вы обязательно доживете, — с твердой уверенностью произнесла Ульяна, глядя в упор на Добродеева. — А мы вас будем ждать.

— Упрямая вы, Ульяна. — Смутная тревога пробудилась в сердце Добродеева. И неожиданно у фронтового капитана возникло хорошее отношение к этой беззащитной и миловидной девушке.

— А я сказала — доживете, — повторила Ульяна. — Приедете? — Искренне, с надеждой добавила: — Обещаете? Человек вы хороший. — Добродеев застеснялся от таких откровений. Стал активно раскуривать папироску. — Товарищ капитан, — тихо позвала Ульяна. Голос ее дрогнул. — Киньте цигарку.

Добродеев поспешно еще раз затянулся и послушно бросил. Ульяна до боли жарко поцеловала Добродеева в губы. Комбат от неожиданности ошалел.

— Вам некого бояться, мне тоже, — слова ее потонули в ночи. Поцеловала еще раз. Повернулась и быстро ушла в темноту.

Туманы неохотно рассеивались, а земля одурающе дышала упругой весенней свежестью. Бой за населенный пункт, который вёл батальон Добродеева, был жестокий. Фашисты засели в избах. Свинцовый ливень противника заставил бойцов прижаться к мокрой земле. Были раненые и убитые. От харканья снарядов, взрывов гранат, автоматной пальбы мог помутиться рассудок. Вокруг всё горело и рушилось.

Капитан Добродеев с солдатами, лежа на земле за небольшим укрытием, отстреливался из пистолета. В нескольких метрах от него за пленницей прятался Веселов. Рядом с ним лежал убитый солдат — Антонюк.

Капитан, стараясь перекрыть грохот боя, приказал:

— Сержант! Возьми гранаты и зайди со стороны сарая! Подави эту сволочь! Я тебя прикрою!

— Понял!

Веселов, не мешкая, взял автомат убитого солдата, бросил его Добродееву. Вжимаясь в землю, пополз по-ужиному меж кустов. Из окон бревенчатой избы закипели вспышки пулемета. Взвизгнули пули вокруг капитана. Враг бил прицельно без передышки.

Веселов прижался к стене сарая, ожидая удобного момента, чтобы бросить гранату.

Капитан сделал резкое движение из укрытия, пальнул по окнам. Ответная пуля зацепила Добродеева. Он упал, потекла горячая кровь по руке. На секунду огонь прекратился. Этого было достаточно, чтобы Веселов швырнул гранату в окно.

Враг понемногу стал сдавать позиции, начал отступать.

Населенный пункт был взят. Немцев полегло много. Наших тоже.

Пекло военных действий отодвинулось на несколько километров на запад. В освобожденной деревне взвод старшего лейтенанта Родионова расположился во дворе у израненной хаты. Воздух еще пропитан порохом и едким дымом, который не успел развеяться над селом. Но радость победы, как свежий ветерок, витает в воздухе. Солдаты переговариваются между собой:

— Хорошая штука, ребята, наступление!

— Километров на десять продвинулись!

— Земли-то освободили много, а пахать некому.

— Деревня пустая...

— Скоро жители вернуться. Это точно...

Все устали, отдыхают, как после непосильной и тяжелой работы — грязной и никчемной. И такая тишина наступила, что оторопь берет.

Сокольников вынул из кармана гимнастерки недописанное письмо. Что-то романтическое угадывается в этом парне. Наверное, мечты свои излагает в письме.

Осипов — любознательный боец, примостился рядом, вынул из вещмешка свободную портянку, расстелил на земле, стал разбирать и чистить автомат. Аккуратно кладет чистые детали автомата на портянку. Но любопытство не дает ему покоя. Он незаметно поглядывает на Сокольникова:

— Кому ты всё пишешь, никак не напишешь?

Слегка смутившись, Сокольников отрывается от письма:

— Да вот, однокласснице своей. Ушел на фронт, а проститься с ней не успел... Так получилось. Вот теперь пишу, объясняю... Будет она меня ждать или нет...

Осипов осторожно интересуется:

— Красивая?

Скольников смутился еще больше. Какая-то тень мальчишеской мечтательности пробежала по его лицу. Он тихо ответил:

— Очень... Сережка, мой друг, тоже был в нее влюблен... Но его убило под Гомелем. Его раньше призвали, сразу после школы... а меня по здоровью не брали. Я полгода добивался в военкомате... Надел им... Вот меня и отправили на фронт. У меня только второй бой.

— Береги себя, — заботливо и дружелюбно произнес Осипов. — А то приеду после войны и уведу ее.

И нахлынули сладкие воспоминания на рядового Осипова. Собрал он все мысли в кучку, и улетели они в иное время. Отложил он автомат в сторонку. Захотелось его душе раствориться в мирной жизни. Он зажмурил глаза, как кот, вздохнул и мечтательно так заговорил:

— У нас в соседнем доме тоже одна кра-си-вая была. Бывало, идет мимо ребят, так они замолкали... Она всё в мою сторону косилась... а я боялся подойти к ней... Такое платье на ней было, — у-у-у!

Воспоминания о далекой довоенной жизни отдалось в сердце рядового Осипова тоскливой болью. И куда-то исчезла солдатская грубость, прилипшая к нему за военные три года. Словно из-под толщи асфальта пробился нежный цветок воспоминаний.

— Кончится война, — благодушно промурлыкал Осипов, — приеду, женюсь на ней. А чего? Я теперь ничего не боюсь. — И озорно добавил: — Не будет коситься в мою сторону.

Скольников перестал писать письмо. В его глазах мелькнула сумятица настроений. Он доверительно рассказал Осипову:

— Сегодня во время боя неожиданно выскочил на меня из-за угла немец. Я пустил в него очередь. Он упал к моим ногам. Смотрю — а это пацан еще. Как и мы. Тогда не обратил внимания, бой ведь. А сейчас... он перед глазами... После боя пошел на то место посмотреть. А он валяется в сером мундире, в грязи. Глаза у него с вопросом — вроде как на меня смотрят. Как-то не по себе стало. — Он облизал ссохшиеся губы. Помолчал. И тихо, наверное, сам себе сказал: — Сколько в этой проклятой войне погибло людей, талантов сколько — и не сосчитать... Ты знаешь, когда я был еще маленький, перед тем как пойти в школу, мы с родителями поехали погостить к маминному брату, в Бурятию. Дядя Дорж жил недалеко от Улан-Удэ в аймаке со своей семьей.

— Эко тебя занесло...

— Да потому что мама у меня бурятка, а папа русский... Ну дело не в этом... Там в аймаке, то есть в деревне, я впервые увидел, как убивают животное. Дядя Дорж, в общем, человек добрый, был рад, что мы приехали в гости, и по традиции хотел угостить нас свежим мясом. У него были овцы — голов пятьдесят. Он пошел в загон, поймал одну, вытащил ее из загона, привязал к дереву и куда-то ушел. Всё это на моих глазах...

— Ну и чего тут страшного?

— Я сидел на лавке и смотрел на овцу, а она смотрела на меня. Я еще не знал, что будет дальше. Овца мелко-мелко дрожала. Когда с ножом в руке пришел дядя Дорж, у овцы подкосились передние ноги. Она упала на колени, голову наклонила к земле, уши у нее дрожали, и сама она так сильно затряслась... Но при этом ни одного звука я от нее не слышал — она молча угадывала свою смерть... Дядя Дорж поточил о кирпич нож, повалил овцу на бок и спокойно распорол ей живот. Я застыл от страха. Овца еще продолжала колотиться. А дядя засунул руку по локоть в живот, нащупал там какую-то жилу, с силой дернул ее, и овца перестала биться. Я с плачем убежал в дом, забился в угол в дальней комнате и в истерике рыдал. Пришла мама, стала меня успокаивать, говорила, что не надо с таким страхом воспринимать то, что я видел, такой обычай у людей... — Сокольников с минуту молчал. — Когда я вырос, часто вспоминал это. Вот и сегодня с этим солдатом... Люди как овцы — их погнали воевать, погнали захватывать чужие земли — а они этому молча повинуются и гибнут... Так и этот парень. Я смотрю на него, а у него из кармана что-то торчит.

— Ишь, глазастый какой, у тебя и заискрило. Слямзил небось то, что торчало.

Сокольников не слышал, что сказал Осипов. Он был погружен в недавние события:

— Я взял, а это письмо. Развернул... — боец судорожно сглотнул слюну, — прочитал... «GrossmaindierundliebeMarta»...

Осипов от удивления обалдел.

— Чего?

— «Моя дорогая и любимая Марта»... Я же в школе немецкий учил, — смущенно пояснил Сокольников. — Он тоже писал письмо и не дописал... Этот парень жить хотел... А я лишил человека жизни.

— Ух ты! — Осипов в холодной ярости рубанул кулаком воздух. — Грамотей чертов! Сказанул тоже! Да какой он человек — он фашист!

Оба надолго замолчали: у каждого был свой ход мыслей, каждый думал о войне по-разному, каждый воспринял этот кровавый момент боя по-своему. А бой-то и состоит из таких моментов.

— Нд-а-а... Эх, война, война... Что она делает с человеком? ... — с брезгливой горечью, словно в пустоту проговорил Осипов. Скрестив руки на груди, он уставился куда-то в небо, будто оттуда ждал ответа.

— А я думаю, что кончится война, — отложив письмо, мечтательно заговорил Сокольников, — разумные люди соберутся в одном месте и решат, что все войны должны уйти в прошлое, в историю. Дадут друг другу слово. Честное слово. И подпишут серьезную такую бумагу, чтобы человечество никогда не воевало. Никогда.

Из хаты вышел довольный Гуськов. Он неторопливо прошел между солдатами. Каждый занимался своим делом: кто приводил в порядок форму, кто чистил оружие, кто перебинтовывал свои раны. Говорить-то особо не хотелось. Каждый думал свою думку и про себя проклинал немчуру. За три года войны эти люди привыкли жить в походных условиях, с оголённым чувством, ведь они всегда выходили на линию огня первыми.

Гуськов, потирая руки, желая порадовать бойцов, провозгласил:

— Сейчас хозяйка подогреет воду, умываться будем! Тепленькой водичкой!

Он присел на ступеньку крыльца, снял сапог, раскрутил портянку, стал гладить натёртую ногу. Несмотря на это, в ожидании «тепленькой» настроение у него было хорошее. Гуськов тихонько замурлыкал себе под нос. Поглаживая ногу, незаметно для самого себя стал напевать — как расцветали яблони и груши. Причем напевать стал так, что известную песню узнать можно было только по словам. Там угадывались и «Три танкиста», и какие-то еще оттенки мелодий, знакомые только Гуськову.

Осипов перестал чистить свой автомат, переключил внимание с Сокольников на Гуськова. Стал прислушиваться к самозабвенному пению. Затем подошел к Гуськову и как бы на полном серьезе спросил:

— Слушай, Макар, а ты можешь громче?

Гуськов перестал петь, вопросительно глянул на Осипова.

— Вообще-то могу. А что?

— Понимаешь, если немцы услышат твое пение, они разбегутся как тараканы в разные стороны. А это как раз нам на руку.

Гуськов понял намек, обидчиво отвернулся. Не глядя на Осипова, укоризненно произнес:

— Хватит зубоскалить. Прежде чем судить других, посмотри на себя. — Нехотя добавил: — А я, между прочим, до войны в деревенском хоре участвовал. Вот так. Нас десять мужиков было. Мы так чувственно и громко пели, что бабы маленько плакали.

— Плакали? — с веселым любопытством поинтересовался Осипов.

— Ну да, — воскликнул Гуськов.

— Вот это может быть.

— А мы, помню, пели, плясали, не одну гармонь порвали. — Встал на одной ноге, растерянно посмотрел вокруг. — Ребята, а что-то я не вижу сержанта. Уж не нашел ли он какую-нибудь вдовицу? По этой части Веселов у нас мастер.

Солдат, чинивший разбитый сапог, отложил его в сторону.

— Убило твоего Веселова.

— Как убило? — Гуськов захлебнулся воздухом.

— Ну да. Веселова и комбата.

— Господи! Царица Небесная, как же теперь?..

— Да не убило их, — вступился перевязанный бинтами боец. — В деревне госпиталь развернули, в школе. Я сам их там видел.

Тяжелое серое небо низко опустилось над развороченной землей, где недавно был кровопролитный бой и кипело буйство смерти. Гуськов направился в госпиталь прямо через поле, так быстрее. Как-то немного скособочившись, как бы желая быть неприметным, он постоянно спотыкался о трупы и обходил разбитые, обгорелые, еще дымящиеся воинские повозки. Тут и там торчали из земли руки, ноги, тела, засыпанные оттаявшей весенней землей. Пройти чудовищную кашу из бездыханных, растерзанных снарядами человеческих тел было страшно трудно. Они валялись в неестественных позах. Оторванное колесо от повозки вмяло голову солдата в землю... Столько убитых жизней, столько судеб... Гуськову хотелось кричать: «Зачем всё это?» Но ответа и у живых и у мертвых не было. Он неловко втянул голову в плечи. Гуськов упал на колени — то ли споткнулся, то ли еще чего... Вытер мокрые глаза.

Вдруг в тишине, нарушаемой вороньим карканьем, раздался чей-то стон. До сознания Гуськова он дошел не сразу. А когда дошел, он отыскал глазами, откуда этот стон исходил. Человек, покрытый земельной жижей, лежал совсем рядом.

— Ты живой? — с тревожной надеждой спросил Гуськов. И убедившись, что это не мертвец, стал вытаскивать его из грязи. — Погоди, погоди, милый. Потерпи... — Особо не разглядывая, взвалил его на себя и, покачиваясь под тяжестью, понес по истерзанному раскисшему полю.

Вороны продолжали кружить над убитыми телами.

Во дворе сельской школы, где расположился госпиталь, — обычная суета: санитары несли на носилках раненого, нянечка развешивала на веревке выстиранные простыни, кто-то нес в школу большую кастрюлю с пищей... Кругом парами и в одиночку перебинтованные раненые бойцы. Пересекает двор в белом халате главный врач. Его догоняет медицинская сестра:

— Товарищ полковник, только что раненого принесли. Куда его?

— А что там? — устало повернулся к сестре доктор.

— Ранение в грудь.

— Подготовьте его и на операционный стол. Я сейчас подойду.

— Но, Михаил Кузьмич... — Сестра слегка замялась. — Это немец.

Полковник внимательно посмотрел на сестру:

— Ну и что?

— Будете его спасать? — с удивлённым, но скрытым упреком проговорила сестра.

Старый полковой доктор понял этот упрек. Внутренне не осудил его. Он прекрасно знал, что у людей сознание пропитано ненавистью к врагам за то, что они отняли у них мирную жизнь, за несыгранные свадьбы, нецелованные губы, за то, что столько смертей вокруг. И это прощать не надо. Но он умел вправлять вывернутые наизнанку души:

— Понимаешь, голубушка, есть горькое слово «беда». Оно пришло к нам вместе с войной. — Доктор по-отцовски посмотрел в юные доверчивые глаза медсестрички. — А ведь человек явился в мир, чтобы любить, а не воевать. — Он сказал это спокойно, даже равнодушно. — А наша цель — стремиться не к тому, чтобы как можно больше убить людей, а к тому, чтобы спасти их жизни. — Он снял круглые очки, потер стекла. Мудрый полковник хорошо понимал, что война своим острым коготком зацепила душу этой хрупкой девушки. Заживет ли эта рана — покажет время. — Я сказал — на стол, — сдержанно подсевшим голосом произнес главврач.

Гуськов весь в грязи шел по школьному коридору. Его оштанила сестричка в белом халате с инструментами в руках.

— Солдат, вы куда без халата? Это же госпиталь.
— Знаю. А была, видать, школа. Ребятишки учились.
— Идите, идите. А то доктор увидит, он мне задаст.
— Я чего хотел спросить-то. Тут у вас боец один лежать должен. Веселов фамилия его.

Сестра продолжает наступать на Гуськова.

— Идите, идите. Не знаю никакого Веселова.

— Навестить я пришел, — заканючил Гуськов, стараясь разжалобить медицинского работника.

— Вы хоть приведите себя в порядок, — строго сказала сестра. — Вон, за школой вода есть, вымойте сапоги...

Над полем у горизонта повис кровавого цвета солнечный диск. Он прорезан острыми черными облаками. На фоне этого диска, на заднем дворе школы-госпиталя, выходящем за околицу, сидел на лавочке Гуськов. Он очистил от грязи гимнастерку и аккуратно протирал вымытые сапоги.

— Товарищ солдат! — Гуськов обернулся и увидел уже знакомую медсестру. Она подошла поближе. — Как, говорите, фамилия вашего друга?

Гуськов обрадованно встрепенулся.

— Веселов! Такой, знаете... — Хотел показать, какой Веселов, но что-то не получилось. — Ну, такой, ладно скроенный парень. Я с ним три года воюю! — Сестра стала копаться в своих записях. Гуськов радостно расплылся в улыбке. — А-а, живой значит... чертяга! Он девкам дюже нравится!

Сестра нашла в записях фамилию:

— Вот... Веселов Василий Иванович... Умер от потери крови...

У Гуськова перехватило дыхание.

— Не может быть.

Горе заволочло его глаза. Он как-то беспомощно и растерянно развел руками. Было видно, как умирала в его сердце надежда. Сестра поправила непослушный платочек на голове. Привыкшая к смертям, понимающе грустно, но неуместно улыбнулась и направилась к школе.

Гуськов, немолодой солдат, войною потертый, понюхавший пороху, повидавший в окопах много горя, смертей, старался сдерживать внутри себя горячие слезы, но совладать с ними не было сил. Он почувствовал, как в нем зреет протест. Лицо сделалось злым, покрылось пунцовыми пятнами. Закрутились в голове горькие мысли. Помертвевшими губами прошептал:

— От потери крови... от потери крови... Кругом кровь льется рекой... а он от потери... — Тело его обмякло, ладонью он снял с лица испарину и беспомощно опустился на лавку...

По проселочной дороге, проходящей на стыке леса и поля, идут Харитон Акимыч и с узелком в руках Ульяна. Их догоняет зеленая полуторка, груженная ящиками. Харитон Акимыч машет руками:

— Стой! Стой!

Машина останавливается. Из окошка высунулся конопатый солдат:

— Только одного могу взять. Двоих нет.

— Да мы вдвоем, как один, худенькие, — взмолился старик. — Нас до Дыряево — дюже надо.

— Всем надо, — важно сказал шофер.

— Ну, товарищ генерал, — молитвенно сложил руки на груди Харитон Акимыч. — Очень просим.

— Ладно, ладно, «генерал», — с приятным удивлением молвил солдат. И с напускной сердитостью добавил: — Садись давай, не задерживай.

Харитон Акимыч и Ульяна засуетились, садясь в кабину. Зарычал мотор. Побежали колеса по дороге. Завиляла фронтальная машина меж колдобин и воронок. Шофер, не сбавляя скорости, привычно и легко справлялся с этими трудностями.

— Зачем едете-то? Ведь ее только освободили, вашу Дыряеву, — первым, желая побеседовать, заговорил солдат.

— Я к куму еду, — стараясь не обращать внимания на тряску, с трудом выговаривал Харитон Акимыч. — Почитай, три года не виделись. Как немец нашу землю захватил, так жизнь и встала.

— Да-а, — философски протянул солдат. — Вот Дыряево, а жизнью положили за нее много... Чем-то у вас вкусным пахнет. — Шофер покосился на Ульянин узелок. — У меня мама до войны такие беляши жарила!.. — вспомнил солдат счастливые дни. И мечтательно добавил: — Прогоним фашиста, приеду домой, мама мне будет печь беляши утром и вечером. — И вздохнув, добавил: — а как они пахнут — хоть стой, хоть падай.

— Ты сам-то откуда будешь? — поинтересовался старик.

— Казанский я. До войны на заводе работал.

— Ты татарин, что ль?

Шофер засмеялся:

— Угадал, батя!

Когда машина объезжала воронки, ее трясло еще больше. Разговор не умолкал.

— Я вот всё думаю: и куда этот фашист полез? Неужели у него мозгов нет? Ведь нас победить нельзя. У нас вон какая сила: и татарин, и русский, и армянин, и мордва, и еще много

народов. Все мы объединяемся, когда у нас наступает горе. Объединяемся вот так, — шофер сжал кулак. — А это сила!

В очередной раз сильно трянуло. Старик макушкой ударился о крышу кабины. — Хорошо у тебя машина едет, — стараясь польстить шоферу, не сразу произнес Харитон Акимыч. — Резво!

— Ну еще бы, — обрадовался водитель такому замечанию. — Я ведь движок сам перебрал. Как посадили на эту машину, я ее до ума и довел.

У Харитона Акимыча заблестели глаза. Он так обрадовался тому, что услышал. Схватил шофера за руку, но тут же отпустил:

— Ангел мой! Так ты механик, что ль?

— А то, — с гордостью произнес шофер. Тема разговора явно нравилась ему. Старик заерзал на своем сиденье.

— А ты обратно поедешь? Ну, в Соколово мог бы заехать?

— В Соколово? — Шофер напряг извилины. — Это километров десять отсюда? Так я сегодня вечером обратно за снарядами и поеду. У нас там склад... Готовимся к наступлению. Боеприпасы подвозим ближе к передовой. — Весело и благодушно засмеялся. — Ух ты! Это я военную тайну открываю...

— Слушай, сынок. — Старик аккуратно вытер ладонью рот, заговорил осторожно, чтобы не спугнуть удачу. — У нас там в Соколово трактор есть. Ну мы его из воды вытащили, заводим, а он, зараза, фырчит, но не работает. Не заводится. Понимаешь?

— Так это вам специалист нужен, — важно произнес шофер.

— А ты? На заводе работал, разве не специалист по моторам? — насадил на солдата Харитон Акимыч.

— Так-то оно так... Только вот приказ о наступлении никто не отменял.

— А его еще никто и не давал, приказ-то. Вы только готовитесь. Вот наладишь нам трактор... и в наступление. — Оба довольно расхохотались. Харитон Акимыч доверительно заглянул солдату в глаза. — Это же промысел Божий, что ты нам попался. Именины сердца.

— Во как! Попался. — Водитель по-ребячьи рассмеялся. Харитон Акимыч, придавая голосу серьезный убедительный тон, произнес:

— Нам пахать надо. Понимаешь? Земля-то у нас плодородная. Вот только кровью она политая. — Старик замолчал, потом добавил: — Родится ли на ней что-нибудь?..

В небольшой учительской комнате, а теперь это госпитальная палата с устойчивым запахом лекарств, столы сдвинуты

к стене. На шкафу повален большой глобус. В палату втиснуты две койки. На одной, головой к окну, лежит Добродеев с перевязанным плечом. На другой свернулся калачиком пленный немец, которого принес Гуськов. Они лежат в этой палате уже несколько дней, но общаются редко и неохотно. В палату вошла Клавдия Васильевна — пожилая санитарка. Из-за нехватки медперсонала она выполняет работу медицинской сестры. Клавдия Васильевна не в первый раз приходит делать плановые уколы. Раскладывая инструменты, она по-матерински обращается к Добродееву:

— Капитан, как себя чувствуешь?

— Нормально, — поморщился Добродеев. — Опять укол, Клавдия Васильевна?

— Это надо. Чтобы быстрее на поправку пошел. Домой-то хочется? Или опять воевать? Поворачивайся. — Аккуратно делает укол. — Больно?

— Да так, терпимо. — На его лице отразилась сложная комбинация отрицательных эмоций.

— Вот мужики, под пули лезут — ничего, а укола комариного боятся.

Добродеев траурно шмыгнул носом. Немец покосился на шприц. Санитарка уловила его взгляд. По-доброму грустно улыбнулась.

— Ну фашистик, подставляй... Не бойся.

Немец покорно, но с трудом повернулся на бок.

Клавдия Васильевна, старательно сделав укол, начинает собирать инструменты. С материнской озабоченностью тихо вздохнула:

— Эх, война, война... Убивают люди... Калечат друг друга... — Она с трудом подбирает нужные слова. — О душе надо думать, — говорит сквозь близкие слезы. — Спросил бы у Бога, как жить-то с этим будешь после... Херувимчик ты эдакий...

На другом конце деревни церквушка стала расплескивать по округе певучие колокольные звоны. Клавдия Васильевна на мгновение прислушалась к этой многоскорбной мелодии, призывающей к вечному смирению, мелко перекрестилась, и покатила по ее морщинистому лицу, застревая в складках, дрожа, облегчающая душу слеза. — Может, хватит воевать-то? Хватит убивать. Пора бы уж духовно прозреть. Очиститься от греха. — Еще раз перекрестилась и тихо вышла из палаты.

В наступившей тишине Добродеев, сидя на койке, дернул здоровым плечом и с горечью в голосе обронил:

— Вот и поговорили с Богом.

Немец отвернулся лицом к стене. Он всё это время, пока выздоравливал, приходил в себя после смерти — горькую думу думал. А что ему делать? Он в плену, его жизнь спасли враги, теперь лечат наравне со своими. Что будет дальше, он не знает. Плен — это неизвестность.

Капитан продолжал размышлять вслух:

— Если существует Бог, значит, существует и дьявол. Так уж устроен мир... Достоевский сказал: «Человек без Бога превращается в животное...»

Немец повернулся и с трудом сел на койку. Долго смотрел холодным безразличным взглядом на Добродеева, затем глухо произнес:

— Зачем вы меня отпустили тогда, могли бы расстрелять.

— Это самое легкое — убить... Вот вернуть человека к жизни — это труднее.

Пленный старался придать голосу гордую интонацию, но получилось очень нервно:

— Я член национал-социалистической партии...

Добродеев откашлялся и сухо сказал:

— Понятно... Фашистской, значит.

— Мы несем для вас цивилизацию...

Сердце у капитана болезненно сжалось. О какой цивилизации идет речь, если фашизм уничтожает то, что человечеством накапливалось тысячи лет — традиции, культуру?! Если партийная идеология ввергает огромные массы людей в рабство, если убивают человека — это не цивилизация. Это — преступление.

Капитан посмотрел в пыльное окно, увидел там, во дворе, перевязанных раненых, безногих, на костылях. Среди них главного врача — Михаила Кузьмича. Вот кто за три войны много повидал скорбей человеческих: исковерканных, переломанных, загубленных. И всё это ради болезненной идеи превосходства одних над другими. Венок славы этой идеи плетут при жизни живые люди, но окончательный приговор ей выносит история.

— А я вот беспартийный. Учителем был. Как и ты, кстати, Эрих. Потом стал председателем большого сельского хозяйства. Хлеб растил... А вы пришли — члены национал-социалистической партии — и всю мою деревню вместе с жителями: стариками, женщинами... — Горький комок подкатился к горлу Добродеева. Он с трудом сглотнул. — И храм... сожгли... Вот такая цивилизация. Такая свобода.

Эрих не спускал с Добродеева напряженного взгляда. Затем в унылом оцепенении осторожно произнес:

— Это война. Мы вынуждены силой убедить вас принять европейскую культуру. — Он заерзал на койке; стараясь быть убедительным, громко прошептал. — Великий Фридрих Ницше говорил, что война обязательна для государства.

— Ты знаешь, Эрих, я уверен, что не каждый человек в Германии согласен с этой причудливой теорией Ницше. Думаю, что придет время, вы сами будете с ужасом вспоминать, что натворили. Возможно, вам станет стыдно за вашу гнусную идеологию. И возможно, вы покаетесь. Только человеческие жизни не вернуть. Не надо кривить душой. Война — это человеческое безумие, это гиена, которая пожирает людей.

— А вы разве не стреляете в людей? Не убиваете? — это прозвучало у немца как удар. — Где добро? Где зло? Потому что, Паша, — война.

— Вот если бы вы имели такое же представление о добре и зле, как у нас, — войны бы не было. — Капитан со сдержанным остервенением посмотрел на немца. Ссохшимися губами он тихо, но веско, как будто целился в десятку, сказал: — Нам она не нужна. Вы заставили нас взять в руки оружие. Мы защищаемся.

Наступила тягостная пауза. Эта мысль давно не дает покоя Павлу Григорьевичу. Она тоскливой болью засела занозой в его сердце. Есть люди, которые не принимают насилие, унижение человека над человеком. Это мирные люди с измученной войной душой — таким был хлебопашец, сельский учитель Добродеев Павел Григорьевич, воспитывавший в своих учениках добрые и светлые чувства. Он, сидя на койке, нет-нет да и щупал свое раненое плечо.

Немец попытался встать с постели, но у него это не получилось — рана не позволила. Он сморщился то ли от боли, то ли от мутного безумия, которое еще сидело в его голове. С каким-то тоскливым взглядом стал смотреть в никуда, словно в поисках ответа на вопрос, который возник перед ним: «Как же быть?»

— Когда мы уходили на фронт, нам говорили: «Помните о величии и победе Германии!» И мы помнили.

Добродеев чуть заметно усмехнулся:

— Германия — великая страна... Согласен... Ей есть чем гордиться... Но у нынешней верхушки фашизм растворился в крови, а в головах поселилась страшная идея, которая называется — нацизм. А нацизм всегда несет народу горе.

— Германия воюет не с русским народом, а с коммунистами.

Добродеев помолчал секунду-другую, с иронией кивнул головой:

— Ну да, ну да. — Он посмотрел в окно. Пересекая двор, санитары несли на носилках покойника, накрытого шинелью. — У Клавдии Васильевны, которая нам уколы делает, почему седые волосы? Потому что твои солдаты ее дочку угнали в Германию, в рабство. Вот если бы твоя жена была на ее месте — она не согласилась бы с Ницше, с теорией о войне и рабстве.

Немец с неуверенным убеждением ответил:

— Наша армия с триумфом прошла всю Европу, и только русские почему-то оказывают сопротивление... Но это временно.

Что-то подсказывало Добродееву, что пленный и сам не верит в то, что говорит. За то время, пока он лечился, лежал в госпитале, много пришлось передумать, переосмыслить. События на фронте развивались не в лучшую сторону. Это заставляло Эриха серьезно задуматься. Добродеев посмотрел пленному в глаза и с легкой улыбкой ответил:

— Это не временно... Ваша «доблестная» армия бежит, только пятки сверкают. Уже до границы добежали... Ваша армия обречена. Но вы готовы пойти на всё, лишь бы не слышать голоса совести, голоса разума. — Капитан замолчал, с облегчением вздохнул. — Мы победим не потому, что вас ненавидим, а потому, что любим свою родину.

Наступила неожиданная тишина.

И вдруг эту тишину накрыли малиновые колокольные звоны. Словно звонарь после освобождения от немцев с затосковавшей любовью нежно разговаривал на колокольне со своими любимцами. И этот умиротворенный разговор разносился по всей округе. Значит, колокольня цела и жив звонарь. Значит, и вера жива! Эту веру человек начинает ощущать сердцем, потому что истинное чудо всегда ощущается сердцем. А это вечное спасение. Под эти звоны немец, пряча душевное беспокойство, глухо заговорил непослушным языком:

— Да-а... А если война дойдет до моей родины? — Он опущенным взглядом посмотрел на школьную карту, висевшую на стене у койки капитана. Мысли основательно запутались в его голове. Капитан в тон ему ответил:

— Откуда она вышла, туда и вернется.

— Мне неприятна эта война.

— Я тоже ей не радуюсь. — Добродеев отвернулся к окну.

Эриха трясла болезнь, рана после операции плохо заживала. Он сморщился, прижимая руками бинты с розовыми пятнами. Понять и признать это ему трудно. Но до сознания упорно стало пробиваться то, что в Германии осталась жена с

грудным ребенком. Что с ними будет? Он осторожно погрузился в свои мысли. Смятение стало его мучить. Он пытался казаться уверенным в себе, но в его глазах оставался напряжённый страх.

— Паша, как я хочу к семье... Когда я уходил на войну, жена со слезами обняла меня. У нее такие мягкие ласковые руки... А как она играла на фортепиано... — Эрих мечтательно покачал головой. — Я с удовольствием наблюдал, как ее руки летали над клавишами... Мы очень любили Шопена. — Эрих замолчал. Нахлынули воспоминания. Он закрыл увлажнившиеся глаза. Ему как будто привиделась вся его жизнь.

— Зачем тебе это? — с горечью проговорил Павел. — Ты учитель. У тебя семья, дети, жена.

Ответа Павел не услышал.

Бывший школьный учитель правой рукой, сжимая забинтованное плечо, с пониманием смотрел на немца. В душу заглядывать к пленному Добродеев не мог. Ему не хотелось нарушать ход его мыслей. Он старался понять, что за человек перед ним сидит на койке, что у него внутри, какие думы его мучают. Понял ли он, зачем пришел на чужую землю. Учитель знал, что пробиться к совести человека очень трудно. Вспомнились слова санитарки: «Хватит убивать. Пора бы уже духовно прозреть». Пусть он сам заглянет к себе в душу, духовно прозреет и решит, как жить дальше. После долгого молчания неженатый капитан с сочувствием сказал и сам удивился своему голосу:

— Наверное, когда жена провожала на войну, вы говорили не о смерти, а о любви.

Немец согласно кивнул головой.

Издали послышался шум самолета, который стремительно приближался к школе. После напряженного оглушительного свиста раздался мощный взрыв бомбы. Палата заходила ходуном. Бомба упала недалеко от госпиталя. Раненые инстинктивно соскочили с коек и, пригнувшись, полезли под стол. Добродеев впопыхах задел больной рукой ножку стула:

— О черт! Откуда он взялся?

Морщась от боли, немец выглянул из-под стола:

— Он, наверно, не видит, что это госпиталь.

Тем временем самолет, сделав круг, развернулся с целью разбомбить госпиталь. Опять противно засвистела бомба и грохнула где-то совсем близко. Содрогнулась школа. Глобус свалился со шкафа и покатился к двери. Самолет, сделав свое

черное дело, как прилетел, так и улетел. Раненные вылезли из своих укрытий. В палату вбежала перепуганная медсестра:

— У вас всё в порядке?

Добродеев сел на койку.

— Да вроде всё нормально.

Сестра помогла немцу подняться. Тот с болезненной grimасой лег на постель, уткнулся в подушку. Обращаясь к Добродееву, сестра сказала:

— Немного осталось, потерпите. Завтра приедет машина, и вас вместе с другими переведут в тыловой госпиталь.

Добродеев от услышанного обомлел.

— Как в госпиталь? Кто сказал?

— Главный врач сказал, вот кто. Сказал, что вы уже нанюхались пороху, хватит.

— Да я уже здоров. И рука скоро работать будет.

— Нет, не скоро. Долечиваться будете в тылу. Только где, не знаю. Как я слышала, Михаил Кузьмич сказал, что у вас серьезное ранение. Так что вы с этим не шутите.

Молоденькая медсестра, вчерашняя школьница, мечтающая о профессии врача, подняла с пола глобус:

— Вот в школе историю учат по войнам — от войны и до войны. А лучше бы учили по научным открытиям. Например, кто первый сделал переливание крови? В каком году? Или кто придумал паровую машину? В каком веке?

Раненные слушали ее молча. Сестренка поднялась на цыпочки, чуть обнажив ноги, чтобы дотянуться до шкафа и положить глобус на место, затем одернула халатик, направилась к двери, там неловко повернулась, смущенно кивнула в сторону немца. — А вот куда этого больного, не знаю.

На пороге она столкнулась с Харитоном Акимычем. Увидев через плечо медсестры Добродеева, старик радостно воскликнул:

— Вот он где прячется! — Смело шагнул через порог. Медсестра возмущенно стала выталкивать его из палаты:

— Сюда нельзя без разрешения. Идите, идите.

Неожиданно из-за спины Харитона Акимыча выглянула Ульяна:

— Да мы только вот это хотели передать, — она протянула узелок.

Сестра слегка смягчила свой пыл.

— Ну давайте, только быстро.

Ульяна поставила на тумбочку узелок.

— Это пирожки. — Смутьившись, обратилась к сестре: — Не сердитесь.

Харитон Акимыч, пытаясь объяснить, почему они здесь, ласково посмотрел в голубые, но строгие глаза сестры:

— Он трактор нам вытащил, спас, можно сказать. А Ульяна, рукодельница наша, пирожков напекла. Вот, вкус-ные... — развернул узелок, — кто добро творит, того Бог благодарит.

Сестра не унималась.

— Всё, положили, а теперь во двор. Врач увидит — не будет разбираться.

— Ох, и чумовая ты, молодуха. Маленько отблагодарить-то мы чем можем? Пока ничем. А вот пирожки — это другое дело. Тем более командир, раненный...

Добродеев, улыбаясь, не дал разгореться конфликту:

— Ну ладно, раз нельзя, не будем нарушать порядок, пойдем во двор покурим.

После бесполезной бомбёжки школьный двор обезлюдел. Раненые попрятались кто куда. Бомбы, хаотично сброшенные немецким пилотом, упали где-то в поле, за госпиталем, не повредив обветшалое школьное здание. Слава Богу, всё обошлось! На задворках госпиталя вдоль забора выстроились терпеливые тополя в ожидании весны. Стоял запах талой воды. Между двух старых и кривых деревьев, в кустах бузины, примостился Харитон Акимыч. Он, задрав подбородок, крестился и что-то шептал. К нему подошла Ульяна. Зная набожность старика, она тихо сказала:

— И о чём ты его просишь?

Харитон Акимыч перестал креститься, с укором покосился на Ульяну, чуть слышно произнес:

— Его все просят. Только не о том, о чем надо.

— А о чем надо? — помолчав, спросила притихшая Ульяна.

— Э-э-х, Ульяна, Ульяна, дорогуша моя... — Старик сел на изъеденную временем школьную скамейку, вытер непрошеную солоноватую слезу. — Обидно, что люди зазря погибают. А просить надо, доченька, чтобы все люди на земле умирали только от старости.

Заметно было, что эта боль терзает его душу и сердце.

— Неужели все? — осторожно молвила Ульяна.

— Все... Ты посмотри на нашего капитана: молодой, красивый, умный... — Харитон Акимыч горько вздохнул. — Вот за него и прошу. А у людей появляются безбожные желания — агрессия, жадность, зависть. Но почему Господь не обуздает у человека эти желания? Вот вопрос. Надо молиться за всех и просить, тогда придет покаяние и вера. «По вере вашей да будет вам».

Подходя к Ульяне и Харитону Акимычу, Добродеев пытался одной рукой зажечь спичку, чтобы прикурить. Но с непривычки не мог. Ульяна, улыбаясь, взяла коробок у капита-

на, зажгла огонек. Поправив шинель, накинутую на плечи, Добродеев глубоко затянулся крепким дымом, перебивая запах скорой весны.

— Как же вы меня нашли?

Харитон Акимыч с отеческой теплотой, глядя на капитана, охотно встревает в разговор:

— Так твои красноармейцы подсказали нам. Сначала был слух, что командира убили. Мы, конечно, не поверили! А потом один сказывал, что не убило его, слава Богу, а в госпитале он — раненный. Видит Бог — жить будешь долго! — разублабался старик. — А у меня в этой деревне кум проживает. Вот я и решил...

— Ну, спасибо, что не забыли, — волнительно произнес капитан.

— Ну как можно... А Ульяна пирогов напекла. Говорит: «Я с тобой поеду». Я не препятствовал.

— За пироги большое спасибо, — стеснительно кивнул в сторону Ульяны Добродеев.

Старик, весь сияя, переминался с ноги на ногу. Глаза его лукаво бегали от Ульяны к капитану. Почесав затылок, сказал:

— Ну, я, пожалуй, пойду. — И спохватился, забыв сказать главное. — Да-а! А мы механика-то нашли. Трактор же чинить надо. Вот щас пойду ловить его. Как бы не проскочил. Шофер это. Туда-сюда мотается. На обратном пути обещал подбросить... Пойду я. — Двинулся было, но остановился, не зная, куда идти. С пониманием посмотрел на Ульяну. Протёр слезящиеся глаза, одобряюще шмыгнул носом. — Выздоровливай, боец. — И засеменил вдоль забора к калитке.

Возникла неловкая заминка. Капитан стал усердно раскуривать погасшую папироску. Ульяна тоже не знала, с чего начать разговор, ёжилась под легкой цигейкой, наконец собралась с духом:

— У меня в этой деревне подруга живет.. Вот мы с Харитон Акимычем и решили...

— И правильно решили, — с облегчением вздохнул Добродеев. — Война скоро кончится... Да вот меня как на грех подсекла пуля.

— Видать, сильно. — В глазах Ульяны мелькнуло беспокойство.

— Да ерунда. Пройдет, — болезненно поморщился капитан. И грузно, неловко сел на маленькую тесную скамейку рядом с Ульяной. Эта близость подействовала на нее. От неожиданности вначале перехватило дыхание, затем возникла легкая растерянность. Но она быстро преодолела всё это:

— А как вы думаете, еще долго... ну... это... война продлится?

— Думаю, что не очень. Фашист деморализован, а это главное.

— А вы мои пироги так и не попробовали, — с легким укором сказала Ульяна.

— Обязательно попробую, — вдруг по-мальчишески засмеялся капитан. — Я их все съем.

— Вы должны жить, — неожиданно сказала Ульяна. — Обязательно должны, — и опустила глаза.

Добродеев заметил, как мелко подрагивали ее ресницы. И это состояние передалось ему, как-то стало неловко за этот смех. Он смутился и обронил в тишине:

— Это от меня не зависит. — Глубоко вздохнул весенней прелостью. — Война не спрашивает нас, что мы хотим.

— Вам очень больно? — В ее вопросе угадывалась нежность, а голос еле заметно задрожал.

Добродеев несмело посмотрел на Ульяну. Ее щеки стали пуцловыми. Он перехватил добрый, заботливый взгляд. И от этого взгляда закружилась что-то в голове комбата. Его здоровая рука ненароком опустилась на теплую руку Ульяны. От нечаянного прикосновения кровь метнулась к его голове и какое-то слабое, благодатное состояние приобрело тело. Он почувствовал, что у него есть крылья, способные поднять его над всем миром и куда-то понести.

До его сознания дошло, что она не отдернула руку, а наоборот ее пальцы нежно откликнулись на огрубевшую солдатскую ладонь. Она неуловимым движением мягко сжала его пальцы. И он почувствовал живительную силу от ее рук. Отчего сердце у Добродеева сладко провалилось куда-то. Он смущенно произнес:

— Да нет, что вы, это так...

Ульяна слегка передернула плечами. Он заметил это движение. Она виновато опустила взгляд и, как бы оправдываясь, сказала:

— Как-то зябко.

И словно винаясь перед ней, Добродеев вздернул сползшую с плеча потрепанную шинель и набросил на плечи Ульяны. Она доверительно, с детской непосредственностью припала к плечу капитана, почувствовав крепкое тело под больничной рубашкой. Так они сидели, прижавшись друг к другу под одной шинелью, чувствуя, как тепло согревает их души.

Ему вдруг вспомнилось: в студенческие годы в Омске он был свидетелем, как в жуткий сибирский мороз воробьи замерзали в воздухе на лету и, упав в стылый снег, распласты-

вали маленькие серенькие крылья, словно хотели обнять огромную землю.

Сладостное молчание нарушила Ульяна.

— А я, пожалуй, здесь останусь, у подруги переночую... — загадочно улыбаясь, озорно сказала Ульяна. — Хочу с вами побыть. — Это было сказано так, что до глубины души пробрало капитана. Ее теплая рука еще сильнее стиснула пальцы Добродеева. Он почувствовал, что какая-то женская притягательность появилась в глазах Ульяны. — Кончится война, для всех наступит счастье... и для нас тоже.

— Не потеряться бы в войне. Счастье и без нас может быть.

— Без тебя у меня счастья не будет, — категорично сказала она и не заметила, как перешла на «ты». И он не заметил. Это уже было естественно для них.

Израненного войной капитана терзала одна мысль, которая зацепилась, как репей, и согласиться с ней он никак не хотел. У него запершило в горле, и он хрипло как-то, дребезжащим голосом сказал:

— Меня завтра в тыл отправляют в госпиталь.

От этих слов сердце Ульяны болезненно сжалось, словно произошло страшное крушение чего-то очень важного в жизни. Она застыла и не отзывалась, ждала, что он скажет еще. В висках сильно стучало: что делать?

Капитан представил, как сядет в санитарную машину, которая увезет его в глубокий тыл. А здесь останется ставшая для него за этот короткий срок бесконечно дорогой незащитная женщина. Блаженное состояние сразу омрачилось горькой реальностью. Чем больше он думал об этом, тем сильнее становилось желание не отпускать ее от себя. — Дай Бог, может, и встретимся, — грустно сказал Добродеев и не сдержался, тихо добавил: — Я этого очень хотел бы.

Наступила тягучая, наполненная тревожным ожиданием пауза.

На крыльце школьного корпуса санитарка Клавдия Васильевна командирским голосом кричала раненым, чтобы они шли на процедуры. Больные, бросая и затаптывая сигарки, послушно шли один за другим в здание, подшучивая по поводу процедур.

— А я всё это время думала о тебе. Когда мне сказали, что командир в госпитале — сильно обрадовалась: матушки мои, значит, живой!.. Переживала за тебя.

Ульяна крепилась, чтобы не зарыдать.

Он глянул ей в лицо, залитое предательскими слезами. Глаза смотрели открыто и преданно, но где-то в глубине спрята-

лась горькая печаль. Утешать Добродеев не умел, только крепко держал ее за руку, чувствуя теплоту и мягкую силу ее пальцев.

— Война распоряжается нами...

— Я приеду к тебе в госпиталь, — сказала Ульяна так, будто вопрос уже решен и не требует обсуждения. — Я буду тебя лечить своей любовью. — Слова Ульяны были нежные, кроткие, но и убежденные.

Сердце Добродеева от этих слов подпрыгивало. Ему никогда не приходилось слышать таких откровений.

— Ульяна, — тихо сказал капитан. — Но ведь ты меня совсем не знаешь.

— Знаю, — глотая набежавшие слезы, твердо сказала она. — Женским чутьем догадываюсь, что ты не можешь обидеть. — Она отвернулась, пытаясь спрятать лицо, чтобы он не видел ее слез.

Школьный двор опустел. Все ушли на процедуры. Где-то в кустах бузины заметно стал раздаваться соловьиный перепев — признак весны. И это подчеркивало внезапно наступившую тишину.

— Смотри, как тихо, — заметил Добродеев. — На войне — и такая тишина.

Ульяна отречённо кивнула:

— Тишина... Слово-то какое ласковое.

Они сидели под шинелью, пропитанной запахом пороха и больницы, прижавшись плечами, не глядя друг на друга, — оба переживали предстоящую разлуку.

— Не знаю, смогу ли я сделать тебя счастливой, — грустно проговорил Добродеев.

И как-то само собой получилось, что поведал он Ульяне, которую и знал-то всего ничего, всю свою жизнь: о семье, об отце, матери, о ссылке, что он сын «врага народа», что ему приходилось это скрывать от товарищей, от учителей, чтобы спокойно учиться, и что у него никого из родных в жизни не осталось, а деревню Заозёрное, где он жил, враги сожгли.

Он прятал все это в душе в такой уголок, куда никому не было доступа. А Ульяне он говорил, как на исповеди, не таясь, доверительно, как самому близкому человеку, надеясь, что она его не осудит и не предаст. Это была его жизнь, и о ней Павел Добродеев никому никогда не рассказывал. Завтра его увезут в тыл лечиться, и всё кончится. И от этой исповеди у него стало светлее на душе, как будто он сбросил тяжелый камень.

Они не заметили, что уже густеющие изумрудные сумерки обступили их со всех сторон.

Слушая Добродеева, она прижалась к его плечу еще сильнее. Ей хотелось сделать так, чтобы он не чувствовал себя одиноким, что у него есть она — Ульяна. Она пойдет за ним хоть на край света. Потому что это ее счастье. Ульяна боялась спугнуть это счастье, возникшее в сердце. Оно такое хрупкое — чуть что не так... и всё... и ничего...

— У меня тоже никого, — сказала Ульяна, когда замолчал капитан. — Когда папа уходил на войну, мама причитала: «Как же я буду без тебя?» Отец на фронте погиб в первый день войны. Когда похоронку получили, мама не выдержала... От горя и тоски умерла... Они сильно любили друг друга.

Капитан понял, что ее семья растворилась в войне. Он посмотрел на Ульяну — хрустальная слезинка дрожала на ее ресничке. Ему показалось, что он слышит, как бьется ее сердце. Что-то колыхнулось у него внутри необъяснимое. Что это — трудно понять человеку, не испытывавшему этого чувства — перемешанное чувство радости и тревоги. Радости от того, что она понимает его, а он ее. А тревоги — потому что неизвестно, как долго продлится это понимание друг друга.

— Правда приедешь? — с несмелой надеждой спросил капитан.

— Конечно. Не сомневайся. Найду тебя в тылу и приеду.

— Ты просто сумасшедшая, — улыбочиво сказал Добродеев.

— Ты прав. Все женщины сумасшедшие — хотят счастья, а счастливыми их делают мужчины. — Ульяна застенчиво посмотрела на капитана.

— Мужчины делают счастливыми своих жен.

— А ты считай, что мы с тобой повенчаны войной.

— Ты веришь в это? — Капитан покосился на Ульяну.

— Конечно. Ты ведь тоже веришь. Вот я вижу у тебя крестик.

Добродеев смущенно натянул рубашку на шею.

— Это мама окрестила тайно и повесила, когда я был еще ребенком, сказала: «На счастье». — Капитан глубоко вздохнул. — Вот так. А счастья-то особо и не было.

— Будет, — Ульяна с надеждой посмотрела на Павла, — у тебя будет.

— А знаешь что... — неожиданно сказал Павел, — возьми его и держи у себя. А когда найдешь меня — вернёшь.

Он снял с себя серебряный крестик, взял руку Ульяны и вложил его в теплую ладонь.

Всю ночь серые тучи напористо рыдали дождем. А утром колеса санитарной машины буксовали в талой весенней жиже. По полю еще гулял необузданный озорной ветер. Мо-

тор мучительно, надрываясь, рычал. Наконец машина выскочила на твердую дорогу и покатила, увозя раненых из госпиталя. Среди них был капитан Павел Григорьевич Добродеев. На скользкой шаткой дороге машина покачивалась, как старая телега, повизгивала и упрямо удалялась в направлении глубокого тыла, оставив у обочины единственную провозжающую — Ульяну Сорокину.

Стояла она у дороги, дыхание в груди стянуло, какая-то незащищенность охватила разум. Разлука была трудной и печальной.

В маленьком южном городке, в бывшем санатории расположился госпиталь, куда и прибыл с фронта раненый капитан. Ноющая боль в плече не давала покоя фронтовику ни днем, ни ночью. После осмотра, рентгена, нескольких консультаций была назначена операция. Главный врач хмуро предупредил, что операция сложная и можно остаться без руки. После операции капитан отходил от наркоза целые сутки. Проснулся аж на другой день. Первое, что он сделал, — правой рукой стал искать левую и, когда нашел — с облегчением вздохнул. Дежурная сестра вытерла пот на его лице и одобряюще сказала, что операция прошла удачно — руку удалось сохранить. Теперь надо восстанавливаться. На это дело ушло дней двадцать, но рука полностью не восстановилась — висела плетью. Все это время медсестра Катя делала все, чтобы Добродеев почувствовал себя лучше: делала массаж, занималась лечебной гимнастикой, словом, всегда была рядом и в любое время старалась прийти на помощь фронтовику.

В палате раненые вначале обижались, что, мол, такая красивая медсестра слишком много уделяет внимания одному больному: они же не хуже. Но потом привыкли и с понимающей усмешкой стали по этому поводу подшучивать над Добродеевым. Ему это не нравилось, он смущался, говорил, что у него всё нормально и рука не требует особого внимания. Но Катя упорно объясняла, что это приказ главного врача, и она обязана его выполнять.

Больше всех возмущался темноволосый больной Аминов. Он лежал в углу палаты. У него была перебита нога. Он в госпитале давно и на костылях передвигался довольно уверенно. Зная его неуравновешенный спесивый характер, некоторые больные питали к нему неприязнь. Над ним безобидно, от нечего делать подтрунивали пожилые раненые, мол, ты переживаешь, а она на тебя ноль внимания. Это его задевало, воинственный пыл был ущемлен. Эти шутки вызывали

скрытую злобу и агрессивность. Аминов дождался, когда медсестра уйдет из палаты, подошел к капитану и угрожающе сказал так, чтобы все слышали:

— Добродеев, пойдем выйдем.

Павел догадывался о причине вызова в коридор, но отнесся к этому спокойно. Он замечал повышенный интерес Аминова к медсестре. Но зато Катерина этого явно не хотела замечать. Капитан же не заигрывал с ней, нарочито не привлекал к себе внимание. Всё было как есть.

В коридоре, опираясь на костыли, стоял один Аминов. Как только из палаты вышел Павел, он к нему подскочил.

— Если ты будешь медсестре так улыбаться — смотри... — угрожающе произнес он. — Я тебя предупреждаю.

— А что мне — плакать, когда она таблетку принесет?

— Ты знаешь, о чем я говорю... Я тебя в порошок сотру... — распаливая в себе злость, сбивчиво прохрипел Аминов.

— Пугать будешь кого-нибудь другого. — Добродеев повернулся, чтобы уйти.

— Я разговор не закончил! — зло зарычал Аминов и схватил капитана за больное плечо. — Если ты не отстанешь от этой... девки... зарежу тебя. Запомни — она моя!

У Добродеева заныла рана. Он повернулся к Аминову, здоровой рукой схватил за грудки да так резко прижал к стенке, что его костыли отлетели в разные стороны.

— Если ты хоть раз ее так назовешь, я тебе, сволочь, вторую ногу оторву. Понял?! — Железной рукой сильно тряхнул Аминова и прижал к стенке. — Понял или нет?

Рука Добродеева крепко держала Аминова за горло. Тот беспомощно бился, что-то хлопал, пытался кивнуть в знак согласия, захлопал глазами...

— Да понял я, понял...

— Не лезь в ее жизнь.

Капитан брезгливо оттолкнул Аминова. Тот почувствовал свое безвыходное положение. В холодной нервной ярости он поднял костыли и понуро молча заковылял в палату. После этого случая он пошел к главному врачу и стал просить, чтобы его выписали из госпиталя.

После очередной консультации доктор сказал капитану:

— Рука требует длительного лечения, а в остальном всё нормально. Главное, что сохранили руку, а там дадим инвалидность и дома будешь долечиваться. О фронте не мечтай — одноруких бойцов не бывает. — Уже в коридоре буркнул сестре: — Вот так немец изувечил хорошего парня.

И от госпитальных палат на капитана повеяло такой безысходной тоской, что внутри что-то сжалось и ему стало не

по себе. Фронтовому представилось — жизнь подошла к краю. Психологически он был подавлен. Грустные думы томили капитана. Избавиться от этого «штопора» трудно. Кому нужен безрукий, одинокий, весь израненный, да еще и бездомный учитель?..

Прошло еще несколько дней. За это время оформили документы — капитана признали негодным к воинской службе.

Добродеев был «ходячий» больной. Как-то он вышел во двор госпиталя подышать, сел на свободную лавочку. Вокруг по-весеннему буйно цвели какие-то фруктовые деревья и всё было залито теплым ярким светом. Настроение было хорошее. Плечо не болело. Добродеев зажмурился, подставив лицо солнцу. О прошлом не думалось, не хотелось — оно прыгало, как по кочкам. Только вспомнилось, как перед операцией, еще перед наркозом ему неожиданно захотелось босиком побегать по росе, как в детстве. Потом провал... А будущее... Как неизвестная страна: что будет, когда выйдет из госпиталя? Большой вопрос. Но тут кто-то ему перекрыл солнце. Он открыл глаза и увидел перед собой Катю. Солнечный свет подчеркивал сияющую женственность. Она чему-то радовалась белозубой улыбкой, а карие лукавые глаза озорно глядели на Добродеева. Он ее такой никогда не видел.

— Товарищ больной, о чем вы думаете? — умело скрывая кокетство, спросила Катя, присаживаясь рядом.

— Да так... ни о чем... — Капитан застыдился этой встречи. Он знал, что Катя к нему излишне внимательна. Он это замечал, не противился, но не знал, как реагировать на это. Ведь он больной.

— Могу вам сообщить, что скоро вас будут выписывать. Это я случайно услышала от главного врача.

— Да? — Добродеев оживился, машинально пощупал забинтованное плечо.

Катя заметила это движение, заботливо посмотрела на больного:

— Повязку мы сегодня снимем, перед вечерним обходом. — Голос ее звучал как-то загадочно, по-особенному мягко, не так, как в палате, по-командирски. — Так что потихоньку собирайтесь домой, — и тихо добавила, прислушиваясь к своим словам: — Дома-то, наверное, ждут. — Катя с осторожным, плохо скрываемым любопытством ждала ответа.

Добродеев задумался: кто его ждет? У него и дома-то нет. Возникла неловкая заминка. Он чуть слышно произнес:

— Нет, Катя, никто не ждет. — Он горько вздохнул. — Мою деревню немцы сожгли полностью. Так что возвращаться некуда... Хотел бы вернуться на фронт, но... — Он приложил

здоровую руку к больному плечу. Какая-то злость втиснулась в его сердце. Это не ускользнуло от Кати.

— Вы не расстраивайтесь, у вас есть рука, да и доктор говорит, что со временем всё наладится. Так что... — Катя, заискивая, хотела подбодрить Добродеева, внушить, что его дело не самое худшее. — Спасибо главному врачу. Он так за вас переживал во время операции...

Добродеев благодарно улыбнулся.

— Спасибо большое, я ему это обязательно скажу.. А вы переживали? Хотя что я говорю — столько раненых, поток.

Катя опустила влажные глаза.

— И я переживала... А теперь вот уедете. И всё. Останусь я со своими больными... Они все разные, например, кому ампутировали ногу, рассказывает, что до войны был классный танцор, так бил чечетку — все друзья завидовали. А тот, кто потерял руку, обязательно хвалится тем, что здорово играл на баяне или на гитаре. Это обычное дело. А у вас есть две руки. Это же счастье! — Катя с надеждой заглянула в глаза Добродееву.

Не знала она, что в его сердце надежно поселилась другая девушка. О ней он часто думал, лежа на больничной койке. Но она всё дальше удалялась в его сознании в неизвестность.

— Счастье, Катя, — это когда сбываются мечты.

— Вот вы говорите, что вам некуда ехать, — со скрытым состраданием неожиданно сказала Катя. — А я вам сейчас дам адрес моей мамы. — Катя выхватила из кармана карандаш, на каком-то случайном рецепте быстро стала писать. — Это город Серпухов под Москвой... Мама у меня врач, будет за вами следить... Я ей в письме всё напишу, объясню. — Катя сунула записку Добродееву в карман пиджамы. — Не потеряйте. А через месяц меня отпустят из госпиталя, я приеду, буду делать вам массаж. Всё будет хорошо. Только надо в это верить, — и опустив глаза, тихо добавила: — Вы мне очень нравитесь. — Смущенно Катя ладонями закрыла лицо. Потом встала, направилась к зданию госпиталя. Не оборачиваясь, сказала: — Увидимся. Приходите повязку снимать.

Чистота ее отношения вконец обезоружила Добродеева. Он слегка растерялся от такого поворота. Но почувствовал холодок в груди, какую-то унижительную жалость. Он не привык, чтобы его жалели. Ему это было не по нутру. И в то же время он испытывал чувство благодарности к Кате за понимание, за доброту, за сочувствие. Голова стала хмельной.

Комиссованный комбат собрал в вещмешок свой скарб: нательное белье, ложку, нож, зубную щетку, словом, всё, что нажил за двадцать восемь лет своей жизни. Заброешил казен-

ный зеленый узелок на здоровое плечо и пошел, не торопясь, по территории госпиталя к проходной, дыша настоящим смолистой сосны и кипарисовой хвоей. Куда ехать, он еще не решил да и не знал. Он надеялся на возвращение в полк. Но путь на фронт перекрыл шлагбаум — инвалидность. Рука висела без движения. Ехать в неизвестный Серпухов, быть обузой чужим людям не очень-то хотелось. С такими мрачными мыслями — пересек проходную и вышел на пустынную улицу. Он не знал города, поэтому направился сам не зная куда.

Вдруг Добродеев увидел — на солнечной стороне улицы стоит Ульяна. Он не поверил своим глазам. Он очумело глядел на нее и думал, что это ему мерещится. На Ульяне была белая кофточка, цветастая юбка, густые белокурые волосы были аккуратно собраны в большой пучок, глаза светились счастьем. Ему казалось, что это богиня. Она улыбалась полуоткрытыми губами. Ульяна была обворожительна. И тогда он осознал, что это на самом деле она — Ульяна, о которой он думал во время пребывания в госпитале.

В едином порыве оба сделали навстречу друг другу шаги. Он застыдился своего вида, но это ничуть не смутило Ульяну. Они стояли посередине улицы и не могли насмотреться друг на друга.

— Я же обещала приехать. Вот я и приехала.

С него слетела растерянность, как шелуха с луковицы.

— Как... как ты узнала, что я здесь? Как нашла?

Ульяна подняла зажатый кулак, разжала пальцы, и на ее ладони Павел увидел сверкающий на солнце крестик.

— Я нашла тебя, чтобы вернуть этот крестик.

Как нашла Ульяна своего капитана — сразу не расскажешь. Это отдельная песня. Ее настойчивый характер почувствовал Михаил Кузьмич — главный врач госпиталя, где лежал Добродеев и откуда его перевели в тыл. Несколько дней она упрашивала врача узнать в пересыльном пункте, в какой госпиталь был направлен капитан Добродеев. Наконец он согласился написать запрос и с оказией отправил его. Ждали долго. И вот ответ пришел: «Капитан Добродеев П.Г. был направлен в госпиталь МО в город Пятигорск для дальнейшего лечения».

Под тщательно промытым до голубизны небом небольшой зеленый южный городок казался компактным и уютным. В городе Ульяна быстро нашла госпиталь. Но в проходной сказали, что без пропуска на территорию ее не пустят. Она не знала, что делать. Из проходной то и дело выходили какие-то люди. Может, это врачи? Она решила подойти к одному солидному дядечке, как ей показалось, врачу, с вопросом:

— В вашем госпитале лежит раненый Павел Добродеев, капитан?

Дядечка остановился, внимательно посмотрел на Ульяну.

— Да... помню... лежал... такой красивый парень... Но он сегодня выписывается. — Сердце Ульяны подпрыгнуло. — А вы ему кто будете? Жена?

Ульяна замялась, не зная, что ответить.

— Не знаю... пока.

Врач улыбнулся и сказал:

— Лечите бойца, положительная динамика у него наблюдается. — Хотел было идти, но остановился. — Ждите, скоро выйдет.

После такой желанной встречи у проходной госпиталя вопрос, куда ехать, для Ульяны был очевиден: конечно, к себе. А Павлу было всё равно. Его дом был уничтожен, и выбора у него не было. После некоторого колебания он согласился с предложением Ульяны. Хотя мысленно сам этого хотел, думал об этом, когда валялся в госпитале, когда Ульяна приходила к нему во сне — такая близкая, такая желанная. Теперь разлучить их было трудно. В душе у нее поселился праздник. Они вернулись в деревню Соколово на родину Ульяны Сорокиной.

Промчалось время, и война стала вспоминаться как кошмарный сон. Через год Ульяна родила дочку — Верочку. Жизнь потихоньку налаживалась. Павел стал работать учителем в школе. Руку он тренировал ежедневно, и она уже стала проявлять признаки жизни. Он мог ее поднимать, сгибать в локте, сжимать кулак — правда, еще не сильно.

Жена была активисткой — членом правления колхоза. Работала много — дел на селе всегда невпроворот. Надо было ставить на ноги хозяйство. Павел это понимал и не дергал ее лишний раз. Хотя и очень сожалел, что помочь особо ничем не может. Так незаметно шло мирное время.

Павел Григорьевич никогда никому не рассказывал, что было на фронте, как воевал. Ему этих воспоминаний не хотелось. А Ульяна, зная об этом, просила дочку не спрашивать его о войне.

Верочка заканчивала школу. И однажды, когда они с отцом были дома одни, она осторожно спросила:

— Папа, я хочу после школы поехать в город, учиться, хочу быть врачом. Ты как на это смотришь?

Добродеева эта новость застала врасплох. Он не думал, что его дочь, живя в селе, выберет профессию врача. «Откуда это? Наверное, из книг». Но он не стал возражать: мысль хорошая, надо всё обсудить, серьезно обдумать и посоветоваться с матерью.

Верочка хорошо училась в школе, и с поступлением в медицинститут проблем не должно быть. Она была очень похожа на своего отца — такая же красивая, статная и серьезная. И все считали ее «папиной дочкой». Даже Ульяна не противилась, улыбаясь, с гордостью говорила: «Яблоко от яблони недалеко падает». А Вера тянулась больше к отцу, наверное, потому, что мама реже была дома, а с папой было интересно поговорить, помечтать, посмеяться.

Всегда улыбчивая, открытая людям Ульяна, когда узнала, что дочь хочет уехать в город, испытала глухое предчувствие нехорошего. У нее как будто что-то оборвалось внутри. Поначалу она резко отвергла предложение Веры: «Нечего в этом городе делать. Если хочешь, можешь поступать на заочное в сельхозинститут — проку больше». Но отец встал на сторону дочери. Ульяна на это сильно осерчала и перестала разговаривать и с дочкой, и с мужем.

Дня два в доме была траурная тишина. Такого в семье Дობродеевых никогда не было. Но Ульяна знала характер дочери: «Уж если ей что-то втемяшится в голову, она своего добьется». И решила не мешать ее задумке: «Пусть попробует — профессия-то хорошая, нужная. Если получится — хорошо, а если нет — еще лучше. Вернется и будет думать о чем-то земном».

Конечно, она понимала, что время взросления, самостоятельности для Веры наступает. От этого никуда не денешься. Но Вера выбрала то, что ни она, ни отец не предполагали. То, что дочь выбрала эту профессию, вселяло в Ульяну радостную грусть. Радостную, потому что сама приняла решение, а грусть — потому что эта профессия может увести ее далеко от дома. А ей, как каждой матери, не хотелось расставаться с единственным любимым ребенком. Но всё же, скрепя сердце, уговорив себя, она дала «добро» на это Верино решение, надеясь, что по окончании института она вернется домой и будет сельским врачом.

В город Волгоград поступать в медицинский институт Верочка поехала одна — мать не могла отлучиться от работы, а отец заболел. Веру это не смутило. Характером она как раз вышла в мать: решительная, настойчивая и самостоятельная. Ее поселили в общежитии, допустили к экзаменам. Вступительные экзамены она сдала на пятерки. О чем с радостью в письме сообщила родителям: «Я — студентка».

Поначалу Вера писала письма домой часто: какие предметы изучает, как устроилась в общежитие, как город, о подругах по учебе. Письма были теплые и приветливые, а в конце всегда была дописка: «Я вас двоих люблю. Скучаю. Целую».

Но к концу первого курса стала писать реже и суше, письмаходили на какой-то торопливый отчет. И появились неожиданные строчки: «С одним знакомым гуляли по городу», «с одним приятелем посетили художественную выставку», «с одним другом ходили в кино». Эти строчки насторожили Ульяну: «Что за друг?» Павел Григорьевич успокаивал ее как мог, мол, дело молодое, а Вера девочка серьезная, и с ней ничего плохого не случится. Но сердце матери не успокаивалось, что-то подсказывало: «Не всё так просто...» Тогда они с Павлом решили убедиться в том, что с Верой всё в порядке, и поехали в город Волгоград.

Окна гостиницы, где остановились Добродеевы, выходили на аллею Героев, которая благоухала запахом сирени. Стояла прекрасная погода. По центру чуть сонного города они уже походили, познакомились с городской средой. Волгоград понравился — красивый, ухоженный. Даже не верилось, что здесь были страшные бои и сплошные руины.

Добродеев представил всё это, остановился, на секунду закрыл глаза, и грохот войны чуть не оглушил его.

— Паша, — он услышал голос Ульяны, — что с тобой? Тебе плохо?

— Нет-нет, — Павел открыл глаза. — Всё нормально.

— Нам надо идти в гостиницу, а то дочка придет, а нас нет.

В этот день у Верочки был последний экзамен, и родители должны были ждать ее в гостинице, чтобы втроем поехать на Мамаев курган. Павел давно собирался посетить этот мемориал.

Родители не говорили Вере об истинной цели их приезда. Ульяну больше всего волновало, как бы с ней не случилось чего плохого. Город есть город, ждать можно всяких неожиданностей.

Верочка влетела в гостиничный номер со словами:

— Всё! Последний экзамен сдан. Ура! — Возбужденная, радостная, она бросилась целовать мать и отца.

Родители тоже были рады. Отец, широко улыбаясь, старался успокоить Веру:

— Поздравляем тебя. А теперь сядь и успокойся, отдохни.

Счастливая Вера не отпускала мать, прижала к себе, горячо шептала ей о том, что она студентка второго курса. Ее мечта сбывается.

— Вы пока посидите, успокойтесь, — сказал отец, — а я схожу куплю сигарет, а потом пойдем на Мамаев курган.

Мать и дочь остались одни.

Комнату разрезали косые солнечные лучи.

Ульяна молча опустила в кресло, пристально посмотрела на дочь. В ее глазах угадывался вопрос, который беспокоил последнее время: «Уж не влюбилась ли она?» Вера уловила этот взгляд, и девичье чутье подсказало ей, что тайна, которую она оберегала, для матери не является тайной. Она села напротив, съезжилась, виновато опустила голову.

— Мама, — нарушила молчание Вера и с обидой в голосе проговорила: — у меня с ним ничего не было. Честное слово.

Ульяна молча оценила услышанное и доверительно сказала:

— Я верю тебе, дочка... Верю.

Вера облегченно вздохнула. Ульяна смотрела на дочку с любовью: «Она уже стала взрослая, и ей самой принимать решение — как жить дальше».

— Кто он? Мне интересно.

— Он учится у нас в институте на четвертом курсе, зовут его Генрих.

— Тоже медик? А где вы познакомились?

— На новогоднем вечере в институте... Он хороший, серьезный парень, он никогда...

— Ну ладно, ладно, — остановила ее Ульяна. — Ты, надеюсь, нас познакомишь?

— Конечно, — обрадовалась Вера. — Мы с ним договорились, что после экзаменов встретимся у Мамаева кургана. Кстати, к нему тоже придут родители.

— Он не местный? — удивилась Ульяна.

Вера замялась, потом, глядя матери в глаза, осторожно сказала:

— Он из Германии.

Пауза длилась недолго. У Ульяны мелко-мелко дрожало что-то внутри. Такое известие было для нее неожиданным.

— Он немец? — недоверчиво спросила Ульяна.

— Да... Но он нормальный парень, порядочный. — Вера умоляюще посмотрела на мать.

— Может быть, может быть, — растерянно проговорила Ульяна. — Только он там, а ты здесь. Вот это будет для вас большим препятствием.

— Мы об этом еще не думали... — В ее голосе появились упрямые материнские нотки. — Если есть желание, то, я думаю, любые препятствия можно преодолеть... Ты вот, мама, не прошла мимо семьи. Я тоже не хочу. Сама рассказывала, сколько было препятствий...

— Ладно... сколько я слез выплакала, одна подушка знает... Посмотрим, что отец скажет.

В комнату вошел Павел Григорьевич. Он сразу почувствовал необычную атмосферу, но умышленно не придал этому значения.

— Ну, собирайтесь, пошли.

— Подожди, отец, — остановила его Ульяна. — Сейчас Вера расскажет тебе, с кем она хочет нас познакомить.

Добродеев вопросительно посмотрел на Веру. Она стояла понуро, опустив голову. Отец смотрел на дочь и думал: «Как быстро летит время... Совсем недавно за ручку привел ее в первый класс... Совсем недавно разбирали с ней по персонажам «Горе от ума»... И вот теперь она студентка».

Неловкая тишина стояла в комнате. Вера не знала, с чего начать. Чтобы как-то нарушить эту заминку, Павел спросил:

— С кем же ты хочешь нас познакомить?

И Вера слово в слово рассказала отцу то, что говорила только что матери. К концу рассказа, теряя самообладание, чуть не плача, она беспокойно смотрела на отца, как на спасителя.

— Ну разве мы виноваты, что он немец, а я русская? Разве это может быть препятствием? Посоветуй, папа, что делать? — Щеки ее пылали, глаза были распахнуты и блестели.

Добродеев молча выслушал. Он недолго обдумывал сказанное Верой. Потом подошел к ней, обнял за плечи и спокойно сказал:

— Ты сама-то ему веришь?

— Да, папа, он надежный... Я ему верю.

— Ну вот и хорошо. Только помни, доченька, твоя вера не должна быть слепой. А лучший советчик — это твое сердце. Как оно тебе подскажет, так и поступай.

Ульяна, соглашаясь, кивнула головой. У Веры вспыхнула детская радость в глазах.

— Мама говорит, что это препятствие, которое нам будет мешать.

— Доченька, жизнь — это история преодоления препятствий. Готовься к этому. Были бы желание и воля.

Слова отца успокоили Веру. Она поняла, что родители ей доверяют, и это доверие вселяло в ее сердце сумасшедшую радость и сладкую тревогу.

— Мы поедем на Мамаев курган или нет? — с деланой строгостью произнесла Ульяна.

— Конечно, едем! — подхватили отец и дочь.

— А то не успеем посетить. Уже вечером мы с отцом уезжаем. А ты, как свои институтские дела завершишь, — тут же домой. Поняла?

— Мамуля, конечно, поняла, — не скрывая радостного возбуждения, пропела Вера.

Семья Добродеевых медленно поднималась по ступенькам Мамаева кургана. На бывшего фронтовика скульптурные композиции действовали особенно сильно. Ему казалось, что это реальные живые люди: они умирали и вновь вставали на защиту своей земли — победить их было невозможно. В памяти фронтовика всплыли и его кровавые бои. Рядом с ним были любимые жена и дочь. Они понимали и разделяли чувства, которые переполняли Добродеева.

Вера легонько локтем толкнула мать, кивая головой куда-то в сторону:

— Посмотри туда, видишь Генрих, с родителями. — Легкий румянец показался на ее лице.

На другом конце аллеи, осматривая скульптуры, прохаживались трое. Генрих увидел Веру и сразу направился к ней. Высокий, широкоплечий, с открытым лицом парень, улыбаясь, быстро шел по аллее. Вера сделала несколько шагов навстречу. Он взял ее за руку, и они подошли к родителям Веры. Оба испытывали чувство неловкости. Но Вера, стоя рядом с отцом и матерью, была увереннее.

— Вот, познакомьтесь. Это Генрих.

Генрих, смущенно улыбаясь, слегка наклонил голову, засвидетельствовав свое почтение.

Пока Вера рассказывала, что он хорошо играет в волейбол, что он капитан команды, чемпион института... Ульяна украдкой, незаметно следила за Генрихом. Он испытывал полный конфуз и вежливо пытался остановить Веру..

Павел Григорьевич отвлекся и не слышал, что говорила дочь. Он внимательно всматривался в конец аллеи, где прогуливались мужчина и женщина. Мужчина ему показался очень знакомым. Его охватило подспудное ощущение — неужели это он? Павел переборол смутную догадку: «Нет, не может быть. Но очень похож». Тем не менее пара приближалась и лицо мужчины обозначилось четче. Да, это он! Павел Григорьевич уже не сомневался — это Эрих Штольц.

Вначале Эрих, взглядываясь в Павла, остановился, затем ускорил шаг. Пространство между ними сокращалось, и с такой же скоростью исчезали все сомнения. Они протянули друг другу руки и уже как старые знакомые обнялись.

— Какими судьбами, Эрих?! — радостно воскликнул Павел.

— Паша! Живой! Я так часто тебя вспоминал... Познакомься — это моя жена, Эльза.

Павел протянул Эльзе руку.

— Добродеев Павел. А это моя жена, Ульяна.

Вера и Генрих оторопело стояли в полной растерянности.

Эрих, бережно тиская и не отпуская Павла из объятий, восторженно обратился к жене:

— Эльза, это тот человек, о котором я тебе рассказывал. Помнишь? Он спас мне жизнь.

Эльза с интересом слушала, понимающе улыбалась и с нескрываемым любопытством разглядывала Павла.

— Спасибо вам... Муж мне часто о вас говорил. Я вас таким и представляла.

Ульяна смутно начала догадываться, в чем дело. Эрих ей напомнил того пленного немца, которого отпустил капитан. Потом этот пленный лежал в госпитале вместе с Павлом. Это было на ее глазах. Ну да, конечно, это он!

— А меня вы не узнали? — с шутливым укором спросила Ульяна.

— Вас? А разве мы встречались? — растерянно улыбаясь, произнес Эрих.

— В госпитале. Помните? Я пироги раненому принесла.

— О-о! Это вы? Боже! — Эрих, виновато присматриваясь к Ульяне, не без грусти заметил: — Как летит время... Тогда пироги принесла тоненькая девочка.

Ульяна расхохоталась:

— Хотите сказать — постарела?

— Нет-нет, что вы... — виновато проговорил Эрих. — А пироги были вкусные. Меня Павел угощал, — и рассмеялся, как мальчишка, выдавая секрет: — Мы с ним вдвоем их съели.

Вера и Генрих, стоя в сторонке, с любопытством наблюдали за родителями.

— Вера, смотри, они вроде бы старые знакомые. Тебе не кажется?

— Подожди, Генрих, тут что-то происходит, а мы не понимаем что.

Возбужденный неожиданной и радостной встречей, Эрих, обращаясь к Павлу, сбивчиво и горячо заговорил:

— Меня тогда из фронтового госпиталя, где мы лежали, отправили под Свердловск, в лагерь для военнопленных... Там я многое передумал и переосмыслил. Жизнь увидел в другом свете, словно с моих глаз сняли черную повязку. Я часто вспоминал наш разговор... Помнишь?.. А в сорок шестом году отпустили. Я уехал к себе в Дрезден. — Эрих замолчал.

Он напряженно пытался заглянуть Павлу в глаза, чтобы понять, как он воспринял эту нечаянную встречу. Может, он и говорить-то с ним не захочет.

Бывшие непримиримые враги со скрытой тревогой смотрели друг на друга, и какая-то дрожь охватила их обоих. На подсознательном уровне они испытывали чувство неловкости и мысленно лихорадочно отмечали изменения в лицах: образовались лишние морщинки, волосы стали серебристые, а в глазах пряталось многолетнее таинство жизненных передряг. Они опустили на скамейку, не переставая с неподдельным интересом разглядывать друг друга.

Женщины с пониманием наблюдали за ними. Ведь их мужья были противниками. Но прошло столько лет... Уже память-то покрылась пылью. Сохранились ли у них ненависть, обида и претензии где-то там, в глубине души?

Две женщины, две матери испытывали чувство тревоги и беспокойства за своих мужей. Ульяна поближе подошла к Эльзе, с пониманием посмотрела ей в лицо. Эльза тихо и осторожно обронила:

— Я боюсь за его здоровье. С ним иногда бывает... совсем плохо. Он очень переживает, вспоминая прошлое, чувствует себя виновным.

Она посмотрела на Ульяну, нашла в ее взгляде молчаливое сочувствие и поддержку. У нее отлегло от сердца.

— Что было, то было. Прошлое не изменишь. — Ульяна догадывалась о переживаниях Эльзы, а как успокоить — не знала. — Пока человек живет, он может что-то исправить, если захочет.

— Он часто вспоминал вашего мужа. — Эльза приложила платок к глазам. — У него ведь тоже ранение?

— Да, — сухо ответила Ульяна.

Два инвалида — победитель и побежденный — мирно сидели на скамейке, а по бокам возвышались каменные скульптурные композиции, застывшие в смертельной схватке с врагом. Говорить о войне не хотелось. Может быть, потому, что потаённо они боялись коснуться, растеребить те душевные раны, которые в мирное время затянулись, стали заживать.

— Дай я на тебя посмотрю, — сказал Павел, глядя на Эриха. — А ты почти не изменился. Я рад тебя видеть и твою семью. Чем сейчас занимаешься?

— Я учитель в школе: литература и русский язык, — охотно отозвался Эрих. — Жена тоже в школе, и тоже литература.

— Да мы с тобой коллеги, это я помню! — обрадованно воскликнул Павел. — А как вы здесь оказались?

— По путевке. Купили в Германии путевку и поехали: теплоход, круиз Москва—Астрахань—Москва. А с сыном — он здесь учится — договорились: когда будем в Сталинграде —

увидимся. — Ему хотелось сразу о чем угодно говорить, только бы не возвращаться туда, в сорок четвертый. — Ну и огромная у вас страна!

— Да уж, что есть, то есть...

Оба старались обойти тему войны, не касаться ее, но она всё время стучалась в их память. Хотя то, что произошло с ними, ушло в глубь истории. И та горечь, которая скопилась в памяти, потихоньку стала рассасываться.

— Эрих, ты мне скажи, как здоровье-то? — с неподдельным интересом и сочувствием спросил Павел.

— Нормально. — Эрих отвернулся. Павел заметил ускользающий взгляд. — В Германии сделали операцию... А осколок так и не достали. — Он виновато улыбнулся. — Побоялись трогать его. Так и сидит где-то у сердца... Иногда напоминает о себе... Да ладно, об этом долго можно говорить. Ты-то как?

— А у меня вот полторы руки. — Павел бодро улыбнулся, чтобы не придавать встрече грустный оттенок. — Одна здоровая, другая наполовину. Но я ее тренирую. Так что надежда есть...

Оба замолчали, как бы винясь и стыдясь за эти раны, нанесенные войной.

Вот так бывает: побывавшие в аду люди, повидавшие горе и страдания в самой страшной войне — не важно, на какой стороне они были, — понимают друг друга без лишних слов. Они повязаны кровью войны. А война не ими придумана. Они были только ее участниками.

— Ну, ничего... Главное — мы живы — с оптимизмом проговорил Эрих и осекся. Посмотрел на Павла, словно извиняясь за что-то.

— Мы-то живы, слава Богу, а сколько полегло — никому не известно. — Павел нахмурился. — Здесь, только на этом кургане, тридцать пять тысяч покоятся.

Им никак не удавалось уйти от этой колючей темы. Аура мемориала давила на сознание.

— Мы сегодня погуляли по городу, — стараясь перевести разговор в другую плоскость, сказал Эрих. — Спокойный, красивый, много цветов — жизнь идет.

— Да, жизнь прекрасна, жаль, что она недолгая... Да вот еще люди тратят ее себе не во благо.

— Согласен. Я долго об этом думал... Ты, конечно, знаешь, что Паулюс в сорок четвертом подписал обращение «К военнопленным немецким солдатам и офицерам». Там он прямо призывал к свержению Гитлера. На нас это произвело впечатление. — И категорично добавил: — Вражды между людьми не должно быть.

Павел согласно кивнул головой:

— Нам надо смотреть вперед.

Эрих с сожалением развел руками:

— Во многом это не от нас зависит.

— Ну и от нас — тоже. — У Павла в голосе появились жесткие нотки. — Один русский поэт очень хорошо сказал: «Не губить пришли мы в мир, а любить и верить...» Любить и верить — это основная черта русского человека.

— А где же наши дети и жены? — спохватившись, стал оглядываться Эрих.

— Вон они, гуляют, — Павел кивнул в сторону ребят.

По аллее, оживленно беседуя, прогуливались Ульяна и Эльза. Они как-то быстро нашли общий язык. А за скульптурными композициями угадывались Вера и Генрих.

Эрих неожиданно повернулся к Павлу, посмотрел ему прямо в глаза.

— Павел, я не враг. У меня эта боль до конца жизни не пройдет.

— Да верю я тебе, верю, — понимающе произнес Павел.

— Ты знаешь, мой сын, Генрих, в письмах стал признаваться, что он здесь встретил очаровательную девушку, и просил совета: «Как быть?» Теперь я понял, что эта девушка — твоя дочь...

— Я тоже понял, что твой сын и есть «знакомый», о котором нам сообщала Вера.

— Вон как оно вышло...

— Я смотрю, они очень рады друг другу, смеются. Приятно смотреть...

— Вот это меня и настораживает...

— Ты же сам сказал — вражды между людьми не должно быть.

— Так-то оно так...

— Мне кажется, ты хочешь задать исконно русский вопрос: «Что делать?»

— Ну да! Нельзя же не замечать этого.

Павел посмотрел в сторону ребят. Вера и Генрих, смутно догадываясь, что происходит с родителями, прогуливались на другом конце аллеи. Им не хотелось вникать в проблемы старших. У молодых людей образовался свой интерес, доступный только им двоим. И никого пускать в свой хрустальный мир у них желания не было.

— Эрих... Не горячись. Ты отец, и я отец... Мне кажется, мы не должны вмешиваться в их выбор.

— Ты прав. А как ты на всё смотришь? — с надеждой спросил Эрих.

— Я и моя жена будем только рады их счастью.

— Спасибо, Павел, — с облегчением вздохнул Эрих. — Ты успокоил меня. Я думал, что ты будешь против. Всё же те годы... Они ведь... — Он подбирал слова, а в них угадывалась вина за прошлое. — В меня стреляли, я стрелял... Я боялся...

Павел не дал ему договорить:

— Я тебя понимаю. Самое прекрасное, Эрих, — это жизнь. Давай не будем нашим ребятам омрачать ее.

Они пошли по аллее навстречу своим женам, которые что-то живо обсуждали с Верой и Генрихом. И судя по их доброжелательным лицам, по бодрому виду, разговор был хороший.

— Куда же вы пропали? — шутливо сказал Эрих.

— Нам без вас скучно, — игриво поддержал его Павел.

Эльза внимательно и заботливо посмотрела на Эриха, и глаза ее заблестели. Она повернулась к мужу просветленным лицом, и это подняло у него настроение. Он понял: ее разговор с Ульяной не вызвал отторжения. Он посмотрел на часы и театрально произнес:

— Уважаемые посетители, экскурсия закончилась. Через два часа мы должны вернуться на теплоход и продолжить движение по великой русской реке Волге.

Все улыбнулись.

— А у нас поезд через час, — без притворства виновато сказала Ульяна. — Так что мы первые уезжаем.

Атмосфера вокзала как-то опустила приподнятое настроение. Расставание заставляло грустить.

Ульяна, попрощавшись со всеми и поцеловав Веру, успела шепнуть ей на ухо:

— Парень хороший, но ты не теряй голову. — И быстро вошла в вагон. Вера слегка зарделась.

У дверей вагона Павел остановился, протянул руку Эриху.

— Увидимся ли еще? — Печальная тень пробежала по его лицу.

Никто обиды в себе не держал. Всё перетерлось временем. Оно всё расставило по своим местам. Никто из них больше не хотел вспоминать кровавую кашу войны. Взгляды бывших противников встретились, и в них не было осуждения друг друга. Они молча обнялись — два школьных учителя.

А Павел подумал: «Господь свел через горе, страдания двух людей. Случайно это или нет? Одному Богу известно. Людям свойственно прощать обиды. Слава Богу за все. А вот будущее зависит уже не от нас. Помоги им в милосердии, Господи».

Вот так были перелистнуты страницы истории двух человек, двух противников. Война перекрутила их жизни. Кто виноват — пусть разбирается время.

Павел быстро вошел в вагон, повернулся, махнул рукой и скрылся за спиной проводницы. На перроне остались Эрих, Эльза, Генрих и Вера. Глаза у Эриха как-то непривычно намокли. Онемевшими губами беззвучно прошептал:

— Увидимся ли еще?

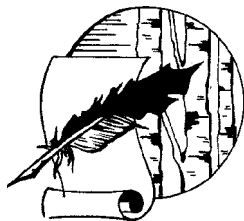
Генрих незаметно взял теплую руку Веры. Его чуткие пальцы мягко и нежно сжали ее. Сердце Веры наполнилось сладкой тревогой, а щеки покрылись нежным румянцем.

Поезд тронулся. В окне Эрих увидел Павла. В голове пронеслось: «Видишь, как судьба нас опять соединила».

Поезд набирал обороты, колеса стали пересчитывать стыки.

Теплоход тяжело и нехотя оторвался от причала и под звуки бодрой музыки медленно стал отходить, унося восторженных и весело возбужденных туристов. А на верхней палубе стояли притихшие и грустные отец и мать Генриха. Отец, прощаясь, как в замедленной съемке, махал рукой, а мать часто прикладывала платочек к глазам. Они сами не понимали, радоваться им или огорчаться. Но осторожное, счастливое беспокойство вкрадчиво подбиралась к родительским сердцам. Сопrotивляться тому, что произошло, им не хотелось. Каким боком повернутся судьбы ребят — никому не известно. Теплоход уходил в бриллиантовое море, а двое молодых людей, стоя на берегу, держась за руки, еще долго и молча провожали его взглядом.

г. Москва

Николай КОЛЫЧЕВ

ГДЕ-ТО ПЛАКАЛА ПТИЦА

* * *

На холодную плоть камней
Листья, тихо шурша, легли...
Листопад...
В этот час сильнее
Притяженье родной земли.
Поднимается красный свей,
Рассыпается жёлтый прах...
Что ты значишь в судьбе моей,
Хмурый край на семи ветрах?
Что ты значишь в моей судьбе?
Я пытаюсь найти ответ...
Где-то там, на лесной тропе,
Пробежавшего детства след.
Пригляжусь — а по тропке той,
По заветным грибным местам
Мой отец идёт — молодой,
Следом я бегу — по пятам.
Набиваю брусникой рот,
Поспеваю за ним едва...
Где отец только раз шагнёт,
Там моих шагов будет — два.
И сладка мне печаль моя,
Возвратила назад судьба
Ту щемящую боль ручья
На молочных моих зубах.

* * *

Осенние стаи взлетят — и растают,
Расправив крылатого крика покров.
Из отчего дома, из милого края
В Судьбу вырастает к России любовь.
Россия — поморские лодки и сети.
Россия — избушки, церквушки, кресты...
В метельных молитвах о лете, о свете
Отсюда для нас начинаешься ты.
Здесь древних причалов разлуки и встречи,
Здесь в жёнах ценнее умение ждать.
Здесь верится — время возносится в Вечность,
Туда, где Полярная всходит звезда.
Так пой, не смолкая, Студёное море,
О том, что в ночи не погаснут огни!
Цветите, игристые сполохов зори!
Сияйте безудержно, летние дни!
Волнуйся, ковровый кустарник берёзки,
Желтейте медвяно, морошки поля!..
Нет в хоре России милей подголоска,
Чем ты — Заполярье, родная земля!

* * *

Ах, полярная ночь!
То ли ночь, то ли царство бессонное,
Тихий свет полыньи, называемый всеми «луной».
Васильковые россыпи звёзд. Небеса чернозёмные.
И земля, как пречистое небо, светла подо мной.
Никому ничего не хочу объяснять и доказывать,
Надо просто, забыв о земном, в эту высь посмотреть.
И прозреет душа, и поймёт непонятное разуму:
Почему небеса называются в Библии — «твердь».

* * *

Грузный дождь припадает к земле,
Подвели его тонкие лапки.
И высокие сопки во мгле
Примеряют белёсые шапки.
Лес, как дом опустевший, тосклив,
Стонет небо в печали отлёта.
Но теплом еще дышит залив,
Но теплом еще дышат болота.

Как приятно остатки тепла
Добирать каждой клеточкой кожи!..
Что горит — то сгорает дотла,
Что не вдоволь дано — то дороже.
Лишь на миг сквозь завесу проник
Тусклый свет, как последний подарок,
Но от ветра туманный старик
Заслоняет ладонью огарок...

ГРУСТНИКА

Густо рассыпаны алые бусины.
Вот и созрела ты, ягода поздняя,
Самая вкусная, самая грустная,
Самая-самая — родом из осени.
Лето, прощай! А казалось — не кончится:
Горстками черпаю ягоды эти.
Сладко! И всё же нельзя не поморщиться,
Не пожалеть о промчавшемся лете.
Полнится небо печальными криками,
Жалость глаза мои переполняет.
Я называю бруснику — «грустникою»,
Пусть меня все без конца поправляют.
Выйду из леса я с полной корзинкою
И повезу в своё многоэтажие
Сладость с кислинкою, радость с грустинкою:
И — что-то большее. Нужное. Важное.

МОРОШКА

Капельки солнца в зелёных ладошках.
Капельки света.
Жёлтые россыпи ягод морошки —
Щедрое лето.
Над головой комариная стая
Тучею вьётся.
Я не спасаюсь. Я запасаяю
На зиму солнце.
Крошка-морошка... Ягодка эта —
Солнечный дар нам.
Светятся с блюда капельки лета
Ночью полярной.

* * *

Человек тридевятую вечность сидел над женою,
Положив на живот ей ладонь — как огромное ухо.
Где-то плакала птица — сквозь ветер и дождь за стеною,
Долгожданный — в жене — кто-то третий ворочался глухо.
Тридевятую вечность не сохла и липла рубаха.
Нет, не трус он, не трус... В одиночку ходил на медведя.
Но большой — в пол-избы, как ребёнок, заплакал от страха,
Оттого, что никто не поможет, никто не придет.
Не стонала жена. Виновато ему улыбалась.
А в ночи — затмевала Голгофу стенаньями птица.
И хотелось кричать и метаться. Порою казалось —
Это плачет ребёнок, который не может родиться.
О, как птица страдала! И боль отзывалась тупая,
Распирая виски, загигаясь в вопрос без ответа,
И качалась в бессоннице лампочка полуслепая,
И секла по глазам утомлёнными розгами света.
Он рванулся во двор — остудить раскалённые вопли,
По дороге ружьё заграбастал в огромную руку
И — пальнул в темноту. И — рыдания птицы замолкли...
Он отлично стрелял. И навскидку, и даже по звуку.
Но застреленный плач возродился — в жилище угрюмом,
За окошком жена омывала ребёнка над тазом...
Опершись на ружьё, он стоял и покачивал думу...
То жалел, что убил... То пугался: а если б промазал?

НЕПОСТРОЕННЫЙ ХРАМ

Сопка простёрлась двуглавым орлом над дорогою,
Древние камни внимают протяжным ветрам.
В речку со склона взглянула церквушка убогая
И несказанно прекрасный увидела храм.
Храм отразился в реке небывалою небьюлю,
Светлой мечтой о великой счастливой стране,
Словно сквозь грёзы привиделось то, чего не было,
Словно сквозь слёзы пригрезилось то, чего нет.
Люди, придите, взгляните, родные, хорошие!
Видите, там, среди серых бесстрастных камней
То ли разбившийся храм безвозвратного прошлого,
То ли несбывшийся храм наших нынешних дней.
Люди, очнитесь! Проснитесь, селенья окрестные!
Люди, спуститесь к реке, чтоб на чудо глядеть!
Чёрные зданья торчат над безвидною местностью,
Тёмные тени молчат, не спускаясь к реке.

Осень рыдания несёт над холмами и топами
И наполняет дождливой слезой облака.
В небо глядит из реки нерождённый утопленник,
Песню непетую в море уносит река.
Люди, придите, нельзя не жалеть об утраченном!
Люди, взгляните, задумайтесь, что впереди!..
Дух преподобного Трифона ангелом плачущим,
Нас осеняя, над грешной землёю летит.
Единосушная и Нераздельная Троица,
Нашу страну и народы её пожалей.
Господи, силы нам дай, чтоб молиться и строиться!
Храм, отражённый в реке, сотвори на земле!

* * *

Поезд замер, словно вкопанный,
И — ни с места. Вот беда!
Рядом Мурманск. Вот он. Вот он — он!
Рядом. Ну — рукой подать!

Ждем. Чего? Какого... встречного?
Я глаза все проглядел.
За окном — как будто вечер.
На часах — как будто день.

На ветру деревья корчатся.
Дождь на стеклах... Боже мой!
Очи осени. Мне очень,
Очень хочется домой!

... Тронулись? Неужто тронулись?!
Ну, давай, быстрее, быстрее!
Я гляжу в окно вагонное
На Фадеев на ручей.

Захлебнувшись удовольствием,
И от чувств почти без чувств
Птицей вдоль проспекта Кольского
Я лечу, лечу, лечу!

Здравствуй, слякоть!
Здравствуй, грязь моя!
Гниль листвы на мостовой.
Я вернулся! Мурманск, с праздником!
Мурманск! Я опять с тобой!

Кажется, вокруг все кружится.
Я спешу — на всех парах —
Отразиться в каждой лужице
Сквера на Пяти Углах.

Мне не жаль ботинки новые,
Этих луж не обойду.
То ль шагаю, пританцовывая,
То ль танцую на ходу.

И от счастья невозможного
Так, чтоб слышал весь народ,
Я пою. Пускай прохожие
Думают, что идиот.

* * *

Пока рассудок и глаза ясны,
Неизлечимой лаской буду болен
К деревьям, птицам, ручейкам лесным
И к маленькому северному полю.
Любя, я проживу свои года,
И в час, когда устанет биться сердце,
Где б ни был — всё равно приду сюда,
На лес, ручей, на поле наглядеться.
Последнюю приемля благодать,
Рвану руками воротник рубашки.
И будет мне не страшно умирать,
Упав в траву, лицом приняв ромашки.
И всё затмит высоких сосен шум,
И холод нежеланного покоя,
И радость оттого, что ухожу,
Но ничего не уношу с собою.
Что оставляю у порога тьмы
Лес, поле, дорогое чьё-то имя...
Мы лишь на краткий миг берем взаймы
У жизни то, что по сердцу нам ныне.

ПОПУТЧИК

Он стоял на подъёме,
Как видно — не местный,
Проходящим машинам махал без успеха.
С незнакомцем всегда говорить интересно,

А попутчики мне — никогда не помеха.
Сел, поехали...
Он закурил сигарету:
— А погода-то нынче дрянная, не так ли?
Говорят, здесь неделя тепла за всё лето? —
Я поддакнул ему..
И дурак, что поддакнул!
Он вдруг начал ругать все ухабы и горки,
Клял он сопки и сосны, летящие мимо...
А я зубы сжимал,
Было больно и горько,
Словно гадости мне говорят о любимой.
Как хотелось вскричать:
«Замолчи ты, зануда!»
Мышцы сжались в комок под одеждой упруго...
Ну откуда он взялся такой...
— Ты откуда?
Что ответил — не помню, откуда-то с юга.
Есть там где-то село, окружённое полем,
Дом с верандой, семья...
И туда он вернётся.
Там сады, виноградники, тёплое море...
Так какого же чёрта сюда-то он прётся?
Я спросил у него. И развёл он руками,
И блеснула улыбка с вертлявым окурком:
— За богатствами Севера я...
Да деньгами,
Как и все здесь...
А что, я похож на придурка?
И в молчанье доехали мы до посёлка.
— Вылезай! —
По карманам зашарили руки...
Уж не Север ли хочет купить за пятёрку?
Чуть не плюнул в него:
— Убери, не на юге.

* * *

До чего же утро-то хорошее!
Синее бескрайнее раздолье.
Как большой телёнок новорожденный —
Мокрое взъерошенное поле.
И на сосны, в небеса простёртые,
Ранней лаской первый луч струится.
Дрогнули смолы живинки жёлтые,

Вспыхнули росинки на ресницах.
Слышно ранней птицы щебетание,
Но покой покуда не нарушен.
Только семят по делу раннему
Краем поля блёклые старушки.
Вам бы отдыхать, а вы всё странствуете,
Надо же в такую рань проснуться!
Подойдут, а я скажу им: «Здравствуйте!»
И они в ответ мне улыбнутся.
Золотой поток скользит по зелени,
Протекает в сумерки под кроны.
Люди щедро нежностью засеяны,
Их бы только добрым словом тронуть!

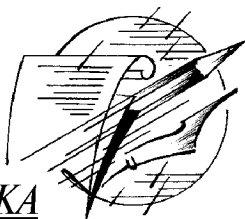
* * *

Мир осенен из глубины небес
Смирением и светлую тоскою.
Струится благодать в поля и лес,
Над руслом, полным света и покоя.
Спаси меня, земля! Я так устал,
Живя во зле. Я болен жаждой мщенья,
А от тебя исходит доброта.
Прости меня и научи прощенью.
Учи виниться и прощать другим,
Идти с улыбкой к незнакомым людям.
И старые отпустятся грехи,
И, может, новых — никогда не будет.
Как подшутила надо мной судьба!
Ведь я из мутной лужи у колодца
Напился веры в то, что жизнь — борьба,
Но жить куда труднее, чем бороться!
Борьба... И мстью подменили честь,
И умер дивный звук в кромешном гуле.
Мир жив не потому, что бури есть,
А потому, что утихают бури!
Идущим по слезам да по крови
Вовек не суждено дойти до счастья.
Не противостоянью, а согласью
Учи меня, земля,
Учи любви.

г. Мурманск

КРИМИНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Сначала вкратце рассмотрим экономическую ситуацию в стране. Десятки миллионов граждан России в течение долгих лет создавали Империю, которая, какая бы она ни была тоталитарная и преступная, но была всё же могущественная в экономическом отношении с сильнейшей промышленной базой. Если бы только наши предки — отцы, деды и прадеды — знали, что всё это будет разворовано в течение каких-то десяти лет вновь появившимися олигархами, то они бы наверняка горько заплакали, так как такой кровью и потом всё это было создано и так всё это было лицемерно разворовано. И сейчас уже можно с полной уверенностью сказать, что российские власти не просто были экономически безграмотны, а что эта безграмотность и чудовищные преступные ошибки были выгодны тем, кто стоял у руля государства. Чиновник, который совершает одну ошибку за другой, в результате которых его карманы наполняются валютой, — не просто бездарь, хитроумный бездарь, а самый настоящий преступник. И, наверное, придут времена, когда все эти преступники предстанут перед судом, уж перед судом истории, я надеюсь, точно.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

«Первые ошибки были допущены почти сразу же после начала трансформации. В 1992 г., в азарте построения рыночной экономики, большинство цен были моментально либерализованы, что привело к инфляции, уничтожившей сбережения и сделавшей макроэкономическую стабилизацию первоочередной задачей программы реформ» (Дж. Стиглиц, лауреат Нобелевской премии в области экономики).

В конце 1990-х сумма вкладов в Сбербанке СССР составила 381,4 млрд. рублей при бюджете страны по доходам 471,8 млрд. руб; еще 132,7 млрд. руб. было у населения наличными. Государственный внутренний долг всего за пять лет вырос в 4 раза и составил 56,6% от ВВП. Очень быстро начал расти и государственный внешний долг.

По мнению большинства экономистов, реформы в России начались в январе 1992 г. Значит, именно с этого периода и ведет свой отсчет разграбление России (история с горбачевским правлением не входит в рамки данной статьи). С 1992 г. руководить реформами взялись «специалисты», которые не имели опыта ни реформирования, ни управления экономикой хоть маломальского муниципального округа. Возглавил реформы Ельцин, бывший партийный деятель, который всю жизнь считал себя коммунистом и в конце жизненного пути вдруг «прозрел» и понял, что только капитализм спасет Россию, и Е.Гайдар, ранее работавший заместителем главного редактора журнала «Коммунист», а в 1990—1991 гг. — директором Института экономической политики Академии народного хозяйства и АН СССР. Приватизацией же занялся А.Чубайс, которого до 90-го года идеи приватизации «...абсолютно не трогали». Официальными советниками пригласили иностранных специалистов, в частности Джеффри Сакса из Гарвардского университета, Ричарда Лэйарда из Лондонской школы экономики, шведского экономиста Андерса Ослунда и др. Почему-то впоследствии их обвинили в полном непрофессионализме. А всё ли так просто? Я не думаю, что они оказались полными непрофессионалами. Просто мы не знаем, какой заказ они выполняли — я склонен считать, что они создали именно то, что от них и хотели представители новой российской власти.

К 1992 г. у населения России было много сбережений в Сбербанке и немало наличных денег, а у государства — мало обычных потребительских товаров для их обеспечения. Перед властью встал вопрос об изъятии денег у населения. Реформаторы могли предложить под них акции самых прибыльных предприятий металлургии, химической промышленности, энергетики, нефтедобывающей промышленности, квар-

тиры и земельные участки. Но было принято преступное решение — обесценить накопления граждан эмиссией денег и космическим повышением цен.

Б.Ельцин в 1991 г. сказал: «Нам будет трудно, но этот период не будет длинным. Речь идет о 6-8 месяцах». Видимо, в тот период реформаторы от власти надеялись успеть именно за такой короткий период разграбить страну. Но всё затянулось надолго. Уж больно много накопили и создали наши предки. Быстро разворовать не получалось.

В начальный период реформ цены в магазинах росли каждый день, продавцы не успевали менять ценники, а рубль катился вниз безостановочно. 25000-кратный рост цен поверг в шок всех россиян. Оговорюсь, не всех — реформаторы от власти лишь улыбались и просили потерпеть. Б.Ельцин: «Бессонные ночи, мучительные переживания: что надо сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше? Не было у меня более важной задачи».

Приведем один пример. Поездка в московском метро в течении 30 лет: в 1961 году стоила 5 копеек, в 2011 г. проезд стоил уже 28000 дореформенных рублей, т.е. его стоимость выросла в 560 тысяч раз или на 56 миллионов процентов. Приблизительно так же обесценились и вклады граждан!!!

В развитых и во многих развивающихся странах в этот период инфляция не превышала в среднем 2—4%, а в Японии и Китае, например, была даже дефляция. Если большинство населения мира худо-бедно жило, то россияне просто пытались выжить. Причем выжить удалось далеко не всем, в конце 90-х страна недосчиталась более десяти миллионов россиян. Из последнего обращения президента Б.Ельцина к россиянам 31.12.1999 г.: «Многие люди в это сложное время испытывали потрясения». Я думаю, что и сам он не до конца понимал глубину потрясения народа, вольготно «беспокоясь» о народе за стенами Кремля.

За весь период реформ уровень инфляции был таким высоким, что в рейтинге МВФ за эти годы Россия редко опускалась ниже 160-го места. Даже большинство слаборазвитых стран Африки находилось на более выгодных позициях. В рекордном 1992 г. Россия уступила первое место с конца только Демократической Республике Конго (без учета стран СНГ).

Самое страшное, что государство продолжало печатать необеспеченные товарами деньги. При росте цен на сырье и металлы в Россию поступали сотни миллиардов долларов. Одной из главных причин роста потребительских цен считается покупка ЦБ РФ иностранной валюты. Деньги в эконо-

мику вводилась через покупку валюты в основном у экспортеров сырьевых ресурсов, причем покупка осуществлялась по пролоббированному коррупционными методами завышенному курсу, обеспечивающему экспортерам ресурсов сверхприбыль. Для этого Центробанк РФ печатал необеспеченные товарами рубли, обкладывая всю страну эмиссионным налогом, и таким способом перекачивал огромные суммы из карманов 90% россиян на банковские счета 10%.

На конец 1990 г. в СССР наличных денег в обращении было 136,1 млрд. руб., из них у населения — 132,7 млрд. (98%). Численность населения России составляла 51,2% от численности населения СССР. Следовательно, в России к началу 1991 года в обращении было примерно 70—80 млрд. наличных рублей. И все эти деньги были украдены государством у населения. Именно в те годы были вывезены за границу около 350, а может, и 500 миллиардов долларов. Пришли в упадок все отрасли народного хозяйства.

Сколько всего денег вывезли за рубеж? Сейчас это точно установить практически невозможно. В исследованиях по этой проблематике специалисты считают, что вывоз капитала в 90-х годах достигал 20—25 млрд. долларов в год. За 10 лет — 250 млрд. Академик Д. Львов считает: «По нашим оценкам, за годы реформ было вывезено около 500 миллиардов долларов». «По расчетам экспертов Ассоциации российских банков, сумма переведенных за рубеж капиталов в 90-х годах определялась в диапазоне 800 млрд. — 1 трлн.». По данным ЦБ РФ отток капитала только из частного нефинансового сектора и только по некоторым учтенным способам увода денег превысил в 1992—2009 годах 370 млрд. дол. Это примерно равно 15 федеральным бюджетам по доходам 1999 года. Отток капиталов из России на зарубежные счета только в 1992—1993 гг. составил от 56 до 70 млрд. долларов.

По данным Банка международных расчетов, российские резиденты к середине 2006 года разместили в зарубежных банках около 220 млрд. долларов. Больше половины этой суммы — в банках Великобритании. По мнению специалистов, таким образом утилизировались нефтедоллары.

Вот слова Г. Гудкова, бывшего заместителя председателя Комитета по безопасности ГД РФ в 2000-е годы: «Бжезинский, общаясь с нашими учеными по проблеме ПРО, сказал, что он не видит ни одного случая, в котором Россия могла бы прибегнуть к своему ядерному потенциалу, пока в американских банках лежит 500 млрд. долларов, принадлежащих российской элите. А потом добавил: вы еще разберитесь, чья это элита — ваша или уже наша. Эта элита никак не связывает

свою судьбу с судьбой России. У них деньги уже там, дети уже там».

За период 1992—2009 гг. в России покончили жизнь самоубийством 805,5 тысячи человек. Для сравнения: численность населения Орловской области в 2009 г. была 816,9 тысячи человек. По показателю самоубийств Россия долгие годы была в числе лидеров. «Лучший» способ выхода из ситуации россияне нашли в алкоголизме и наркомании. В 90-х граница с Казахстаном, через которую из Афганистана поступала основная масса наркотиков, была полностью открытой. До 2009 года на ней даже не было пограничных столбов. Наркомафия ринулась в Россию. Государству, всерьез опасавшемуся лишь народного взрыва, наркотикизация населения явилась только на руку. И властные структуры взяли зарождающуюся отечественную наркомафию под свой контроль, в результате чего их обогащение пошло с усиленной энергией. И те и другие нуждались в друг друге.

25 декабря 1991 г. над Кремлем был спущен флаг СССР и поднят флаг России. В тот же день вступил в силу подписанный Ельциным закон №1982-1, отменивший уголовную ответственность за употребление наркотических средств без назначения врача. В 1992 г. граждане России получили право покупать иностранную валюту, и международные наркосиндикаты сразу же заинтересовались Россией как обширным рынком сбыта отравы (до этого неконвертируемый рубль никого не интересовал). В мае 2004 г. правительство РФ приняло постановление №231» Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ». Удивление специалистов вызвал тот факт, что разовая доза морфина была установлена в размере 0,005 грамма, а производимого из него героина — 0,1 грамма. Хотя героин в десятки раз сильнее и вреднее морфина. 0,1 грамма героина — это 10—15 доз. И при этом — отсутствие уголовной ответственности за хранение! Выходило, что власть делала всё для поощрения проникновения наркотиков в страну и наркотикизации населения.

Сколько ныне в России наркоманов — не знает никто. По данным ВОЗ, на учет становится в среднем каждый 50-й наркоман. В декабре 2004 года на слушаниях в Госдуме глава МВД РФ сообщил, что, по экспертным оценкам, количество наркоманов в России достигло 4 млн. человек. А это было около 3% всего населения, причем 11% — в возрасте 15—29 лет.

2012 год, июнь. По оценке ФСКН регулярно или периодически наркотики употребляли 8,5 миллиона россиян (6% от

всего населения). По данным ВОЗ, если доля наркоманов в стране превысит 7%, то в ней происходят необратимые процессы дегенерации населения. Если количество наркоманов в России достигнет 15% от всего населения, то, по мнению специалистов, никакие концепции и национальные проекты стране уже будут не нужны. И власти, я уверен, до сих пор просто опасаются открывать истинные размеры наркотизации и алкоголизации в стране.

Надо заметить, что наркотизация народа в 90-е годы была выгодна не только властям, которые стремились смягчить народный гнев и попутно отхватить очередные миллиарды долларов, плавно перетекавшие в иностранные банки, но западным государствам.

В 1989 году Советский Союз вывел свои войска из Афганистана. В 2000 году верховный правитель «Талибана» издал указ о полной ликвидации посевов опийного мака. Но в октябре 2001 года американцы и их союзники вторглись в Афганистан. За период 2001—2007 гг. площадь посевов опийного мака там увеличилось в 25 раз, а производство опиатов — в 44 раза (со 185 до 8200 тонн). Американцы направили наркопоток в сторону бывших республик СССР. Это была миллиардная прибыль! На границах наркопоток встречали партнеры-подельники из властных структур наших республик. Все оказались в доле!

Потребление российскими наркоманами только афганского героина оценивается в 75—80 тонн в год. При среднесуточной дозе 0,1 г. этой отравы хватит для ежедневного употребления 2,2 млн. россиян, а при 0,4 г. — 4 млн.

И тем не менее в 90-х годах бунт назревал. В это же время началась криминальная революция в стране, и власть тех лет также решила ею воспользоваться.

Для властей и правоохранительных органов криминальный взрыв, скорее всего, не явился чем то неожиданным. Давно известно, что любая смена формации, радикальные реформы и государствообразующие (как и разрушающие) процессы неизбежно приводят к росту преступности, если вовремя жёстко ее не остановить.

В 90-х годах власти не могли и не хотели останавливать эту волну криминальной революции, так как по ряду причин она была им выгодна. Во-первых, система МВД оказалась не способна справиться с данными процессами. Отсутствие необходимого финансирования правоохранительной системы привело к тому, что к началу 90-х гг. эта система во многих регионах страны полностью развалилась.

В это же время в структуре правоохранительных органов появляются сторонники практической теории: «контролировать — значит возглавить», которые в итоге и приходят к руководству правоохранительной системой. На вопрос: а как правоохранительная система собирается контролировать (тезис «бороться», видимо, даже не ставился) преступность, давался однозначный ответ: возглавив движение, мы сможем контролировать весь этот процесс. В итоге практически вся оргпреступность в течении нескольких лет была поставлена под крышу правоохранительных органов. И если на начальном этапе главную роль играло МВД, то со временем и оно было оттеснено такими структурами как ФСБ и ФСО, т.е. чекистами.

В правоохранительные структуры полились потоком капиталовложения, и уже трудно стало отличить, кто хозяин, а кто подконтрольный. Милиция и чекисты нашли свою нишу в государстве, и их теперь стали мало заботить отношения «власть—криминалитет». Правоохранители стали выступать посредниками в конфликтах между властью и криминалом, так как имели компромат и на тех и на других. Власть же это полностью устраивало, так как именно этот посредник не давал криминалу наехать на высокопоставленных воров — представителей власти — с требованием поделиться наворованным. Кстати, криминал прекрасно улавливал свое родство с властными расхитителями, но когда не получилось обложить их «криминальным налогом», то (где-то к середине 90-х годов) криминал просто пошёл во власть и тем самым произошел неизбежный процесс слияния власти и криминала. Как говорится, не хотите вы к нам, тогда мы идем к вам.

Так почему же государство не задушило в зародыше криминальную революцию? Ответ, как мне видится, достаточно прост. В условиях спокойствия и порядка становятся прозрачными (конечно, относительно) все действия властей. Поэтому открытое разворовывание народных богатств вызвало бы социальный взрыв. Властям необходимо было направить всю негативную энергию граждан в другую сторону. Для этого был применен оригинальный ход — в стране властью сознательно инициировалась криминальная революция: одни российские граждане натравливались на других (тысячи зарождающихся бизнесменов рэкетирировались тысячами зарождающихся бандитов, хотя до этого они, как правило, учились в одной школе и даже в одном классе).

Стало происходить самопожирание общества, а в это время власти разворовывали богатства страны и вывозили за рубеж. Власть совсем не интересовал вопрос о дальнейшей

судьбе инициированного ими «криминального класса», так как свою дальнейшую судьбу «первые менеджеры Российского государства» не связывали с Россией. Правоохранительным же органам была дана полная индульгенция на самообеспечивающуюся деятельность при условии, что они станут «защитным буфером» от нападков отморозенного криминала.

Была и еще одна причина заинтересованности властей в криминальной революции. В конце 80-х годов аналитики от спецслужб, прогнозируя взрыв преступности и возможный социальный взрыв, настойчиво стали проводить теорию «люмпенизации криминалитета». Смысл заключался в следующем: правоохранительные органы, контролируя криминалитет СССР, способны контролировать и криминальный взрыв, но это не приводит к угасанию социального взрыва. Наоборот, граждане, возмущенные социально-экономическим коллапсом, будут вдвойне возмущены и криминальным взрывом, который совершенно не соотносится с народным чаянием. Поэтому теория «люмпенизации криминалитета» предполагала вливание наиболее «деструктивных» (по мнению властей) элементов общества в касту криминалитета. Тем самым как бы выпускался пар из котла народного гнева: криминалитет люмпенизировался, а государство продолжало контролировать и направлять криминальный взрыв. Но тут свое слово сказал криминал.

В конце 80-х гг. «воры в законе», большинство из них, дали понять, что не собираются участвовать в дестабилизации обстановки в стране и не допустят в свой круг (в узкую касту криминалитета) огромного числа «представителей от народа», т.е. люмпенов. «Ортодоксальному» криминалитету была не выгодна дестабилизация обстановки в стране, так как это могло разрушить всю отработанную десятилетиями их систему, и уж тем более они не приветствовали «люмпенизацию», так как всё это напрямую грозило их авторитету. И аналитиков от спецслужб вся эта ситуация подтолкнула к идее создания параллельного «нового криминалитета», тем более что такая идея более всего устраивала власть, так как процесс создания «нового криминалитета», по сути дела, минимализировал возможность социального взрыва в стране.

«В начале 90-х нищие молодые люмпены уходили не в революционеры, а в бандиты. Мы вряд ли когда подсчитаем, какой огромной силы социальный взрыв был поглощен организованными преступными группировками. И какое количество потенциальных разиных и пугачевых собирало бабки с ларьков и ездило на стрелки...» (М. Инсаров. «О пассивно-

сти пролетариата»). «Гражданской войны в России не случилось только потому, что изрядное число пассионариев политическим действиям предпочло бандитизм» («По ту сторону братков», г. «Лимонка»).

Именно здесь ответ на вопрос: почему граждане России, со школьной скамьи твердившие о том, что трудящиеся свергнут власть, когда она не заботится о своем народе, молча терпели в конце XX века и стремились лишь выжить, — да потому, что власть выпустила пар из готового вот-вот взорваться котла инициированием криминальной революции, куда и привлекло большинство самых энергичных и инициативных граждан. И то, что они впоследствии превратились в отбросы нормального общества и стали играть на стороне криминальных властей, заслуга исключительно хитрого и антигуманного государства тех лет.

В период быстрого развития экономики Республики Корея в стране был взрыв коррупции. За период 1996—1998 гг. были возбуждены 11 тысяч уголовных дел. К тюремному заключению приговорены два бывших президента, руководители крупнейших мировых корпораций (например, Samsung, Daewoo и др.). С трудом верится, что без изменения всей политической системы в России когда-нибудь состоится суд над представителями власти, которые разворовали страну.

РАССКАЗЫ

ВРЕМЯ, ПОГОДИ...

Поднявшись на крыльцо, я остановился, глубоко вздохнул и невольно присел на верхнюю ступеньку — шутка ли: отмахал почти дюжину километров под дождём по раскисшему просёлку; сто раз, наверное, вспомнил гоголевское: дороги в России расплзаются, как раки. Пару раз, утомившись, я попытался передвигаться по травяной обочине, боясь зачерпнуть голенищами пудовых от налипшей грязи сапог коричневой жижи колеи. Но трава обочины, залитая водой, была скользкая, словно лёд, и совершенно непроходима. Пришлось вернуться на фарватер.

Нелегко дался мне этот марш-бросок. И когда на пригорке показалась деревня, запела душа моя. А на крыльце — сморило. И я сидел на сырой досочке и осматривал скудный пейзаж осеннего сада. Редко краснели ранетки; рябины было много — к суровой зиме; между пышных кистей цвиркали синицы. Вдоль стены дома поленница; к сожалению, ольхи да осины много, бедноватый у нас в округе лес. Поверх высокой поленницы уложены куски рубероида, на фоне их аспид-

ПРОЗА

ной черноты стекающие витые струйки кажутся хрустальными. Случайный лучик солнца коснулся одной — золото потекло с рубероида. Но уже вечереет. Над туманными купами дальнего леса чёрные стаи птиц, скоро они будут жить в тёплых краях... Пора и мне; сыро, зябко, холодно.

Я толкнул тяжёлую дверь, глаз не сразу привык к тьме. Но запахи! Терпко — вязанки чеснока и лука, на противоположной стенке — сухое разнотравье: душица, малина, иван-чай пучками да вязанками, разве всё упомнишь? Уже и предметы проявились, а я вдыхал и вдыхал; у родины много запахов, но главные — в доме...

На здоровенных гвоздях висит всё та же пара фуфаяк (я прислонился к ним щекой), что-то вроде попоны, солдатская плащ-накидка с огромным капюшоном (как ты попала сюда, многострадальная?). Сапоги, фээзушные ботинки, у-у-у какие большие. Но я знаю их — до чего же удобные! Толстые носки-то всегда на ноге — попадётся в обувку эту не глядя — и на двору...

Я вышел наружу, вымыл свои резиновые, поставил их в модельный ряд. Споткнулся о лестницу — там, под крышей, наверное, есть сундук со старыми вещами. А скорее всего, он давно пуст — я же сам когда ещё всё там разворошил...

Я шагнул в избу, сбросил рюкзак и верхнее прямо на пол.

Баба Груня сидела на высокой лавке около печки и помещивала деревянной ложкой в чугушке.

— Здравсьте, баб Грунь! Наконец-то добрёл... Опять печку ободрали? Завтра подмажу...

— Да я как заношу дрова, так цепляюсь. Говорила Кольке-печнику, чтобы чуток поменьше сделал, ан нет, не послушал. Наворотил. Дров не напасёшься. А ты скидывай одёжку, скидывай. Проходи, Санько. Как же ты добрался в такую непогодь? — словно не удивившись моему приезду, спросила баба Груня. — Хе-х, снова приехал осень провожать? Что в ней нашёл-то? Грязища на улице, и дожди хлещут да хлещут. А говоришь, красивше осени ничего нет. Хе-х, — она мелко, дробно засмеялась и прикрыла рот ладошкой.

— Да, баб Грунь, к осени приехал. К ней, родимой.

Поздоровались, разговорились.

Всю жизнь меня удивляла эта особенность деревенских встреч — приедешь спустя хоть пять лет после последнего посещения, а беседа о человеке или событии словно и не прерывалась.

И однажды я почувствовал неизъяснимую прелесть этой странности — время моё и чувства словно восстанавливались, меня не утомляли не раз слышанные истории, да и сам

со странным удовольствием я повторял уже не раз сказанное. В городской жизни подобное невозможно...

На бабе Груне старенькая линиялая кофтёнка, застиранная длинная юбка, на пояснице завязана шаль. На ногах топтыши, так она называла обрезанные валенки. На голове платок, из-под него выбились прядки седых волос. Она смотрела на меня блёкло-голубоватыми глазами. Выдвинула из печи небольшой чугунок. Обхватила его серым, с пятнами сажи, полотенцем и поставила чугунок на стол. Достала каравай и начала отрезать от него толстые ломти:

— Как чуяла, что появишься. Точно! Глянула в окошко. Дождь хлещет, а ты вдоль забора идешь. Весь в Ньюрку, в мамку, уродился. Она приезжала осень провожать, и ты взялся. Твою мамку многие с малых лет считали малахольной. Утром встанешь, чтобы коровку подоить, взглянешь, а она мелькает в платышке возле воды — рассвет встречает! Мамка-то её рано помёрла. Некому было за Ньюркой приглядывать. Так и росла дичком. Думали, пройдёт, когда замуж за залётного выскочила. Ан нет, просчитались! Каждую осень приезжала. У меня останавливалась. Вещички оставит и на речку мчится. А я на крылечко выйду и поглядываю. Она, бывало, сядет на берегу, уставится на воду или на лес и не шевельнётся. Тёпло ли, слякотно ли, снег сыплет, а ей всё одно. Это она осень провожает! Вернётся, а взгляд чистый-чистый, словно в церкви побывала. Господи, прости мою душу грешную! Переночует. Выйдет на двор. Прижмётся к рябине, словно прощается. Обнимет меня и бежит на тракт, торопится в город поспеть... Хе-х, и соседи на тебя посматривают! Чать, и ты будешь сынка сюда приводить, а, Санько?

— Да, баб Грунь, буду, — сказал я и засмеялся. — Мы же все малахольные...

— Тьфу ты, прости Господи! Слышь, а что твоя Танька такая худущая? — взглянула баба Груня. — Плохо живёте, да?

— А если хорошо живём, значит Танюха должна быть толстой? — Склонившись над рукомойником, я засмеялся. — Она похудела, когда Серёжку родила. Второго огольца родит, тогда поправится.

— Танька на сносях? — взглянула баба Груня. — А по ней не скажешь. Доска доской. Ну, дай Бог, дай Бог! — Она взглянула в передний угол и быстро перекрестилась.

Я вытер руки и лицо застиранным полотенцем. Повесил его на вбитый толстый гвоздь. Потянулся. Прижался спиной к печи:

— Хорошо-то как! Ух, натопила!

— Пришлось. Покуда поросяткам приготовила. Щец наварила, и в печи потомила, как тебе нравится. Митяй, сын Выюрихи, вчера свинку заколол. Кусище приволок. Ты, Санька, присаживайся. Хе-х, снова гостинцев понавёз из городу? Да куда мне одной столько-то? Ну, ежели подружки зайдут... Угошу, побалую девчонок. Бери хлеб, бери. Свежий. Позавчера токмо испекла. Погодь-ка чуток, мы ещё по рюмашке опрокинем.

Было заметно, как она обрадовалась моему приезду.

Я сидел на лавке и наблюдал, как баба Груня суетилась возле стола. Она достала из старого буфета большие тарелки. Фартуком протёрла ложки и положила рядышком. Напластала розоватое сало с прослойками. Вынула из банки пару солёных огурцов с прилипшими семенами укропа и с какими-то листочками. Не очистив, разрешила крупную луковицу. Вытащила литровую бутылку с мутноватой жидкостью и две гранёные стопки. Села напротив меня. Налила самогон вровень с краями и подняла рюмку:

— Ну, Санько, за приезд. — Медленно выпила, замерла на мгновение и резко выдохнула. — Хороша, зараза! Выпей, Санько, для сугрева. Выпей, чтобы не захворать.

Я осторожно взял стопку. Поднял. Не решаясь, посмотрел на белёсую жидкость.

— Что застыл, аки столб, Санько? — шепеляво спросила баба Груня, норовя откусить беззубыми дёснами кусочек сала. — Не бойся. Пей. Чистая! Не то, что ваша химия. На пшенице ставила. Ох, хороша! Я теперь три стопочки, и хватит. Организм не позволяет. Старая стала.

— Баб Грунь, сколько тебе лет, если три стопки выпиваешь? — Я спросил и засмеялся. — Сижу, не знаю, как одну-то осилить, а ты...

— Хе-х! — дробно раскатился смешок, и она шлёпнула по бутылке. — Раньше, бывало, соберёмся с подружками, так этой посуды маловато было. Выпьем, сметём со стола, что приготовили. Песен напоёмся. Душеньку отведём в разговорах, и вставали трезвые, будто не пригубляли. Годков-то сколько? Почитай, восьмой десяток доживаю. Многих уже нет на свете, а я небо ещё копчу. Видать, рановато. Срок мой не подошёл, Санько. Пей, не томи душу. Щи стынут.

Задержав дыхание, я опрокинул стаканчик и сразу закашлялся, внутри полыхнуло от крепкого самогона.

Баба Груня протянула кругляш огурца:

— Накось, закуси. Что слёзы потекли? Крепка, зараза! Но хороша, хороша! Всю хворобу из тела выгонит. Погрызи огурчик. Скусный!

Вытирая выступившие слёзы, я захрустел огурцом. Отмахнулся от второй стопки. Принялся за щи. В большой тарелке кусок разварившегося мяса с торчащей костью, крупная фасоль, картошка, капуста. Сверху, под золотистой плёночкой жира, кругляши морковки и венчик укропа. Вперемешку откусывал сало, хрустящие огурцы, подсоленный репчатый лук, перемалывал крепкими зубами, заедал вкусными щами...

Я облизнул ложку. Положил её в пустую тарелку. Откинулся к стене и взглянул на бабу Груню.

— Ух, вкусняцкие щи! — пробормотал я, вздохнул и посмотрел на чугунок. — Умять бы ещё тарелочку, да не уместится.

— Хе-х! А мой старик, бывало, вернётся, стакан опрокинет, доньшком вверх перевернёт — это была его норма. Ни разу за всю жизньюшку не видела, чтобы ещё выпивал. Ложку возьмёт, и давай наворачивать! Не успевала подливать да подкладывать. Пот в три ручья течёт, а он ещё самовар вздует, напьётся чаю. Сядет возле печи. Засмолит козью ножку. Так и не приучился к папироскам. А потом выйдет на улицу и начинает то дрова пилить, то навоз убирать. Ох, жадён был до работы! Царствие ему небесное! — Баба Груня мелко перекрестилась и посмотрела на тёмную икону. — Вижу, Санько, спать потянуло? Погоди чуток. Чайку ещё попьём с баранками и уляжешься.

— Нет, баб Грунь, хватит. — Я направился в горницу. — Утром встану пораньше. Хочу на речку сходить да в ельничке прогуляться.

— Не знаю, не знаю, — сказала баба Груня, держась за поясицу. — Косточки ломит. Чую, к утру разведрится. Кабы мороз не ударил.

Оставшись в трико и футболке, я улёгся на старый диван. В полутьме были заметны висевшие в рамках старые фотографии. Отсвечивало зеркало, засиженное мухами. Возле голландки, за занавеской, виднелась баб Грунина кровать — старая, с облезлыми шариками на спинках. Я в детстве старался их открутить. На половицах лежали самотканые цветные дорожки. В красном углу мерцал огонёк лампадки перед образами, напротив двери стоял большой комод с разнокалиберными флакончиками, с пузырьками из-под лекарств и прочей мелочью. Возле окна, над столом висели старые ходики. Так было всегда в горнице, сколько себя помню. Сквозь полудрёму я слушал шелест дождя за окном, как баба Груня что-то тихо говорила и звякала посудой, убирая её в шкафчик. Потом она прикрыла меня ватным одеялом, и я заснул.

Очнулся от странной тишины за окном. Казалось, баба Груня продолжала позвякивать чугушками. Она шаркала топтышами да бормотала по-старушечьи, по привычке. И в то же время, что-то изменилось, чего-то не хватало в привычных звуках. Я прислушался. Скрипнул пружинами старого дивана, поднялся и, потянувшись за свитером, взглянул на окно. Здесь-то до меня дошло, что не слышно звуков дождя, лившего несколько дней подряд. Я раздвинул занавески. Всмотрелся в предутренние сумерки.

— Чего соскочил в такую рань? — донёсся неторопливый говорок бабы Груни, и она заглянула в тёмную горницу. — Говорила, что разведрит, так и случилось. В сараюшку пошла, Зорьке сена надёргать, дык еле спустилась с крыльца. Шла по двору, аж хрустело под ногами. Морозцем прихватило землю да лужи. Куда ни глянь — всё покрылось ледяной коркой. А ты собрался осень провожать. Хе-х! — Она дробно засмеялась и махнула рукой. — Сиди дома, Санька, грейся. Нечего по морозу шляться.

— Нет, баб Грунь, схожу, — сказал я. — Пройдусь вдоль берега. Может, зацеплю щучку. Поджарим на обед. Потом проведу ельник и вернусь, — и снял с гвоздя старую фуфайку.

— Погоди, Санько. Побежал, не завтракавши, как и мамка твоя, — засуетилась баба Груня. — Горячего чайку попей с баранками. Душеньку согреешь.

Я налил чай и стал отхлёбывать. Поставил кружку на стол. Надел сапоги. Взял рюкзачок, в котором лежала коробка с блёснами. Едва открыл дверь, как баба Груня протянула старую шапку:

— Надень. Голову застудишь. Санько, пока ходишь, я свежатинки нажарю. Вчера-то не угостила. Да чугунок со щами подогрею. Долго не шлёндай. Обед простынет. Ну, беги, провозжай свою осень, провозжай. Эть, краса... Хе-х!

Я взял спиннинг. Спустился с крылечка, держась за холодные шаткие перильца, отполированные ладонями за долгие годы. Ледяная корочка хрустнула, когда наступил на землю.

Взглянул на розовеющее небо. Не та погода установилась для щуки, не та. Ну и ладно. На берегу посижу, погляжу на речку, на воду..

Стараясь не наступать в колею, покрытую тонким слоем льда, я прошёл вдоль заборов. Кое-где виднелся свет в домах или мелькал багровый огонёк лампадки. Выбрался за околицу. В низине, укрывшись кустарником, протекала неширокая речушка. Я каждую осень приезжал в деревню. Уходил на речку. Иногда ловил щучку, а чаще — просто сидел на

берегу и наблюдал за водой, за деревьями. Прогуливался по лесу и навещал ельник, что разросся неподалёку от деревни.

Похрустывала под ногами пожухлая трава. Репейник, будылья крапивы, заросли чилиги стояли припорошенные колким инеем. Проваливались ноги, ломая ледяную корку. Чавкала грязь, и почти сразу же её прихватывало крепким морозом. Но пройдет немного времени, и под солнечными лучами снова предстанет взору неприглядная для постороннего, но любимая мною краса осенней природы.

Я спустился с небольшого обрыва на прибрежную полосу речушки, которой и название-то давно забыли. Любой житель или прохожий называли её всяко, как вздумается, в зависимости от настроения. Одним словом — безымянная. Остановился возле кромки. Сквозь прозрачные закраины видны полёгшие водоросли. Испугавшись меня, сверкнула серебром рыба мелочь и исчезла в глубине. Во льду застыл жёлтый берёзовый лист. А там, на открытой воде, разошлись небольшие круги. Нет, это не щука. Так... Верховка балует. Резвится. Куда же вы несётесь, мелочь? Не думаете, что под любой корягой или валуном вас ожидают щука или судак. Эх, молодь, сеголетки...

Присел на холодный валун. Странное, слегка тревожное, но и восторженное чувство охватывало меня, когда я оказывался возле реки. Хотелось вдохнуть и выдохнуть тонкие ароматы воды, жухлых трав, опавших листьев. В такие моменты я чувствовал горечь неизбежности расставания со всей простой прелестью осенней природы. Но наполнялась душа благодарностью к скромным, но драгоценным дарам её. Долго наблюдал за речкой, несшей воды куда-то в даль. В ту даль, где я ещё не был. И буду ли? Пока не знал... Потом взобрался на небольшой обрыв. Осмотрелся. Я же решил навещать ельник, он зеленел неподалёку от деревни.

Казалось, я недолго находился возле речки, а вокруг уже нет той утренней морозной красоты, когда шёл сюда. На открытых местах сиротливо торчали нагие кустики репейника. Под ногами реже похрустывало. Опять зачавкала грязь. С трудом перебрался на взгорок, где начинался ельник. Раздвигая ветви, я направился в сторону деревни. Посматривал на яркий зелёный наряд, на желтовато-коричневый слой опавшей хвои с вкраплениями старых шишек и белую морозную бахрому, она сохранилась под нижними лапами ельника. Слушал цвирканье синичек. Вскоре вышел на маленькую поляну, окружённую высокими елями. И здесь мне показалось, будто под лапой, в теньке, что-то мелькнуло. Остановился. Приподнял колючую ветвь и удивлённо присвист-

нул. Передо мной, с прилипшими к шляпкам иголками, приютилась небольшая семейка рыжиков. Откуда же вы, родимые? Ваше время давно закончилось! Долго я смотрел на них. Любовался в углублениях шляпок замёрзшими капельками воды, которые превратились в тонкие ледяные снежинки и словно паутинкой затянули доньшко. Но по краешкам шляпок уже была черноватая полоска от первого заморозка. Опасаясь дотронуться до льдистых снежинок, я достал нож и срезал рыжики. Снял шапку. Уложил туда грибы. Опротетью бросился к дому, чтобы показать бабе Груне необычные, сверкающие снежинки и сами рыжики, что не ко времени появились на свет, украсив ярким цветом осенний унылый наряд.

— Баб Грунь, баб Грунь, — крикнул я, ввалившись в избу, — иди сюда быстрее! Глянь, краса-то какая!

Подслеповато шурясь, баба Груня вышла из горницы.

— Эть, малахольный. — Она проворчала и нахмурилась. — Шлѣндаешь по морозу. Что в дом притащил? Точно, в мамку уродился, в мамку!

— Глянь, баб...

Она подошла, шаркая топтышами. Заглянула в шапку, откуда торчали рыжие головѣнки грибов с льдистыми коронками, и недоверчиво посмотрела на меня.

— Не может быть, Санько! — и снова склонилась над шапкой. — Откель такое чудо взял? Хе-х! Зима на носу, а ты грибы разыскал. Эть невидаль-то! Осень долгой была, поэтому они появились. Времечко своё спутали.

Прошло несколько минут. Снежинки превратились в чистые прозрачные капельки осеннего дождя и ртутью перекатывались по доньшкам запоздалых грибов.

— Раздевайся, Санька, — сказала баба Груня. — Заждалась тебя. Чугунок да сковородку не вынимала из печи. А с ними что делать? Поджарим? — и положила рыжики на стол.

Я посмотрел на грибы. Пахнуло горьковатым запахом свежих рыжиков. Словно время вернуло нас в прошедшее лето, приготовив гостинец перед долгой и суровой зимой. И не удержался, ткнул пальцем:

— Последний подарок... Баб Грунь, посмотри, краса-то какая!

ЗАГЛЯНУТЬ В ДУШУ

Дорога запетляла между холмами, проскочила кустарник и вздыбилась, взлетая на крутой берег. Там, вверху, деревня. Небольшая. Это раньше она была огромная. Улицы, словно

паутина, расплзались, пересекая друг друга. Дома, где хотели, там и ставили хозяева. Где-то кучкой, чуть ли не вплотную друг к другу, а в другом конце разбросаны, до соседа не докричишься. В общем, хмельная деревня и название подходящее — «Пьяновка».

Отдуваясь, Алексей поднялся в гору и, не выдержав, присел на большой валун, отполированный за многие годы такими же путниками, как он сам. Лёшка достал бутылку газировки. Открыл. Пена рванулась наружу, обливая руки и колени. Чертыхнувшись, сделал глоток. Поморщился. Слишком сладкая вода. Отмахнулся от мухи, которая назойливо лезла в бутылку, почуяв сладкое. Закупорил и опять в рюкзак. Закурил. Посмотрел на деревню. Когда-то была огромная, а сейчас всего ничего. Мало осталось местных жителей, зато много понаехало дачников. Выкупают дома, загораживаются высоченными заборами, нанимают рабочих и грохочут, выстраивая огромные многоэтажные особняки. Зимой ещё можно терпеть этих дачников, но наступает весна, и с утра до вечера по деревне орёт музыка. Некоторые отдыхающие вытаскивают столы во дворы и шумно начинают отмечать начало дачного сезона и побег из осточертевшего города. Другие, почуяв непреодолимую тягу к земле, видать, по зову предков, ползают на карачках, грядки готовят, восторженно воркуют над цветочками, а когда солнце в зените, начинают тенёк искать, чтобы передохнуть от трудов праведных. А другие, самые бесстыжие, так и фланируют по улицам в плавках да купальниках — ниточка там, ниточка здесь и с зонтами в руках, солнечные ванны принимают, заходят в сельмаг и устраивают дефиле вдоль прилавка, своим видом вгоняя в краску местных жителей, которые начинают мотушаться и грозят собак спустить с цепи, встречая голопупых в магазине или на узких деревенских улочках. Ну, совсем обнаглели, срамники!

Похоронив мамаку, отца уж давно отнесли на мазарки, Лёшка долго не раздумывал, быстренько продал свой просторный дом с большущим садом и огородом, с тёплым сараем да с банькой по-белому, забрал свои манатки и смотался в город, где купил тесную угловую комнатку в старом крупнопанельном доме-улье, по-другому никак его не назовёшь, где круглосуточно ходили, бегали, кричали, жужжали за стенами пчёлы-соседи. Купил квартиру, но так и не привык к культурно-шальной городской жизни, где все несутся сломя голову, куда-то торопятся, толкаясь и ругаясь, а наступает вечер, мчатся в магазины и с полными авоськами опять бегут по улицам, улочкам и переулкам, исчезают в подъездах и

начинается жужжание. В общем, суета, да и только. Поэтому в любое свободное время он собирался и отправлялся в родную Пьяновку. На могилки ходил — родичей проводывал, да забегал к соседу, к старику, с кем любил посидеть возле речки, неспешно покуривая едучий самосад, аж дыхание перехватывало, послушать, как переговариваются речные перекаты в ночной тиши, поглядеть на звёздные россыпи да переброситься парой слов, ну, если не лень будет, конечно.

Лёшке нравился старик, интересный — этот дон Кихот, как он его прозвал, когда в школьной библиотеке взял книгу о знаменитом идалго, а там были рисунки, словно его соседа нарисованные. А Дульсинеей стала жена старика, баб Дуся, по-нашенски. Старик: высокий и нескладный, под два метра, не менее, с бородёнкой клинышком, длинные усы торчали в разные стороны на худом лице, не вниз свисали, а именно в стороны, густые бровищи над глазами и смотрит устрашающе, в коротковатых штанах зимой и летом, в рубахе, до пупа растёгнутой, где видны были выступающие рёбра и чёрная нить с образком на впалой груди. Но главное — это характер. Вдрызг мог разругаться с местным начальством, а, бывало, и с приезжими, постоянно лез в драку, чтобы встать на защиту угнетённых деревенских жителей, так Лёшка всегда смеялся над ним. Старик никого и ничего не боялся, но в то же время всех уважал, любил и любого готов был защищать. Всегда хмурый, взгляд презлющий, а чуть копнёшь, поймёшь душу его, и сразу хочется защитить старика. Безобидный он — этот дон Кихот. Только с виду грозный и устрашающе пыхтит, а внутри мягкий и добрый. Хороший старик, правда, если найдёшь с ним общий язык.

Дон Кихот радовался, когда Лёшка приезжал. Радовался, но виду не подавал. Наоборот, хмурился. Взглянет из-под кустистых бровей, покрутит длинный ус, потом медленно, с расстановкой буркнет: «Аль-Ёшка прикатил», а сам вытянет полный кисет и протягивает — угощает и снова повторяет уже мягко, по-доброму: «Аль-Ёшка». Почему так называл — Алексей не знал, но ему нравилось.

Он взглянул на солнце. Высоко стоит. Жарко. Алёшка заторопился. Подхватил сумку с гостинцами и пустился напрямки к далёкому дому, который выделялся своей ярко-красной пожарной крышей. Издалека видна, как и развевающийся красный флаг на коньке крыши. Не промахнёшься, ну, если в пьяных улочках не заблудишься. Хоть Аль-Ёшка и вырос здесь, но не стал рисковать, чтобы по улицам добираться, а, подхватив сумку, помчался по тропкам, одно-

му ему известным. Остановится, осмотрится и опять скрывается в кустах или переулках. И вот добрался. Распахнул калитку, смотрит, Дульсинея цыпляток кормит: «Цыпа, цыпа, цыпа», а дон Кихот сидит на крыльчке, прислонился к перильцам, и пыхает своим самосадам. Всё как всегда, всё как обычно.

— Аль-Ёшка прикатил, — взглянув из-под бровей, буркнул старый идалго и, выудив из глубокого кармана полный кисет, протянул. — На, закуривай.

Сказал, словно и не расставались.

— Проходи, Алёшка, — баба Дуся вытряхнула остатки корма, поправила бельё на верёвке и стала подниматься по ступеням. — Подвинься, старый. Выставил свои ходули, ни пройти, ни проехать. В кровь расшибёшься, ежли зацепишься, — привычно заворчала Дульсинея и скинула глубокие галоши. — Ишь, надымили, куряки, хоть топор вешай. Ну-ка, хватит рассиживаться. Марш в избу, чай будем пить. Самовар вздула.

И тоже, будто Алёшка на пять минут выходил и вернулся.

После неторопливого просмотра гостинцев, всплёскивания руками, оханья и аханья, с виду недовольного ворчания, а на деле — обрадовались, что не забывает стариков. Наглядевшись, принялись торжественно раскладывать на полках шкафчика, и в столе: мешочки, кулёчки, коробочки и баночки. Потом уселись просто попить чаёк: свежие огурчики, с десяток яиц на тарелке, краснели помидорки, желтела картошка, и зеленел пучок лука, ещё в каплях воды, а рядышком высилась горка нарезанного хлеба: пахучего, вкусного, домашнего. Алёшка принялся и вздохнул. В городских магазинах не найти такой хлеб — это хлеб из далёкого прошлого, из детства, где и сухарь сладок, и простая карамелька была шоколадной.

А потом, когда вволю надулись чаю, не слушая ворчания Дульсинеи, старый идалго натолкал в кисет самосаду, прихватил газетку, проверил спички в кармане, и они пустились к речке. Отправились на речную косу, где разросся густой ивняк. Где было старое кострище да два больших валуна, на которых они посиживали, когда Алёшка приезжал в Пьяновку, где у него никого не осталось, кроме старого идалго его Дульсинеи, бабой Дусей, да родителей на кладбище.

И они уходили на берег, сидели на плоских больших валунах. Разводили костёр, и всю пыхали крепким едучим самосадам. Алёшка похвастался, достал и угостил идалго импортными сигаретками в яркой разноцветной пачке, которые специально купил для старика, но тот покрутил в ру-

ках, кое-как вытянул одну корявыми пальцами, прикурил, натужно закашлялся и, поморщившись, небрежно бросил в костёр.

— Одно баловство и не более, — насупив густые брови, буркнул дон Кихот и стал сворачивать толстую сигарку. — Городские сигаретки для городских вертихвосток. Вот, на-кось, Аль-Ёшка, нашенский табачок покури, — и опять протянул кiset.

Алёшка закурил. Вкусно, запашисто, аж дух захватывает — хорошо!

— Глянь-ка, это ты плывёшь, — затянувшись, буркнул Кихот, и клочки дыма повисли на длинных усах, и кивнул на сухой лист, что медленно кружился на воде. — А вот и я вслед за тобой показался, — и ткнул в тёмную щепку, что мчалась по течению, то исчезая, то показываясь на поверхности.

— А куда плывём? — покосившись, сказал Алёшка.

Старик помолчал. Потом опять ткнул.

— Туда плывём. Жизнь — это река, — и клочья дыма запутались в ветвях кустарника. — А всё, что на поверхности — это люди: молодые и старые, хорошие и плохие, но люди. И куда человека занесёт, с кем он встретится в пути или исчезнет, словно его никогда не было, это никому не ведомо, а знает лишь она — река жизни.

Так, по-философски, объяснил Кихот. И замолчал, продолжая рассматривать реку. Наверное, что-то искал в жизни, что проносилась перед глазами, или вспоминал прошлое.

Всё может быть. Алёшка не стал спорить. Они приходят сюда, чтобы посидеть, подумать и заглянуть в свои души, а если повезёт, увидеть и почувствовать реку жизни — это главное, а остальное — пустяки, на которые стараешься внимания не обращать, да и время жаль тратить.

Забумкало — это на противоположной стороне взревела музыка в машине. Молодёжь, извиваясь, похватила стаканы с выпивкой. Не чокаясь, выпили, опять налили и снова выпили, и продолжили извиваться под музыку. Жарко. Девки разнагишались. Совсем. Наплевали на всех и вся и устроили стриптиз на берегу реки. Парни гоготали, наблюдая за ними, как они елозили по машине, стонали, готовы на всё, лишь бы удовлетворить свою похоть. Один не выдержал. Схватил девку и в кусты потащил. Вскоре вернулся, поправляя узкие модные плавки. Следом появилась деваха, ладошкой вытерла губы, опрокинула стакан и опять стала извиваться. Парни загоготали.

Откуда-то донёсся долгий мат. Наверное, деревенские заметили стриптиз на берегу. Девоч словно подстегнули этими

матюгами. Они стали ещё быстрее и сильнее извиваться. А парни ещё громче загоготали и потянулись к стаканам. Второй не выдержал, подхватил ту же девчуху, и они торопливо скрылись в кустах. Прошло несколько минут. Голая девка вышла на полянку. Потянулась, тряхнула уже обвисшей, далеко не девичьей грудью, качнула бёдрами, не поморщившись, неторопливо выпила, а потом прижалась к дверце и заелозила по ней — кошка мартовская.

Попыхивая, дон Кихот внимательно смотрел на них. Думал. Оглянувшись, подобрал камень и бросил в воду.

— Это они, — сказал старик.

— Правда? — Алексей искоса взглянул на идадьго.

— Сердце — вещун, — затянулся старый идадьго, и дым повис на ветвях. — Жизнь не любит таких.

— Понял, — сказал Алёшка, взял кисет и заглянул внутрь. — Много ещё. Мало выкурили.

— День долог для одних, — задумчиво сказал старик, — но короток для других.

Придерживая большим и указательным пальцами толстую сигарку, попыхивая клубами едучего дыма, Лёшка не курил. Так, пыхал вовсю, чтобы ощутить горьковатый привкус, чтобы запах почуять — обожал дедовский самосад! А потом, обжигаясь, выбрасывал окурки в костёр и снова тянулся к кисету.

Так было принято у них. Давно. Они собирались и уходили к реке. Курили самосад. Смотрели на костёр, на речку и думали. Изредка перебрасывались словами, а если вели разговоры, то так, ни о чём. Да и зачем говорить, если с полу-взгляда понимали друг друга. Им было хорошо возле реки, в одиночестве. Нет, это не было одиночеством. Вокруг был мир: огромный, необъятный, красивый, но со своими законами, которые все должны исполнять. И они придерживались этих законов. Сидели, любовались округой. Смотрели по сторонам и заглядывали внутрь души, стараясь разобраться и понять себя и других. И думали. У дон Кихота это лучше получалось. Он дольше живёт на свете. Много повидал.

Темнело. «Бум, бум, бах!» — ревела музыка, и доносились пьяные крики. Парни швыряли бутылки в реку — реку жизни. Так, словно свои годы выбрасывали. «Бух, бух, бух!» Десять, двадцать, пятьдесят лет утонуло или стёрто — никто не знает, но знает река жизни. Матюгаясь, полуголых девок затолкали в машину. Следом забрались сами. Рывками, надрываясь, машина стала выбираться на дорогу. Опять забумкало, потом наступила тишина.

Стемнело. Старик поднялся. Вытащил из кустов припятанную старую банку и набрал воды в речке. Принялся зали-

вать костёр. Пламя фыркнуло, взметнулось и зашипело, разбрасывая сотни искр. И в чёрном небе полыхнул звёздный пожар. Замелькали звёзды на воде, захороводили на бормочущих перекатах и помчались вдаль по ночной реке.

— Айда, — буркнул старый идальго. — Нам тоже пора. Дуся зажалась.

Дульсинея сидела на крыльце.

Едва они приблизились, баба Дуся махнула рукой.

— Парни с девками разбились на машине, — она качнула головой. — Пьяные вусмерть. Там, с Чертова моста улетели в пропасть. Никого не спасли. Машина всямятку, и они тоже.

— Я говорил, такие долго не живут, — старый идальго стал медленно подниматься по ступеням. — Дураки, — сказал он и со злостью, громко, несколько раз повторил, ударяя кулаком по перилам, словно вбивал слова. — Дураки, дураки, дураки!

— Какие не живут? — взглянула Дульсинея.

— Такие, как они, — буркнул дед и взглянул на Аль-Ёшку. Они поняли друг друга.

Пьяная молодёжь стёрла свои годы в реке жизни.

Прикрыв окно — похолодало — и задёрнув занавески, баба Дуся собрала на стол. Потом долго сидели и пили чай. Пили неторопливо, вприкуску, шумно отхлёбывая, и молчали. Каждый думал о своём, но в то же время думали о жизни. Хрустели карамельками, размачивали каменное печенье, прислушивались к голосам за окном. Вон взревела машина и рванула с места. Видать, кто-то ещё решил стереть свои годы в реке жизни.

Алёшка поднялся и направился на веранду, где всегда ночевал, когда приезжал к старикам, но Дульсинея показала комнатку, где он переночует. Впервые пустили туда. А сейчас разрешили — почему? Маленькая комнатка: щелястый стол возле окна, тетрадка и карандаш лежат на столе, в углу старая прогнутая кровать с двумя плоскими подушками, а возле изголовья — табуретка, чтобы стакан воды поставить или книжку на ночь почитать. И всё. Это вся обстановка. Нет, ещё на стенке висели два листка с детскими рисунками и поблёкшая фотография парня. Что-то неуловимо знакомое мелькнуло в его чертах, словно с ним встречался, а где — этого не мог вспомнить. Алёшка долго ворочался. Думал. В ночи раздался протяжный кошачий ор. Раздрались, территорию не поделили, а может, кошку. Чертыхнувшись, Алёшка уселся на кровати. Не спалось. Походил по комнате, шлёпая босыми ногами. Постоял возле фотографии. Потом набросил рубаху на плечи и вышел на крыльцо.

Поглаживая бородку, дон Кихот сидел на скамейке, вытянув длинные ноги, и попыхивал едучим самосадам. Покашливал, что-то бормотал, кому-то грозил скрюченным пальцем и опять мелькал огонёк сигарки: зло, протяжно, искристо.

Шлёпая по голым ляжкам, отгоняя комаров, Алёшка присел рядом.

— На, покури, — старый идальго вытащил кисет, газетку и спички и положил на скамью. — Штаны бы надел. Увидят, сраму не оберёшься.

— Темно ведь, — сказал Алёшка, но постарался прикрыть рубахой ноги. — И никого не видно.

— Ну и что, — не поворачивая головы, буркнул дед. — А вдруг подойдут, а ты, нате вам — голышом. Стыдобище-то какое!

— Ну и что, — теперь Алёшка сказал. — Дачникам можно, а мне нельзя, да?

— Нельзя, ты здешний, — пыхнув едким дымом, аж искры полетели в разные стороны, сказал старик. — А дачники — срамники. Им можно, тебе — нельзя.

— Хорошо, но сначала покурю, — сказал Алексей.

Курили долго. Комаров стало меньше. Может, от едкого дыма, может, ветерком отогнало. Старик принёс кружку с водой. Выдули. И снова потянулись к кисету. Сворачивали сигарки и дымили, чадили, пока в горле не стало першить.

— Что за фотка на стене? — наконец спросил Алексей. — Лицо знакомое, а не могу понять, где виделись.

— Ты не видел его, — помолчал, сказал идальго. — Не мог видеть.

— А кто это? — кивнул Алёшка.

— Это Коленька, наш сынок, — задумавшись, медленно буркнул дон Кихот, дёрнул себя за бородёнку и вдруг торопливо заговорил. — Понимаешь, Аль-Ёшка, вот сегодня увидел парней с девками, узнал, что разбились, улетели с этого Чёртова моста, и вот тут загорелось, — он постучал по впалой, тощей груди. — Так заболело, хоть волком вой, хоть об стену головой, лишь бы унять эту боль, но не получится. Она всегда и навсегда останется с нами. Мы переехали сюда, чтобы рядышком с ним быть. Здесь погиб наш сынок, — старик замолчал и зло нахмурился. — Мне рассказывали, что они выпили после работы. Его как самого безотказного посадили за руль, а сами в кузов забрались. Они-то выпрыгнули, когда машина пошла юзом в пропасть. Все выскочили! А наш не успел. Он, герой, машину спасал. Так и ушёл вместе с ней на самое дно. Взорвалась машина. Пока мужики спустились, пока добрались, всё горной рекой смыло, лишь одни

железяки валялись. Ничего не осталось. Ни кусочка! Даже похоронить нечего было. Словно его вообще не существовало. Просто взял и исчез. Всё! Вот и получается, что одним стаканом перечеркнул реку жизни. Одним! И где он покоится, где нашёл последнее пристанище, куда его унесло за эти годы — неизвестно. Знает лишь она — река жизни, но мне не говорит, хотя каждый раз прошу, когда сижу на берегу, — и дон Кихот замолчал, подёргивая длинные усы, и запыхал: долго, густо и ожесточённо.

Алёшка тоже молчал. Потом поднялся. Ушёл в комнатку. Завалился на продавленную кровать и долго лежал, вспоминая дон Кихота, думал, почему так получилось, что его сын, Колька, перечеркнул реку жизни, он же мог спастись. Думал про него, про его короткую жизнь, о рассказе идальго... Да обо всём думал, а потом заснул. Крепко уснул. Но утром, когда они позавтракают и переделают кучу дел по хозяйству, что скопились, пока его не было, вновь пойдут с дон Кихотом на речку, оставив Дульсиною дома. Долго, до ночи будут сидеть на берегу, попыхая едучим самосадом. Вести разговоры ни о чём. Но больше будут молчать и думать о жизни и смотреть за звёздами, что хороводят на тёмной поверхности реки, а потом несутся куда-то вдаль, чтобы исчезнуть с светом.

СОЛОВУШКА

Дядька Ефим проживал в глухомани, в забытой Богом и людьми деревне, от которой осталось всего дворов двадцать-тридцать, не более, а раньше, как Роман помнил, деревня Васильевка считалась чуть ли не самой большой в районе. Дядька давно звал в гости, а Роман Фадеев всё времени не мог найти, чтобы его проведать. Семья, дети, заботы и на работе запарка и с каждым днём всё больше отговорок, чтобы не ехать в деревню. И так все годы отмахивался, всегда находилась причина, лишь бы дома остаться. Письма да открытки к празднику, вот и всё общение. А в этом году ещё с зимы что-то внутри стало свербеть, покоя не давало, ночами снилась деревня, родственники, которых уж давно в живых нет, и друзья, с кем прошло его детство. Они всё чаще стали напоминать о себе, словно хотели, чтобы он приехал в деревню, родную Васильевку. И Роман не выдержал, засобирился...

День-два с женой потратили на магазины, покупая всякую всячину. Приготовили сумки. Билет взял заранее. Дядьке не стал сообщать, что решил приехать, а то начнёт кол-

готиться. Жена осталась дома, а Роман утром помчался на вокзал. Более двух суток трясся в общем вагоне. Сидел, поглядывая в окно. Вполуха слушал дорожные разговоры ни о чём. Вроде бы, разговоры нескончаемые, а так, ни о чём. Каждый своё рассказывает. Друг друга слушают, поддакивают и тут же начинают о своём говорить. В тамбур выйдешь, чтобы покурить, и там стоят мужики, о чём-нибудь беседуют. А дедок, что напротив него занимал нижнюю полку, он ночевать приходил, да что-нибудь покушать, а остальное время проводил в тамбуре. Сидел, посматривая в окошко, сторонился, когда были остановки и заходили новые пассажиры, разговаривал с проводницами и опять в уголке усаживался. А если кто-нибудь выходил покурить, они заводили долгие разговоры.

Роман редко курил. Большею частью в окно смотрел на деревушки, что проносились за окном, на речки-змейки, на грохочущие мосты, на поля необъятные да горы высокие. Наконец-то замелькали, как показалось, знакомые места и к вечеру третьего дня поезд стал притормаживать. Долгий гудок. Вагоны дёрнулись и остановились на станции. Подхватив тяжёлую сумку, Роман попрощался с попутчиками, протиснулся к выходу и, спустившись по ступеням, поставил сумку на землю. Дождался, когда вновь раздался гудок и поезд стал медленно набирать ход. Помахал рукой проводнице. Постоял, глядя вслед поезду. И ещё раз махнул. Всё, он приехал...

Вытащив сигареты, Роман закурил. С любопытством посмотрел по сторонам. Всё же много лет в родных краях не был. Станция закрылась. Поезда останавливаются, но редкий раз кто-нибудь сойдёт с поезда или наоборот, сядет в вагон. Некому стало ездить. Дядька письма присылал, писал, что из деревень люди уезжают. Перебираются в города или в крупные райцентры, где есть работа, где можно жить, а не существовать.

Роман опять оглянулся. Помнил, раньше тут сидели старухи и продавали всякую всячину. Пассажиры торопливо бежали вдоль вагонов, чтобы купить огурчики или яблоки, рыбу вяленую да пирожки с картошкой или капустой, что выносили к приходу поездов. А другие мчались в буфет, который был пристроен к станции. Там было пиво, и некоторые успевали выпить кружечку, да ещё с собой прихватывали несколько бутылок, чтобы скрасить однообразную вагонную жизнь...

— Неужто Роман прикатил? — раздался позади голос, и кто-то крепко хлопнул по плечу. — А я смотрю, смотрю... Дай, думаю, подойду. И правда, ты приехал. Как надумал, а?

И ткнул широкую ладонь, здороваясь.

Оглянувшись, Роман увидел низенького, плечистого, плотного мужичка в засаленных штанах, заправленных в стоптанные сапоги, рубахе, расстёгнутой до пупа, и среди рыжей поросли едва заметен шнурок с крестиком. Тёмное лицо, недельная, а то и более, щетина, кепка на голове, сдвинутая на глаза, а в руках фанерный ящик.

Роман с недоумением взглянул, наморщил лоб, пытаясь вспомнить его, но так и не вспомнил, неопределённо пожал плечами и улыбнулся.

— Здорово, коли не шутишь, — сказал он. — Да, приехал.

— О, вижу, не узнаёшь меня, чертяка? — захохотал мужичок и зашлёпал по коленям. — Это же я, Андрюха Шилов. Ну, вспомни... Андрюха, который через проулок от вашего двора жил. Я ещё тебя в речку толкнул и ты чуть было не утонул. Ладно, дядька Василий неподалёку рыбачил. Тебя вытащил, а меня крапивой отлупцевал, чтобы не баловался. Неделю не мог присесть. Ну, вспомнил?

И опять хохотнул, довольный, что его не узнали. Значит, богатым станет.

Роман мотнул головой. До сих пор вспоминает, как тонул. Ещё немного и всё, на дно бы ушёл. Соседский мальчишка толкнул в спину, когда стояли на берегу речки, он улетел с обрыва в воду и зацепился штанами за корягу. Пацаны смеялись, когда Роман махал руками над водой, а сам не появлялся. Думали, что шутит, а потом уж дошло до них, что Ромка тонул. Принялись кричать. На крики прибежал дядька Василий и, как был в одежде и сапогах, так и сиганул в воду. Вытащил. Ромка долго лежал на берегу, всё не мог отдышаться, и руки-ноги тряслись. А дядька Василий поймал Андрея, сорвал пук крапивы, пацана зажал между ног, стащил с него штаны и отлупцевал крапивой. Потом содрал с себя мокрую одежду и такими матюгами стал разбрасываться, что все мальчишки разбежались, опасаясь попасть под горячую руку. А дядька Василий был скор на расправу. Они убедились. Вон, не успели глазом моргнуть, как Андрюху крапивой отлупил, да ещё пообещал родителям пожаловаться. А если скажет, тогда хоть домой не возвращайся — трёпка обеспечена...

— И, правда, не узнал, — удивлённо покачал головой Роман. — Сколько лет не виделись. На улице бы встретил и мимо прошёл. А ты разве в деревне живёшь? Я уж думал, в городе корни пустил.

— Эх, да что говорить, я везде побывал, — хохотнул Андрей, закурил, пыхнул дымом, сморщившись. — Везде хоро-

шо, но домой тянуло, спасу нет, хоть волком вой. И выл, и скулил, когда немоготу становилось, а потом не выдержал, плюнул на всё, собрал манатки и быстрее помчался на поезд. А сюда добрался, чуть на четвереньки не грохнулся, всё хотел нашу землицу поцеловать. О, как меня проняло, до самых печёнок! А теперь в деревне живу. Правда, с работой тугоовато. Приходится ездить в соседнее село. И своим хозяйством занимаюсь. Коровку держим, пару овецек, свиноушки бегают, а птицу не считал — много. Ничего, нормально живём. Ну, а ты как, Ромка?

— Я в городе живу, — сказал Роман. — Как уехал после школы и больше не возвращался. Работаю. Вдвоём с женой остались. Дети отдельно живут. Хорошо живут, ничего не скажешь. Что говоришь? В деревню вернуться? Знаешь, как-то не задумывался. Правда, жена уговаривает, а я отмахиваюсь. А что там делать? Дядька письма присылал, пишет, что все разъезжаются. Все перебираются в города, а мы обратно вернёмся. Как-то даже странно получится...

И Роман неопределённо покрутил в воздухе рукой.

— Ничего странного, если вернёшься, — пренебрежительно махнул рукой Андрей, а потом неожиданно провёл ребром ладони по горлу. — Мне вот так хватило и городской жизни, и денег, и моря, глаза бы не смотрели. А сейчас выйду вечером на крыльцо, сяду на ступеньку и смотрю на нашу речку, на стариков, что в деревне живут, даже на свою бодливую козу Нюрку, заразу, взгляну и радуюсь. Правда, радуюсь, что вернулся, — потом встряхнул фанерным ящиком. — Вот к поезду приезжал. Книжки передали для меня, да всякие семена для жены заказывал. Знакомые прислали. А вечером заеду в магазин в соседнее село, наш-то давно закрыли, накуплю продуктов, всякую мелочёвку, что старики просили, и стану по дворам развозить. Они ждут меня. Нельзя стариков подводить. А ты к дядьке приехал? Дядька Ефим каждый день тебя вспоминает. Постоянно рассказывает. Обрадуется старый!

И переваливаясь, словно утка, направился к самосвалу, стоявшему на просёлочной дороге.

Подхватив тяжёлую сумку, Роман заторопился вслед за ним.

Роман ехал, поглядывая из кабины на редкие деревни, на просевшие крыши домов. Дворы позаросли сорняками, а крапива чуть ли не в рост вымахала, скрывая разруху. В зарослях сорняка изредка виднелись груды кирпича. А там одни головёшки и печные трубы в небо смотрят. Он проводил взглядом.

— Приезжают всякие, мать вашу так, — перехватив взгляд, буркнул Андрей. — Любители шариться по пустым домам, а бывает, в жилой дом залезут, если хозяев нет. Ничем не гнушаются, сволочи! А бывает, что подпустят красного петуха и уезжают, а бошками не думают, что полыхнёт деревня, и нет её — исчезла. Сволочи!

И заматюгался: долго, грубо, зло.

Роман ехал, смотрел по сторонам и сравнивал, как было раньше и что стало сейчас. Смотрел и хмурился. Стоят деревни, там и сям заколоченные избы виднеются. Окна пустыми глазницами в небо смотрят, редкие машины пропылят по дороге и всё, а возле домов, в основном, старики сидят. А куда молодёжь подевалась? Он не забыл, сколько народу обитало в этих краях. Помнил ребят, с кем учился, с кем гоняли в футбол, а зимой каток заливали и опять играли, но в хоккей. И Володьку — дурачка, своего друга детства не забыл. Частенько про него вспоминал. Про таких говорят — дурачок или убогий, а в деревне его прозвали Соловухой. И девчонки такие, аж... А вечером все на улицу высыпали. Кто возле двора играл, кто в клуб ходил, а другие на речку бегали. Стемнеет, а по деревне начинается переключка — это взрослые кричат, ребят домой загоняют. А где же они сейчас, куда все подевались? Наверное, по всей стране разъехались, как он уехал из деревни и не вернулся...

— Да уж, небо и земля, что стало с деревнями, — покачивая головой, хмуро сказал Роман. — Андрюха, а куда ребята подевались, а? Я двоих-троих видел в городе и всё. Так, ни о чём поговорили и разбежались.

— Друзья во все стороны разъехались, а некоторых уже на мазарки снесли. У каждого своя судьба. Вон, Никита Лепухов поступил в военку, так до сей поры где-то служит, по стране мотается. Димку Носкова на Камчатке повстречал. У Вальки Малкиной уже семеро по лавкам и опять, как слышал, на сносях. Ванька и Петька Силины живут в соседней деревне. Знаешь, по пальцам пересчитаешь, кто в районе остался, а остальные по стране разлетелись. Говоришь, небо и земля... — и не удержался, опять ругнулся Андрей, а потом ткнул пальцем в разрушенный коровник, мимо которого проезжали. — Вот сюда нужно нашу власть привозить на экскурсии. На трассе высаживать, чтобы пешком добирались до деревень по нашим раздолбанным дорогам. Пусть смотрят, что стало с деревнями, что стало с землями. Да уж...

— Тебе, Андрюха, самому нужно во власть идти, — засмеялся Роман. — Навёл бы порядок.

— И навёл бы, навёл! — горячо сказал Андрей. — Я всю страну изъездил вдоль и поперёк и насмотрелся, кто и как живёт, чем занимаются. — И повторил: — Навёл бы порядок. Будь спокоен. Всех нужно возвращать туда, где они жили. Правильно говорят — где родились, там и пригодились. Вот тогда будет порядок, — и тут же резко затормозил. — Ладно, Ромка, дальше пешком доберёшься. Вылезай. Доберёшься до деревни. Недалеко осталось. Не заблудишься. А мне в Петряевку нужно заехать, зерном загружусь и на ток помчусь да в магазин заскочу, закуплю, что наши старики просили. Вечерком увидимся.

Едва Роман прыгнул на землю и забрал сумку, он махнул рукой и, взревев мотором, самосвал свернул на просёлочную дорогу и помчался, скрывшись в густом пыльном облаке.

Роман стоял на обочине и курил, осматриваясь по сторонам. Потом подхватил сумку, взвалил на плечо и неторопливо пошёл по тропке. Изредка останавливался, перекуривал. Поглядывал на знакомые места, но они стали другими, запущенными, что ли. Стена крапивы, а репейник такой, что пройти не даёт, цепляется за штаны, за рубаху и потом приходится отдирать его, а на его место уже новый прицепился. Не стало хозяина в этих краях, и всё вымирает. Пройдёт немного времени, и начнут исчезать деревни и сёла, а снесут на погост последних стариков и считай, умер край...

Роман взглядом проводил стаю ворон, которые с карканьем куда-то понеслись. Издалека донёсся лай собаки. Деревня рядышком. И Роман, подхватив сумку, заторопился по тропке. Потом выбрался на дорогу в рытвинах да ухабах и, глядя под ноги, чтобы не оступиться, направился к редким домам, которые были разбросаны там и сям и мелькали вдоль речки, заросшей непроходимыми кустами. Роман остановился возле старого дома. Вздохнул. Пахнет печной гарью, тонко тянет пылью, повсюду какие-то железяки, разбитые стёкла, а в пустых оконных и дверных проёмах повисли пыльные лохмотья паутины. Заросший двор. Татарник всё заполонил, островки крапивы, и вокруг тишина. Казалось бы, даже воробьёв не слышно. Тишина. Уходят хозяева, и дом умирает...

Он вздохнул, поправил сумку и заторопился к дядькиному дому.

— Здоров, дядька Ефим, — добравшись до двора, Роман распахнул калитку и крикнул, заметив старика, который возился возле баньки, укладывая полешки да толстые ветви возле входа. — Гостей принимаешь?

Лениво гавкнула собака, вильнула метёлкой хвоста, зевнула и улеглась возле будки.

— Кто там? — приложив ладонь к глазам, прищурился сухопарый высокий старик, одетый в серые штаны, сам в галошах, в ватной безрукавке, из-под которой вылезла синяя рубаха, и в фуражке на затылке. — Кто пришёл?

Старик положил полено. Разогнулся, держась за поясицу, взял клюку и тихонечко направился к дому, продолжая всматриваться.

— Дядяка, я приехал, — сказал Роман, поставил тяжёлую сумку возле крыльца и поспешил навстречу старику. — Здорово, дядь Ефим! Сколько лет не виделись — ужас! А ты всё такой же: тонкий, худой и звонкий.

И засмеялся, взглянув на старика.

— А, Ромашка приехал, — так называл его в детстве старик. — Помереть можно, тебя дожидаясь, — не удержался, съехидничал он и обнял, похлопывая по спине. — Ох, большим стал, прям не обнять. Молодца, что приехал. Я уж зажался. Заходи в избу, Ромашка, заходи. Нечего возле порога топтаться.

И засмеялся, а сам всё прижимался к нему, всё норовил погладить. Соскучился дядька.

— Иди в дом, дядь Ефим, — Роман подтолкнул старика. — Сейчас отдышусь, осмотрюсь и тоже зайду. Иди, иди...

Дядьку проводил, а сам остался стоять, осматривая заросший двор, собачью будку, в тени которой лежала лохматая невысокая дворняга. За забором виднеются старые яблони, через щели в заборе лезет малина. Закудахтали куры и опрометью бросились в конец двора, к баньке, и принялись разгребать мусор. Из сарая выглянул поросёнок. Постоял, похрюкивая, и обратно вернулся. Раздумал. Жарко. Отсюда была заметна речка. Роман частенько вспоминал, как туда бегали с мальчишками и Володькой-Соловушкой купаться. А бывало, набирали картоху, огурцы с помидорами, а то прихватывали кусок сала и уходили на весь день к реке. Купались, пекли картошку, всё подчистую съедали, а Володька-дурачок сидел на берегу, нажимал на кнопки, растягивая мехи гармошки, и тянул нескончаемую непонятную песню — это он пел и играл для друзей. А потом, вспомнив про домашние дела, все торопливо бежали обратно, чтобы успеть до прихода родителей всю работу переделать. А вот там был магазин. Сто лет простоял, не меньше, а может, и поболее, деревня-то старая-престарая была. Сам тёмно-коричневый, полукружья окон с коваными решётками, толстенные крепкие двери, а замки такие, что в руках не удержишь. Закрылся магазин. Невыгодно стало. А вон там... А там была школа и рядом детский сад. Были когда-то, а теперь пустыри и кучи бито-

го кирпича. Дожили... Роман хмуро посмотрел на редкие дома — до соседа не докричишься, на технику, что ржавыми островками виднелась там и сям, и вздохнул: тяжело, обидно, горько...

Роман поднялся по скрипучим ступеням. Постоял на крыльце, продолжая осматривать деревню, некогда большую, казалось, конца и края не было видно, а сейчас всего дворов двадцать-тридцать виднеются, а остальные разрушаются ежесекундно, ежечасно, с каждым днём и с каждым годом всё больше и больше — неминуемо...

Отовсюду знакомые запахи на веранде. Иногда ночами снились. Здесь берёзовые веники висят, а там мята и душица, а тут косы лука, вязанки чеснока (дядька ох как любил чеснок!), а там подоткнуты какие-то травы, сами маленькие, а душистые — страсть. Вдохнёшь в себя и стоишь, не хочется выдыхать. Мёдом пахнет. И, правда, две банки стоят на лавке. Видать, дядька Агафон ещё небо коптит, так и занимается пчёлами. Пусть коптит, сколько свыше отпущено... А мёд у него — у какой вкусный да запашистый!

Роман толкнул обитую дерматином дверь и зашёл в избу. Дядька Ефим уже хлопотал возле стола. Гремел кастрюлями, чайником, доставал чашки и расставлял на столе. Звякнули ложки. Пахнуло свежим хлебом. У Романа уркнуло в животе. Три дня не евши, пока добирался до деревни. Так, кусок перехватишь и ладно.

— Что задержался-то? — покосившись, сказал дядька Ефим и стал быстро нарезать хлеб. — Вон, умывайся. Утирка на гвозде висит. Чистая.

И опять заторопился, и снова загремел кастрюлями да чугунками.

Роман стоял, осматривая горницу. Казалось бы, ничего не изменилось с той поры, когда был в последний раз, но что-то ещё появилось или не хватало... Он не мог понять. Опять взглядом обвёл горницу. Кровать за занавеской, трюмо в углу, стол и диван рядом, на окнах занавески и горшки с цветами (бедненькие, кто же за вами ухаживает?), лавки вдоль стены. Между окон стоит комод. Всё хранится в нём, начиная от первой распашонки человека и заканчивая его смертной одежкой. Красивый комод. На нём всегда валялись лекарства, одна-две газеты, книжка, обгрызенные карандаши... И тут дошло, что на комодѣ стояла небольшая гармошка. Роман взглянул. Нахмурился. Много лет прошло, что-то до боли знакомое мелькнуло или напомнило о себе гармошка. Дядька Ефим не играл. Медведь на ухо наступил. А тут стоит... Почему? Кажется, такая была у Вовки-Соловушки, но она

же... Хотел спросить, но махнул рукой и подошёл к умывальнику, висевшему возле входной двери. Наклонился над раковиной и, охнув от холодной воды, стал умываться. Вытерся полотенчиком и, приглаживая влажные волосы, подошёл к столу, громыхнул табуреткой и уселся, прислонившись к обшарпанной стене.

— Всё, наконец-то добрался, — сказал он и на мгновение прикрыл глаза. — Устал...

— Твой путь долгим был, — покосившись, буркнул дядька Ефим. — Сколько лет, а всё времени не находил, чтобы в родной дом приехать.

— От нашего дома ничего не осталось, — кивнув на окно, сказал Роман. — Давно в землю ушёл, а из всей родни — ты, дядька, и всё на этом. Вот и весь мой дом.

— Не скажи, Ромашка, — покачивая головой, заворчал дядька Ефим. — Ты родился здесь, отсюда в жизнь ушёл и до твоего последнего часа — эта деревня останется родным домом, где всегда тебя ждут... Кто, говоришь? Земля, на которой ты родился, и люди, которые тут живут. Они ждут, а ты болтаешь, будто родни нет. Глянь, — старик ткнул пальцем в окно. — Видишь, сколько людей живёт в деревне? Все ждут тебя. Все до единого! Понял, охламон?

Голос повысил и нахмурился, аж брови сошлись на переносице.

Дядька Ефим всегда был таким: чуточку грубым, но в то же время, если присмотреться, у него душа добрая была, всегда хмурым ходил, улыбался ещё реже, а бывало в детстве, мог и крапивой отстегать или подзатыльников надавать, если заслужил. Всякое бывало, разве всё упомнишь...

— Деревню не узнать, — кивнув на окошко, сказал Роман. — Сюда шёл и удивлялся. Всё сравнивал с прошлой деревней. Небо и земля. Почему, дядяка?

Дядька Ефим присел на краешек табуретки. Посмотрел на Романа, потом выглянул на улицу. Нахмурился. Долго молчал, потом опять раздвинул занавески и ткнул, показывая.

— Почему, говоришь... — он растёр тёмное лицо, всё в глубоких морщинах. — А ты у нашей власти спроси. Спроси, почему они закрывают магазины, больницы, школы. Почему люди уезжают — это у нашей власти нужно спрашивать. Вспомни, Ромашка, сколько деревень было по нашей реке. А сейчас ехал, видел, что с ними стало? И так повсюду, куда ни глянь... Ай, ладно, что об этом говорить. Лучше расскажи, как живёшь.

— Да нормально живу, дядька Ефим, — сказал Роман. — Ребята выросли, отдельно живут. В общем, всё хорошо. А

приехал... Знаешь, дядька, ночами стала деревня сниться. Даже запахи, вкус хлеба чувствовал. Друзей видел, с кем росли и играли, и нашего Володьку-Соловущку, так и снится, будто сажу рядом и его песни слушаю, и тебя с тёткой Варварой видел, будто в гости прибегал к вам, а вы угощали меня блинами. До сих пор вспоминаю блины тётки Вари. У, вкусные! Утром проснусь, а на душе светло. И не выдержал. Собрался и помчался сюда, чтобы тебя увидеть, с соседями посидеть и нашу деревню посмотреть.

— Видишь, Ромашка, сам говоришь, что тянуло сюда, значит, ты остался деревенским жителем, а не городским, — ткнув пальцем вверх, подытожил дядька Ефим. — Ладно, хватит болтать. Разговорами сыт не будешь. Давай-ка, по стопке опрокинем и повечеряем.

И дядька Ефим взялся за стопку.

Роман выпил. Огнём полыхнуло внутри. Он закашлялся. Головой мотнул и быстрее стал хлебать жиденький суп. Хрустел луком, солёными огурчиками, жевал рыбью мелочёвку, видать, кто-нибудь из соседей принёс, брал кусок хлеба, вдыхал запах и зажмурился — запах хлеба ночами снился. А потом снова тянулся к тарелкам...

Дядька Ефим сидел молча. Изредка отщипывал крошку хлеба, медленно катал её во рту, а сам всё смотрел на Романа, то хмурился, брови сразу сходились к переносице, то улыбался, и морщинки разбегались по лицу, и снова о чём-то думал...

— Здорово, дядька Ефим, — заскрипела дверь, и на пороге появился Андрей, держа в руках несколько буханок хлеба и ещё какие-то свёртки. — На вот, привёз, что ты просил. Всё купил.

— Ай, молодца, Андрюшка! — сразу вскочил дядька Ефим. — Проходи, проходи... Присаживайся, повечеряй с нами. Мой Ромашка приехал. Радость в доме.

— Я же его и привёз, — хохотнул Андрей. — На станцию приехал. Гляжу, он стоит и озирается по сторонам, сиротинушка. Пожалел его, бедолагу. Добросил до развилки, а сам дальше помчался.

— О, значит, с меня подарок, — заторопился дядька Ефим. — И не противься! Так принято...

— Ладно, дядька Ефим, я побегу, — сказал Андрей. — Мне ещё к Петровне нужно заскочить, потом к Авдеевым и Гусиковым загляну и домой поеду — устал сегодня. — И взглянул на Романа. — А ты, Ромка, надолго прикатил?

— Пока есть время, — неопределённо сказал Роман. — Успею надоесть.

— А, ну ладно, тогда ещё увидимся, — закивал головой Андрей. — Посидим, повспоминаем. Всё, я помчался.

И вышел, захлопнув дверь.

— Ай, молодец, Андрюшка, — покачивая головой, опять повторил дядька Ефим. — Никогда не отказывает. Попро-
сишь его, всегда привезёт. И так для всей деревни старается. Молодца!

И принялся рассказывать про деревенскую жизнь.

Роман сидел за столом, прислонившись к стене, и слушал неторопливый говорок дядьки Ефима, который поглядывал в окошко, говорил, потом надолго умолкал, о чём-то думая и снова начинал прерванный разговор. Громыхал чайником. Наливал в кружки, незаметно пододвигал Роману, сам отхлёбывал и говорил, говорил и говорил...

— Дядяка, тяжело без магазина жить? — перебивая, сказал Роман. — Хлеб, соль, спички — это же самое основное. Помню, хоть каждый день готов был бегать в магазин. Зайдём с пацанами, у всех глаза разбегаются. Так бы и съели все конфетки. А сейчас...

И Роман махнул рукой.

— Андрей привозит, — кивнув, сказал дядька Ефим. — Если уж некогда ему, тогда два-три человека собираемся и потихонечку идём в Леснинку — это пять километров отсюда. Там ещё работает магазин, не успели закрыть. Пораньше выходим, по холодку добираемся, пока всё купим, а берём не только для себя, но и другим, вот и говорю, пока купим, пока посидим возле магазина, новости послушаем да свои расскажем, а потом возвращаемся. Глядишь, уж обед давно прошёл, а мы ещё телепаемся. Летом можно ходить, а вот в слякоть да в пургу не набегаешься. Одна надёжа — это Андрюшка, а без него, хоть ремень ту же затягивай. Так и живём...

— Дядька, где сейчас ребяташки учатся? — опять спросил Роман. — Школа-то развалилась, как заметил. Пустыри и груды мусора.

— В нашей деревне ребяташек не осталось, — сразу нахмурился дядька Ефим. — Детей нужно учить, а не закрывать школы. Поэтому люди стали уезжать, чтобы детей на ноги поставить. Что говоришь, Ромашка? Работа... Да работы непочатый край. Вон, выгляни в окно. Поля обрабатывай, выращивай всё, что душе угодно, главное — не ленись, земля заботливых любит, но, видать, кому-то это стало ненужным. Ну и... — он махнул рукой, закричал, налил стопку, опрокинул и даже не поморщился. — Ну и живём: один живёт и руки потирает, а пятеро с голоду подышают. Оглянешься, позади жизнь была, вокруг посмотришь, всё разру-

шается, а вперёд заглянешь, тьма-тьмушая, одна чернота, а не будущее — это наши деревни во тьме стоят. Понял? Эх, заматериться бы, да Боженька осерчает...

Дядька Ефим взглянул на икону и размашисто перекрестился.

Допоздна засиделись за столом. Всё не могли наговориться. Много разговоров скопилось за долгие годы, пока Романа не было в деревне, а сейчас приехал, и решили наверстать упущенное время...

Роман подошёл к комоду. Постоял, посматривая на маленькую гармошку. Нахмурился. Для чего напомнила о себе гармошка — не мог понять...

— Дядяка, откуда она появилась? — он ткнул пальцем в гармошку. — Знакомая вещь. Глянул на неё, аж в груди польхнуло.

И поморщившись, Роман стал растирать грудь.

— А, гармонь, что ли? — дядька Ефим искоса взглянул, продолжая что-то искать среди фотографий и всяких бумаг. — Это же гармошка нашего Володьки-дурачка. Она много лет тебя дожидалась... — всплеснул руками дядька Ефим. — Ох, голова садовая! Помнишь внука бабки Авдюхи? Ну, который дурачок, его прозвали Соловушкой, если память не изменяет...

— Ну, как же — хорошо помню его. Часто Соловушку вспоминаю, как услышу на улице гармошку, сразу поворачиваюсь. Всё кажется, что Вовка играет. А почему к тебе гармошка попала, да ещё целая? Вовка сломал, вся гармонь развалилась. Сам, своими глазами видел. Я думал, что её выбросили, а она целая... Эх, если бы ты видел, как Вовка убивался по ней! До сих пор перед глазами...

Роман частенько вспоминал старую Авдотью и внука её, Вовку — друга своего...

Володька Ляпунов появился в деревне где-то весной, перед каникулами. Роман с ребятами играл в футбол на поле возле школы, когда он подошёл.

— Пацаны, я хочу играть, — донёсся пронзительный визгливый голос и на футбольное поле показался парень в галифе, в расстёгнутом кителе, была видна майка, в фуражке с оторванным козырьком, но со звёздочкой на околыше и в стоптанных тапках на босу ногу, а под мышкой держал большую гармошку. — Дай мячик, а? — И растерянно затоптался на месте, осматривая поле.

— Пацаны, кто это? — Схватив мяч, Роман отскочил в сторону и удивлённо взглянул на парня, на его большую лысую голову, но маленькое морщинистое лицо, словно в кулак

сжатое, заросшее клочковатой щетиной, с носом-пуговкой, маленькими глазками, а во рту окурок. — Сейчас мяч отнимет, а потом попадёт от бати.

— Ай, — небрежно махнул рукой пацан, стоявший рядом. — Это же Володька-дурачок. Вчера бабка Авдотья привезла его. Ты, Ромка, не бойся его, он хороший, хоть и дурачок. Не бойся. Володь, айда к нам, — крикнул и побежал навстречу. — В нашей команде будешь играть.

— Здорово, пацаны! — закартавил Володька, осторожно положил гармошку позади ворот, оглянулся на неё и, вихля задом, медленно побежал к мальчишкам. — Дай мячик. Я стукну. Я умею!

Так деревенские мальчишки познакомились с Володькой — большим ребёнком.

...Володьку Ляпунова привезла старая Авдотья, а по-простому, бабка Авдюха. Ему было лет двадцать, может, чуть больше, поменьше или побольше. Говорили, что бабка Авдюха получила письмо, быстро подхватила и в тот же день укатила, оставив домовничать соседку, тётку Надю. Недели две-три её не было. Роман этого не помнил, но запомнил разговор дядьки Ефима с тёткой, когда вечерами. Тётка Варвара стала рассказывать, что бабка Авдюха умчалась к старшей дочке, а доченька подсунула этого Володьку, сына своего. Дурачок. Видать, надоело возиться, вот и спланировала матери, а сама взяла билет и на край земли укатила, поехала деньги зарабатывать. Обещала, что станет Вовке помогать. Говорила матери, что ему лучше в деревне жить, потому что в городе его обижают, издеваются над ним, а она не может с утра и до вечера за ним присматривать. У неё же своя жизнь, которую нужно устраивать. В общем, золотые горы наобещала старой Авдотье, Вовку спланировала, а сама смоталась. Лучше будет в деревне... Многие смеялись над Володькой, когда он в деревне появился. Некоторые издевались. Особенно подвыпившие. Мальчишки, первое время, когда сталкивались с ним, пальцами показывали на нескладную грушевидную фигуру, на галифе и стоптанные тапочки, на линялую грязную майку и китель с блестящими пуговками. Показывали на него, смеялись над ним и обзывали дурачком. А старухи жалели, всё конфетку норовили ему сунуть. «Убогонький» — ласково называли. Володька был слаб умишком, мало говорил, но был добрым, даже слишком добрым, а ещё наивным и безобидным — этим пользовались взрослые и ребята. Володьку быстро научили материться. И Вовка ругался: долго, всяко, многоэтажно. Так ругался, что любой боцман позавидует. Мужики частенько просили, чтобы он поматерился, и Во-

лодка всюду старался и, услышав громкий смех, тоже вслед за всеми смеялся: тоненько, долго и визгливо. Володька, не умея читать и писать, не зная ничего из жизни, не понимая людей, он в то же время умудрялся любить всех и вся и относился к людям и ко всему живому с добром, потому что по-другому не умел...

Володькой никто не занимался. Старая Авдотья поднималась утром, потихонечку впрягалась в хозяйство, а Вовка брал свою гармошку и отправлялся на улицу. Садился на скамейку возле двора и, склонив голову к гармошке, нажимал на кнопки и, растягивая мехи, тоненьким, пронзительным голосом начинал петь непонятную песню, если это можно было назвать пением. Собаки первое время, едва услышав его визгливый голос, поднимали разноголосый лай, а соседи ругались, грозили кулаками, чтобы заткнулся, но Вовка ничего и ничего не слышал — играл и пел...

— Здорово! — Володька заулыбался, когда на дороге заметил соседа. — Как дела?

Он здоровался со всеми, кто встречался по дороге, и улыбался всем: радостно, искренне. Так может улыбаться лишь человек с чистой душой или малый ребёнок, кем он и был, собственно говоря.

— Здорово, Вовка, — мужик подошёл, протягивая руку. — Что сидишь?

— Песню пою. Хорошую! — Володька улыбнулся. — А я умею на гармошке играть.

— На другом конце деревни слышно, как гармонь мучаешь, — сказал мужик и вытащил пачку папирос. — Ты бы потише горло драл, а то гляди, соседи отлупят или собаки порвут. Вовка, закуришь?

— Ага, — радостно закивал башкой Володька и быстро оглянулся на дом. — Бабка Авдя ругает, когда курю. Нехорошая она.

— Кури, я не скажу, — мужик протянул папиросы, дал прикурить и засмеялся, когда Володька закашлялся. — Ладно, Вовка, я пошёл на работу. Пока.

— Пока, — шмыгая носом, пробубнил Володька.

Володька смотрел вслед, а потом снова брался за гармошку и начинал беспорядочно нажимать на кнопки и петь. Щекой прижмётся к гармошке, губы вытянет трубочкой и заливаётся. О чём поёт — этого никто не знал, знал лишь он один. Но всегда говорил, что песни хорошие, что поёт для всех. Он любил всех, а вот многие люди избегали его, не здоровались, не протягивали руку, когда он тянул свою. И общаться избегали. О чём можно говорить с дурачком? Он же

был словно ребёнок. Старухи жалели его. А вот ребята любили Володьку. Он добрый и хороший, ну, а то, что умишком слабоват... Ну и что? Главное, Вовка такой же, как и они. И мальчишки не смотрели, что с ними играет взрослый парень. Володька стал своим среди ребят...

Роман бросал все дела и бежал ко двору бабки Авдотьи, едва заслышав рвущиеся звуки гармошки и непонятные песни. Прибегал. Садился рядом на лавку, а бывало, что на траву перед Володькой и, обняв колени, всё пытался понять его непонятные песни. А Вовка не замечал его, как не замечал других. Он пел и играл — это главное, а остальное для него не существовало...

— Вовка, пошли с нами на речку, — закричали ребята, подбегая к лавке. — Вода тёплая-претёплая!

Володька поднимался и, держа под мышкой гармошку, вихлясто спешил за мальчишками к реке. Все купались, а Вовка садился на берегу и опять играл и пел песни для них, для своих друзей...

— Что ты орёшь, как оглашенный? — на крыльце появилась бабка Авдюха. — Ни днём, ни ночью никакого покоя не даёшь, ни мне, ни соседям. Ишь, тоже мне, объявился Соловушка из Васильевки! Ну-ка, зайти в избу. Я пшённую кашку потушила. С пенками. Вкусная — страсть!

И Володька уходил, но вскоре возвращался, размазывая остатки каши по лицу, усаживался на скамейку возле двора, осторожно брал гармошку и, склонив голову, опять начинал растягивать мехи и петь свои песни.

— Авдюха, уйми своего полоумного, — доносилось с улицы. — Ишь, привезла соловья залётного! Громче радио орёт. Всех кур перепугал. Нестись перестали. Уйми его, говорю! Иначе, заставлю свои яйца отдавать.

— Откуда у меня яйца-то? — всплёскивала руками бабка Авдя, появляясь на крыльце. — Полтора петуха да одна курица. И как же уйму Вовку-то? У него умишко — кот заплакал, — и тут же кричала. — Вовка, зараза такая, хватит орать!

А Володька ничего и никого не слышал. Он играл и пел...

— Ребятки, ребятки, — тогда кричала бабка Авдюха, заметив мальчишек на дороге. — Возьмите с собой Вовку, пусть с вами играет, а то соседи на него жалуются, а я вас кармелёчками угощу.

И каждому совала по слипшейся конфетке. Мальчишки тормозили Вовку, а потом бежали с ним на речку, в лес или на футбольное поле.

Роман помнил, Володька с ними всё лето пробегал. Везде побывал. На рыбалку с пацанами ходил, в колхозный сад

лазили за яблоками, а Вовка караулил, горох драли на поле или молодую кукурузу и охапками ташили куда-нибудь на берег речки, а бывало, если попадали на маслобойку, выпрашивали зёрнышки или жмых и делили на всех, а потом мчались на свои места. И Вовка везде был, и всегда с ним была его гармошка. Ни на секунду не расставался. Выдавалась свободная минутка, Вовка усаживался на траву, на бревно, на камень или на голую землю, прислонялся к гармошке щекой и начинал петь свои непонятные песни. И ничего не могло его отвлечь в эту минуту: ни семечки, ни яблоки, ни карамельки бабки Авдюхи...

Не успели оглянуться, а лето ушло. Ребята пошли учиться, а Вовка остался дома. Все уходили в школу, а Вовка усаживался на скамейку возле двора и начинал играть. А бывало, приходил к школе и тогда срывались уроки, учителя ругались, когда он появлялся перед окнами и тонким голоском начинал петь свои непонятные песни. И все ребята прилипали к окнам и стучали ему в стекло, а Вовка сидел, играл и никого не слышал. Иногда, чтобы ребята не баловались, учителя зазывали Володьку в класс. И тогда он, вихляясь, появлялся в классе, здоровался со всеми и всем улыбался, потом усаживался за последнюю парту и весь урок тянул руку, тоже хотел отвечать, а бывало, что поднимался посреди урока, опять выходил на школьный двор и принимался играть и петь.

С наступлением холодов Вовка стал пореже приходиться. Бабка Авдюха не пускала, и одежды не было. Случалось, появлялся в старой фуфайке-раздергайке, верёвкой подпоясанный, на ногах огромные разношенные ботинки, которые шлёпали и спадали при ходьбе, на голове солдатская фуражка и в руках неизменная гармошка. Сядет на бревно, нахочится, плечики поднимет и начинает красными пальцами нажимать на кнопки, и снова своё запоёт. А ветра студёные. Посидит, озябнет, оглянется на окна, потопчется и, никого не дождавшись, медленно вихляет по разбитой мокрой дороге в сторону своего дома. А ребята сидели за партами и смотрели ему вслед...

Зимой Володька не выходил. Бабка Авдюха строго-настрого запретила шляться по улице. Околеть можно, как в деревне говорили. Суровая зима была, с морозами да метелями. Как завьюжит, ни зги не видно. По три-четыре дня метели бушевали. По крышу дома заносило. В светлые дни, когда непогодь отступала, ребята выбегали на улицу. Играли в войнушку, с горок катались или крепости строили, а Вовка сидел дома. Не пускала бабка. Одежки не было, а купить не на что. Дочка, как умотала на край земли — и ни слуху, ни духу,

ни одного письма не прислала, не то, что деньгами помочь. Вот бабка Авдя и тянула Вовку на свою пенсию.

По весне, едва потеплело, и снег стал подтаивать, а дороги превратились в сплошное месиво из снега, грязи и воды, Вовка вырвался на улицу. В последние дни криком исходил, никакого покоя бабке Авдюхе не давал, всё на улицу просился. И бабка Авдя не выдержала, отпустила его. Видать, самой уж до чёртиков надоело слушать всю долгую зиму Вовкины песни, и она махнула рукой — иди. И Вовка подхватился. Напялил растрёпанную фуфайку, сунул ноги в сбитые огромные ботинки, на голову свою неизменную фуражку, в руках гармошка, и пошлёпал по деревне. К ребятам заторопился, к друзьям. Соскучился за зиму. И ребята загалдели, к окнам бросились, когда слышали рвущиеся звуки гармошки и протяжный Вовкин голос. Соловушка появился. Он сидел на своём месте, на толстом бревне напротив окошек и, прислонившись щекой к гармошке, тонким пронзительным голосом пел свои непонятные песни. Уроки были сорваны, а может, сами учителя отпустили. И Роман с мальчишками выскочили на улицу, заталкивая учебники под ремень, и помчались через пустырь к речке. Вовка бросился за ними. Завихлял, заторопился за пацанами и споткнулся, не удержался и во весь рост растянулся в глубокой залитой колее. Пацаны смеялись, и Володька вслед за ними закатывался, стараясь подняться, а потом неожиданно вскрикнул и, стоя на четвереньках, стал руками шарить в грязном месиве. Заплакал, когда достал из залитой колеи гармошку с оторванными мехами. Видать, на неё упал. Сидел в глубокой колее, в весенней слякоти и плакал, словно маленький ребёнок. Хотя, если взглянуть, Володька и был большим маленьким ребёнком. А Роман с ребятами стояли возле лужи и не знали, что им делать. Весенний ветер — промозглый, до костей пробирает. А на Вовке одёжка насквозь мокрая. И он, заливаясь слезами, медленно поплёлся домой, и всё продолжал обнимать свою гармошку. А ребята стояли и смотрели ему вслед...

А вечером прибежала бабка Авдюха. Роман сидел за уроками. Услышал, как бабка Авдя запричитала. Володька огнём запылал. В бреду заметался. Всё плакал, что гармонь не сберёт, что для друзей играть не сможет.

Вовка не смог оклематься, сожгла его простуда. Он помер на майские праздники. Последние дни бредил, в себя не приходил. Даже воду не пил. Всё бормотал про гармошку и пытался петь свои непонятные песни. Роман заходил к нему. Подолгу сидел возле него. Сказки читал. Вовка сказки любил. Разговаривал с ним, но Володька не отвечал, не слышал

его. Он был в своём мирке. Частенько Роман сидел и слушал, как Вовка в бреду поёт и казалось, что Ромка стал понимать его песни, но понимал не слова, а душой чуял, о чём Вовка поёт...

День ясный был, солнечный, когда Вовку похоронили. Всем миром в последний путь собирали. И Роман впервые увидел его в поношенной, но чистой рубашке, в потёртом пиджаке, видать, кто-то из деревенских мужиков отдал, полоска на лбу, а на лице была улыбка: казалось, что Вовка сейчас откроет глаза, поздоровается, а потом возьмёт гармошку и начнёт играть и петь для своих друзей. За телегой шла бабка Авдюха, рядом деревенские старухи, несколько мужиков, а чуть поодаль, чуть в сторонке, тянулись за телегой пацаны и девочки, с кем Вовка дружил, кому песни свои непонятные пел... Старухи вытирали редкие слезинки. Мужики покряхтывали, хмурились, взглядывая на Вовку, и отводили глаза. А девочки плакали, не скрывая слёз. И мальчишки толкались, смотрели под ноги, не поднимая головы, и нет-нет, незаметно уходили за кусты, а потом снова возвращались и опять взгляд в землю.

Тихо стало в деревне. Непривычно тихо. Некому надрывно рвать гармошку, некому стало петь. Мальчишки перестали играть в футбол. Всё казалось, что сейчас подойдёт Володька, осторожно положит гармошку на траву и скажет: «Пацаны, я тоже хочу играть. Дайте мячик». И люди, проходя мимо двора бабки Авдюхи, невольно взглядывали на лавку, где всегда сидел Вовка и играл на гармошке, никого не слыша, никого не замечая. И люди отводили взгляды, словно какую-то вину чувствовали перед ним, перед Вовкой-дуррачком. А может, и была вина — кто знает...

Бабка Авдюха сильно убивалась по Володьке. Каждый день собиралась и уходила на кладбище. Садилась возле простенького крестика, где стоял небольшой веночек, да лежали несколько маленьких букетиков. Сидела, раскачиваясь из стороны в сторону, поглаживала холмик земли и не плакала: видать, все слёзы уже выплакала, а смотрела вдаль и шептала.

— Володенька, соловушка мой, я пришла, а ты молчишь. Прости меня, что на улицу отпустила... Моя вина, что занемог. А ныне... Я должна лежать в земле, а ты раньше меня туда ушёл... Прости, соловушка...

Бабка Авдюха сидела, гладила морщинистыми пальцами холмик, уголком платка прикрывала впалый рот, всё прощения просила у Володьки, а бывало, начинала заунывно тянуть какую-то непонятную песню. Казалось, что она Володьке подпевала, а остальное вокруг неё не существовало.

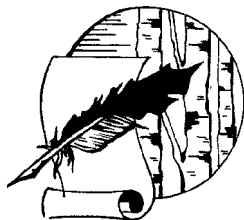
Уже лето прошло. Рябина запылилась. А бабка Авдюха продолжала ходить на кладбище. Садилась на своё место возле креста и начинала просить прощения, поглаживая холмик, а потом тянула одну и ту же непонятную песню, и всё вдаль глядела, словно хотела что-то рассмотреть, а может, и видела то, чего остальные люди не замечали.

Давно уж бабки Авдюхи нет. Рядом с Вовкой похоронили, как она просила. Всё дочку ждали, а она не приехала. Даже ни одного письма не прислала. И ей некуда было написать. Адрес не оставила, когда на край земли умотала. Двери и окна заколотили. Тоскливо стало ходить мимо избы бабки Авдюхи. Крыльцо обвалилось, следом крыша просела, обнажая стропила, двор в зарослях крапивы да репейника. Забор давно обвалился, а скамейка, на которой всегда сидел и играл Володька, до сих пор стоит. И тоска накатывала, когда люди проходили мимо пустого дома. Всем слышались рвущиеся звуки гармошки и тоненький пронзительный голос Володьки-Соловухи, который пел свои непонятные песни...

— Забыл сказать, гармошку принёс дядька Николай — он мастер на все руки был. Бабка Авдюха попросила починить, и сказала: когда её похоронят, чтобы гармошку отдали тебе, Ромашка. Это память о твоём друге, Володьке-дурачке или Соловухе, как его прозывали в деревне.

Роман взял гармошку. Долго сидел, о чём-то думал, а потом прислонился щекой к гармошке — и раздались рвущие звуки, и Роман затаил непонятную для других песню. Песню, которую всегда пел Вовка-дурачок и в которой нужно было понимать не слова, а Вовкину душу..

г. Салават, Башкортостан

Анна ТОКАРЕВА

СЛУШАТЬ СНЕГОПАД

* * *

Вопли звучат инородные
Песням родным вопреки.
Родина, солнце холодное,
Плачут твои кулики.

Время в садах позаброшенных
Спиливать гиблый сушняк,
Вспомнить, что было хорошего,
Вспомнить, что было не так.

Верится мне и не верится,
В то, что поднимется рать,
В то, что поникшее деревце
Листья расправит опять.

Чтобы цвести безбоязненно
В белом саду по весне,
Чтобы и горе, и праздники
Не насаждались извне.

* * *

Топтался лучик золотой
На подоконнике гостиной.
Просилось солнце на постой,
Но я задёрнула гардины.

Я, воспевающая свет,
Сегодня выбрала темницу.

Шуршу обёртками конфет,
Борюсь с желанием напиться.

Там, на свету, кровит заря.
То — митингуют, то — парады.
Сначала — выберут царя,
Потом — свергать на баррикады.

А я — адамово ребро.
И я хочу быть просто мамой,
Растить детей, ваять добро,
Любить надёжного Адама.

Сижу — отчаянья сестра.
Застыла призраком бесплотным.
На Красной площади — ветра,
Ветра — на площади Болотной.

Ветрами выстужен Майдан.
Дрожат берёзы и каштаны.
И брат по имени Богдан
Готовит пулю для Ивана.

ПЕЧКА

Дрова, присыпанные снегом,
Стреляют в топке и шипят.
Какой восторг, какая нега —
Лежать и слушать снегопад!

Он рвётся в окна, топчет крышу,
А на лежанке — любота.
Шуршат внизу, под печкой, мыши,
Поправ мурчание кота.

В печурке сохнут рукавицы,
В опечье дремлет домовой.
И только мне совсем не спится
В моей избёнке лубяной.

В горшках томятся щи да каша,
Картошка млеет в чугуне.
Скрыт русский дух и сила наша
В живом, покладистом огне.

МЕСЯЦ

Над печалью осоки,
Над тоской ивняка
Ходит месяц высокий,
Потирая бока.
Добродушный, холёный,
В золотом сюртуке,
То любитесь клоном —
Отраженьем в реке,
То к Дельфину приникнет,
То проведает Киль,
То с Волос Вероники*
Сдует звёздную пыль.
Он далёк от земного,
И ему всё равно,
Если где-нибудь снова
Вдруг запахнет войной,
Иль возникнет цунами,
Иль проснётся вулкан,
Или стукнутся лбами
Президенты двух стран.
Он не знает печали
И не чувствует мук.
Лишь бы звёзды сияли,
Не тускнел бы сюртук.

БЫЧОК

Я старой закваски. Я помню года,
Когда поутру выводили стада
Степенных коров и пугливых овец
На розовый клевер, зелёный кострец.

А я конопатой девчонкой была,
Я залпом из кружки огромной пила
Парной эликсир по два раза на дню,
И не было блюда целебней в меню.

Поили всё лето меня молочком,
И звали за это любовно «бычком»...

* Дельфин, Киль, Волосы Вероники — созвездия Солнечной системы.

И если сегодня вдруг вижу козу,
То ей, как сестрице, гостинец несу.

С тоскою гляжу на тугие бока,
И хочется вновь мне испить молока.
Чтоб белою струйкой — по шее на грудь,
Чтоб в ясное детство на время нырнуть.

* * *

В теплице горюет рассада.
Апрель не балует теплом.
А может, так людям и надо,
А может, нам всем поделом?
За то, что скупы, горделивы,
За скудость и леность ума,
За тёмных страстей переливы,
За жирный кусок задарма,
За глупые, дерзкие тризны
На чьих-то невинных костях,
За то, что, хозяйева жизни,
Мы вечно как будто в гостях.

МОЛЧАЛЬНИЦА

Ненастье перебесится
И сгинет без следа.
В качалку полумесяца
Уляжется звезда.

Полночная молчальница
Не вымолвит словцо,
Лишь сонно закачается,
Объятая ленцой.

И в платьице холстинковом —
Другого не дано —
Я звёздной паутинкою
Опутаю окно.

Пленённую бессонницу
Стихами напою...
Всё будет, всё исполнится
У счастья на краю.

* * *

И снова снег — вот невезуха!
Упала в обморок весна.
Теплом обласканная муха
Опять забилась в щель окна.

Колючий снег кусает лица,
Галопом мчит по мостовой.
Куда, куда же мне забиться
От этой крупки снеговой?

По бесконечной белой жиже
Умчусь от чёрных облаков.
Повыше — шарф, колпак — пониже,
Почаще — цокот каблуков.

Крылечко, дверь... Вбегаю юрко
И млею в ласковом тепле.
Как хорошо, что есть конурка
У всех озябших на земле.

СОЙКИ МОИ, СВИРИСТЕЛИ

Сколько плодов на рябине!
Будет суровой зима.
Царственно холод обнимет,
Выстудит наши дома.

Ветер напористо-юркий
Песню завоюет, хоть плачь.
Съёжится псина в конурке,
Грустно свернётся в калач.

С первым морозцем бы надо
Мёрзлые грозди собрать...
Нет, не лишу я услады
Птичью голодную рать.

Сойки мои, свиристели,
Горестно дрогнет рука.
Станет вам в стужи-метели
Горечь рябины сладка.

* * *

В последний вечер февраля
Нальём рябиновки в бокалы
И, радость жизни разделя,
Не будем сетовать устало
На то, что пусто в закромах,
На то, что ветер дует в щели...
А выпьем лучше за размах
И за поставленные цели,
За талый снег, прилёт грачей,
За опустевшие кормушки,
За первый мартовский ручей
И вербы жёлтые опушки,
За всхожесть собранных семян,
За солнца круг на небе синем,
За жизнестойкость россиян
И процветание России.

СПОР

Горячий спор возник меж слов:
Которое важней.
Сказало «май»: «Я из цветов,
Из самых ясных дней».

А слово «труд» сказала так:
«Дарю я хлеб к столу,
И лишь отъявленный чудаки
Мне не поёт хвалу».

Им возразило «мир»: «Как знать?
Вам без меня не жить,
Не жать, не сеять, не пахать,
Счастливыми не быть».

Но слово тихое одно
Всех усмирило враз:
«Жить без «любви» не суждено
Ни завтра, ни сейчас».

Любовь — начало всех начал.
Везде — и там, и тут.
Да будет тем, кто осознал,
И май, и мир, и труд».

г. Егорьевск Московской обл.

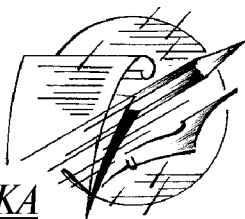
КОГДА НАРОД НЕ НУЖЕН...

Порочность сырьевой экономики и сформированной вокруг нее системы не только и не столько в том, что она не может обеспечить высокий уровень жизни всей стране и порождает социальное неравенство, коррупцию, централизацию ресурсов и как следствие узурпацию власти теми, кто получил контроль над этими ресурсами. Это всё конечно тоже очень плохо, но это лишь половина беды.

Главная беда заключается в том, что сырьевой системе становится не нужен народ. И в этом сырьевая система принципиально отличается от обычной капиталистической, основанной на производстве и финансах, а также от феодально-монархической с традиционной для нее аграрной экономикой.

При аграрной экономике феодально-монархического периода народ был главным источником ресурсов в стране. Сельское хозяйство, которое было основой экономики, целиком и полностью держалось на народе, который жил на земле и был непосредственным и единственным производителем сельхозпродукции.

При капиталистической системе с производственной экономикой народ

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

нужен в качестве производителя и потребителя товаров и услуг. И финансовый сектор нуждается в клиентах, которые берут кредиты для приобретения товаров и затем платят по ним, отдавая часть заработной платы. Владельцы банков и заводов живут на доход, который они получают с народа, который является одновременно их работниками и клиентами, оставляющими на работе часть своего труда, а в банке — часть своих денег.

Сырьевая система отличается тем, что народ для нее практически не нужен, он для системы становится балластом, приложением к земле, на которой ведется добыча сырья, причем приложением очень обременительным и назойливым, понижающим доходность добычи.

Главным потребителем сырья, добываемого в России, является не российский народ, а зарубежные покупатели, которые расплачиваются за сырье валютой, на которую и приобретаются товары, пользующиеся спросом среди владельцев сырьевой системы.

Народ России тоже покупает часть добываемого сырья — бензин для заправки автомобилей, газ для отопления, получаемую за счет сжигания топлива электроэнергию. Но чем народ России расплачивается за это сырье? Рублями! А зачем элите рубли? Что элита может купить на рубли внутри сырьевой экономики с разрушенным производством?

Хозяева сырьевой экономики практически не нуждаются в рублях, потому что они не могут купить на них ничего, представляющего для них ценность. Их ценности находятся и производятся за рубежом, а там за рубли ничего купить нельзя.

Хозяевам сырьевой экономики рубли нужны главным образом для оплаты труда работников сырьевого сектора и смежников, которые непосредственно участвуют в добыче и транспортировке сырья, в администрировании сырьевой экономики. И еще для выплаты жалованья военнослужащим, которые охраняют государство, внутри которого ведется добыча сырья, чтобы его не мог захватить всякий желающий.

Но для добычи сырья и охраны сырьевого государства от посягательств достаточно примерно 10—15 миллионов человек, не больше. Персонал Газпрома — около полумиллиона человек, персонал Роснефти — 250 тысяч. Вместе с дочерними компаниями, смежниками и другими сырьевыми корпорациями — несколько миллионов. Численность армии — два миллиона, на предприятиях ВПК работает примерно столько же. Вместе с членами семей получается 10—15 миллионов.

На самом деле даже 15 миллионов для сырьевой экономики избыточно много, ведь непосредственных работников и

служащих нужно в 2—3 раза меньше, причем специалистов высокой квалификации нужно едва ли 300 тысяч, все остальные — разнорабочие, водители, монтажники, электрики, слесари, клерки.

Специалистов высокой квалификации можно всегда найти за рубежом, тем более, что они и сейчас приезжают для установки и пуска наладки импортного оборудования, обучения персонала и управления добычей. И даже разнорабочих можно успешно привлекать из других стран — таджики и узбеки не дадут соврать.

Это значит, что собственный народ для сырьевой экономики не нужен вообще — ни большой, ни малый, никакой.

Добычу сырья можно целиком и полностью вести контрактно-вахтовым методом. Собственно, оно и сейчас так происходит на многих месторождениях — там работают не местные жители, а приезжие, просто сейчас рабочие месторождений приезжают из разных регионов России, а могут с тем же успехом приезжать из других стран: разнорабочие — из стран ближнего зарубежья, специалисты высокой квалификации — из дальнего.

Постоянно растущая автоматизация дополнительно снижает потребность в обслуживающем персонале. Когда-нибудь большая часть транспорта будет управляться автоматикой, а управлять самой автоматикой можно будет удалённо, в том числе из других стран, поэтому персонал будет нужен главным образом для пуска наладки, а ее будут осуществлять сотрудники компаний — поставщиков оборудования, то есть иностранных компаний.

Это означает, что потребность сырьевой экономики в народе, которая и сейчас очень небольшая, со временем исчезнет совсем.

Уже сейчас около 90% населения с точки зрения сырьевой системы являются иждивенцами, балластом, помехой в получении максимальной прибыли от добычи и экспорта сырья. Постепенно балластом с точки зрения сырьевой системы станет весь народ.

Как решает эту проблему руководство сырьевого государства?

Премьер-министр советует тем, кому не хватает денег (а их не хватает абсолютному большинству населения) заниматься бизнесом. Это означает, что власть пытается сделать так, чтобы народ сам решал свои проблемы, сам себя чем-нибудь занимал, сам себе создавал рабочие места, избавляя сырьевое государство от лишних забот.

Власть пытается отделить народ от сырьевого государства, чтобы он — народ, который этому государству становится не

нужен, — жил сам по себе, максимально самостоятельно, не обременяя государство и сырьевую экономику своими проблемами.

Президент призывает строить цифровую экономику, но при этом на практике систематического преобразования сырьевой экономики в какую-либо более совершенную форму не осуществляется — это тоже всего лишь призывы к народу, чтобы он сам строил себе какую-то отдельную от сырьевого государства экономику, в которой он сам себя будет чем-то занимать.

Проект дальневосточного гектара тоже относится к попыткам чем-то занять народ, который сырьевому государству становится не нужен. Одно из предложенных государством занятий — ехать на Дальний Восток, получить гектар земли и самостоятельно на нём что-то делать, причем наиболее простое и доступное занятие на одном (!) гектаре земли — это элементарно окопаться.

Все эти призывы — заниматься бизнесом, строить цифровую экономику, ехать на дальневосточный гектар — сводятся к одной простой мысли: избавить сырьевое государство от народа, который ему больше не нужен.

Сырьевое государство вынуждено платить пенсии, зарплаты учителям и врачам, содержать огромную армию чиновников для работы с многомиллионным населением — это всё для сырьевой экономики совершенно не нужно, это лишние траты, которые понижают прибыль, получаемую хозяевами сырьевой системы.

Власть пытается всеми способами оптимизировать затраты сырьевой системы, свести их к минимуму. Для этого провели пенсионную реформу, которая переложила заботу о будущих пенсиях с государства на частные пенсионные фонды (то есть на самих граждан). Для этого планируют повысить пенсионный возраст, чтобы пенсионеров стало меньше. Для этого отменили индексации пенсий работающим пенсионерам. Мол, они работают на себя, а не на сырьевое государство — зачем на них тратить?

Сырьевое государство пытается всеми способами уклониться от участия в решении проблем народа, в обеспечении его работой, образованием, медицинским обслуживанием, жильем и так далее.

Для чего создают платные дороги? Для чего ввели систему Платон? Для того же — чтобы народ сам начал строить себе дороги, чтобы сырьевое государство постепенно перестало тратить средства на содержание и развитие инфраструктуры.

Аналогично с жилым фондом — введены счета для сбора средств на капремонт, чтобы жильцы сами копили на ремонт

зданий. Скоро наверное введут счета, на которые будут собирать средства на строительство мостов, школ и больниц, чтобы все социальные объекты и инфраструктуру строили сами жители, которым это нужно и у которых есть средства за это.

Разрушение системы образования — тоже следствие того, что сырьевому государству не нужен народ. Зачем тратиться на систему образования, если народ не нужен, а специалистов для работы в сырьевом секторе всегда можно найти за рубежом?

Сырьевое государство пытается всеми возможными способами избавиться от народа.

Избавиться от народа физически невозможно — это приведет к гражданской войне с непредсказуемыми последствиями, поэтому сырьевое государство избавляется от народа в неявном виде — выводит народ за государственные скобки, сокращает свое участие в решении проблем народа, сокращает свои траты на народ.

Резкое понижение курса рубля в конце 2014 года преследовало именно эту цель — сократить затраты сырьевой системы на содержание народа. Размер бюджета в рублевом выражении сохранился, однако в пересчете на доллары он сократился в два раза, таким образом нагрузка на сырьевую систему, получающую доход от экспорта сырья в валюте, одномоментно снизилась вдвое.

Сырьевое государство пытается незаметно избавиться от народа, постепенно отказываясь от своих обязательств перед ним, бросая народ на произвол, предоставляя его самому себе, перекладывая на него все его проблемы.

Отсюда рост нищеты — народ не может обеспечить себя работой, будучи брошен государством и оказавшись в условиях сырьевой экономики, при которой всё, кроме добычи сырья, оказывается нерентабельным.

Заниматься бизнесом? А каким?

Какое производство можно строить в условиях, когда рынок отдан на откуп транснациональным корпорациям, с которыми не может конкурировать ни один российский производитель?

Работать в сфере услуг? Но для оказания качественных услуг нужны хорошие инструменты, оборудование — на какие средства его покупать? Для оказания качественных услуг требуется хорошее образование, а система образования разрушается и становится платной. Для оказания услуг нужны клиенты, а где их взять, если деньги обесцениваются, народ беднеет и поставщиков услуг становится больше, чем клиентов?

Какое-то количество работает в сфере управления и информационных технологий. Но занять весь народ в IT-сфере невозможно, точно так же, как нельзя занять весь народ в сырьевом секторе.

Даже в сельском хозяйстве и производстве продуктов питания невозможно эффективно занять сколько-нибудь значительную часть народа, потому что при современных технологиях один работник сельского хозяйства обеспечивает продукцией от 50 до 100 человек. Это значит, что в сельском хозяйстве можно эффективно занять не больше 2% населения, и если занять больше — оно станет неэффективно, а значит, стоимость продукции будет выше импортной и в условиях рыночной экономики она опять же станет никому не нужна.

К этому нужно добавить климатические и логистические издержки — большие расстояния, связанные с этим высокие затраты на строительство дорог и прочей инфраструктуры, а также холодный климат на большей территории России.

Всё это ведет к тому, что народ, который оказывается брошен сырьевым государством, предоставлен сам себе — либо уезжает (кто в Москву, а кто и за рубеж), либо беднеет.

Лишь небольшая часть, порядка 10%, находит узкие ниши, в которых удастся создавать и вести бизнес в соответствии с советом премьер-министра, однако этот бизнес либо связан с обслуживанием сырьевой системы, либо... постепенно приходит в упадок по мере сокращения покупательской способности населения и снижения платежеспособного спроса.

Сырьевая система неуклонно стремится к тому, чтобы прийти в идеальное для нее состояние, когда все издержки связаны непосредственно с добычей сырья и больше ни с чем, когда затраты сводятся к импортному оборудованию и оплате труда нескольких миллионов специалистов, многие из которых могут быть приезжими и работать вахтовым методом, а руководство может и вовсе работать удалённо.

В идеальном для сырьевой системы состоянии никакого народа нет — есть только наемный персонал, причем рост автоматизации позволит этот персонал постоянно сокращать. К этому состоянию сырьевая система и стремится.

Система очень велика, поэтому ее движение к состоянию «без народа» происходит довольно медленно, и не все могут это заметить. Но движение идет.

И в этом главная беда сырьевой системы — беда для нашего народа.

Беда в том, что мы с вами для этой системы не нужны.

Мы нужны только на промежуточном этапе в качестве избирателей, чтобы голосовать за сохранение этой системы, за

перевыборы представителей этой системы, которые будут планомерно отделять сырьевое государство от народа, а народ от сырьевого государства.

Сейчас мы пока еще нужны, чтобы сходить и проголосовать за сохранение системы в очередной раз. И через 6 лет будем нужны. И через 12 еще будем нужны.

Но если система будет сохраняться достаточно долго, однажды она окончательно избавится от народа — если не от всего, то от его значительной части.

На самом деле от половины народа система уже избавилась.

Когда был ликвидирован СССР — система сбросила примерно половину советского народа, оставив себе только население РСФСР. Жители Украины, Белоруссии и других республик — это те, от кого сырьевая система избавилась в 1991 году, стремясь сократить нагрузку.

Миллионы тех, кто уехал из России за последние 26 лет — тоже часть народа, от которого система избавилась, только другими методами.

И система продолжит избавляться от народа. Одни уедут, другие окажутся отделены, третьих просто не станет в силу возраста. Остальных выведут за скобки сырьевого государства и предоставят самим себе — примерно так же, как американских индейцев предоставили самим себе, загнав в резервации, где они теперь живут отдельно от возникшего на их территории государства.

И если мы не хотим этого, если мы не хотим оказаться в резервациях на территории наших предков, если мы не хотим быть выделенными в новые квазинезависимые республики, чтобы потом оказаться в ситуации Донбасса, — мы должны задаться вопросом:

Если мы не нужны сырьевому государству, то зачем оно нам?

Зачем нам сырьевая система, если мы ей нужны только в качестве избирателей на переходный период, пока эта система не избавилась от нас окончательно и бесповоротно?

Что нам эта система дает такого важного, чтобы мы придерживались ее? Делает ли она нас богаче? Нет, только беднее. Делает ли она нас умнее? Нет, только глупее. Делает ли она нас свободнее? Тоже нет, вся ее свобода — это освобождение государства от народа и народа от средств существования.

Так зачем нам такая экономическая система, которая привела к формированию сырьевого монстра, которому не нужен народ?

г. Новосибирск

ДУСЬКИНА СОЛЬ

РАССКАЗ

В наш электронно-нановый век решится на такое не каждый. Захар решил после нескольких бессонных ночей. Рано утром он не спеша вышел в свой дворик, хмуро глянул в светло-серую полынть неба. Рассвет весело и привычно тушил звезды. А Захару было муторно. Будоражили ночные кошмары. Захотелось хлебнуть чего-то кисленького, лучше бы сквашенного молока. С горечью вспомнил, как недавно почти задарма по пьяни продал разговорчивым цыганам на мясо свою Зорьку.

В голове да и внутри стало ещё хуже. Отломил кисть виногограда, пожевал. «Запах вкусный, — отметил мужик. — Но сам вкус вроде бы и не того... не как запах. Видать, я сам не тот. Напиться, что ли?» — спасительно подумалось. Мысль эту осадил на самом взлете:

— Будя!

Тут к нему с рассветного неба спустилось это самое решение. Он поспешно зашагал прямо через улицу к Дуське. На ходу размышлял: «Надо. Надо».

ПРОЗА

Тормознул у соседского двора. Нечаянно мельком глянул на мощное, почти в два обхвата дерево. С тайной завистью прошептал, глядя на урожай:

— Гарные орехи у этой несчастной. Крупные, прям яблоки на продажу. Дурында Дуська не собирает. Надо ж каждые полчаса собирать. — Он быстро нагнулся и по привычке похватал манящие орехи, определив их в карманы прошловековой брезентовой куртки, бубня себе под нос: — С неё не убудя. Все равно пацанва сгребёт. Они сейчас похлеще цыганвы.

Еще раз сердито метнул взгляд на мощное дерево:

— Ишь, разросся, великан хренов. Не сломался зимой, расплодился...

Великан снисходительно шелестел опалёнными солнцем листьями. Захар вслушивался. В голове возник едкий вопрос: «Об чём ета они тама шепчутся? Ладно, пока шепчитесь. Скоро вам всем амбец будя. Вон как подгорели. А можа, и нам всем...»

Мужик жадно глотнул хмеляще-густой ореховый настой. Малость полегчало. Отметил вслух:

— Воздух-то наш сельский, как первач.

Листья великана на миг смолкли, вслушиваясь в недобрый голос старика. Деревья издревле научились понимать добрые и недобрые слова людей.

Захар досадливо топтался на месте, забыв, зачем сюда пришёл. Вспомнил! Съёжился весь, но решительно открыл Дуськину калитку. Лежавший возле своей будки пёс проводил его недобрый взглядом, чуть рыкнул, но признал.

Тихо войдя в дом, Захар враз заживо обмёр от увиденного. Лохматые брови самопроизвольно поползли вверх, а мутновато-серые глаза округлились значительно; мясистый нос из красного почему-то превратился в сизый; на покатом лбу от напряги самопроизвольно появились солоноватые капли; даже скомканная в руках засаленная фуражка-восьмиклинка стала жечь ладони.

Дуська соседка брала из пачки щепотки соли и швыряла на стенку. Захар расслышал:

— Соли вам, соли от сглазу и проказу...

Гость испуганно глянул на стенку. В голове пронеслось: «Сдурела баба. В честь чего это она солит стенку, как овощи? Точно сдвинулась». Не выдержал, кашлянул, потому что горло перехватило.

Дуська, чуть обернувшись, даже не остановила своего взгляда на Захаре и, продолжая солить стенку, просто сказала:

— Вот, снимаю порчу.

Захар внимательно посмотрел и заметил висящие на стене газетные личности. Подумал, ухмыляясь: «Дожились, бедненькие богатеи». Покрутил головой.

А Дуська с болью, как бы разгадав, о чём думал гость, грозно отметила:

— Гребут эти верхачи под себя. Ну, как куры. Только куры не порчены... А ты, Захар, чо так раненько пришёл?

Вспомнив дело, мужик обмяк и понуро сказал:

— Да я того... ну, заскочил, кажись, тож за солью. Ага, за ней. Ты, Дусь, и на меня сыпани малость из этой пачки.

Дуська нахмурилась. Тихо спросила:

— Зачем? Ты ж не они.

— Да я тож... как они, порченный. Это я твою корову малость того... чтоб она молоко стала терять тама, в поле...

Дуська мучительным взглядом насквозь пронзала Захара. Молчала. Затем отрешённо выдохнула:

— А я и знала об этом, соседушко. Догадывалась.

— Прости меня. Прости ради Бога, Дусь, за грех коровий мой. Бес попутал. Я того...

— Бог простит, — перебила пожилая женщина. — А корову свою я вылечила, как бабушка учила, молитвой и солью. Поправилась коровка-то. Вот пробую, можа и людям помогну. Ставай сюда, к стенке, ставай. Раз сам пришёл, то ты ишо человеком остался.

Захар покорно стал, загородив головой и плечами разноцветные гладкие личности депутатского счастья и несчастья. Дуська отошла к окну, тихо сказала:

— А вы, кажись, схожи чем-то. Хотя... образины у их и тебя вроде разные. Схожесть порчи выдает.

Сосед молчал. Замком сцепил невидимые под усами губы. Стыд мучительно захлестнул всё его существо. Дуська, чуть отвернувшись, что-то скороговоркой бубнила и при этом щепотками сыпала соль на соседа, затем гневно и громко произнесла:

— Запрещаю тебе, бес проклятый, быть в голове Захара! Поди в свое место, а место твое — ад. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Он влип в стенку, стоял не шелохнувшись, пристыженно склонив голову.

— Всё, — сказала Дуська. — Иди.

— Куда? — глупо спросил сосед.

— Домой, человече. Домой. С Божьей помощью порчу-то я с тебя сняла. Теперя надо, чтоб ты сам себя почистил, свою порчу.

— Чем? — опять бестолково спросил сосед. — Солью? Как ты?

— Молитвой, молитвой, человеке. А какой — не спрашивай. В церкву сходи и там покаяйся. Молитвой. Молитвой, грешник. — Дуська перекрестилась: — Прости меня, Боже, сама-то грешна...

Сосед задумался. Молчал. На заросшем щетиной лице маленькие глаза-буравчики ожили. Резко отступив от стены, Захар в полуоборот глянул на портреты деятелей, презрительно сказал:

— Нет, я — не они.

— Ну да. Ты — лучше, — насмешливо откликнулась Дуська.

— Почему? — насторожился осмелевший «порченный».

— Ну, они, сам видишь, не натуральные. А ты, соседушко, внатурошный.

Неожиданно «внатурошный» спросил:

— Дусь, а ты знаешь, какой самый сильный наркотик губя их? — Захар презрительно указал на висящие портреты. — Они, по-моему, все наркоты. Точно — наркоты.

Дуська оторопела:

— Ты чо? Какие они наркоты? Не туда оглоблю гнёшь. Гляди, с брички слетишь, соседушко. Такое бывало и будя.

— Не пужай. Да я не про то, — губы Захара растянулись в презрительной улыбке. Глянув на суровое лицо женщины, уже мягче продолжал: — Брички-то у меня давно нету. Продал вместе с конем. А у этих, — он кивнул на стенку, — у всех иномарки. Они, Дусь, почти все промышляют властью, как наркотой. Власть, она тоже — бизнес. Поняла?

— Нет. Не поняла и понимать не буду. Не хочу.

— А надо бы и понимать, — глухо произнес Захар, затем жестко продолжил: — Да власть и есть самый сильный наркотик в мире!

Дуська нейтрально пожала плечами:

— Можя, оно так, а можя, и нет. Власть, она на испытание человеку Богом дадена. Кто проходит такое, а кто и нет. Болея. Вот полечу и их с божьей помощью, а потом сниму со стенки. — Подойдя к портретам и вглядываясь в лица хозяев жизни, вскрикнула: — Ой, брешу я. И меня бес попутал. Вот этот, — указала пальцем, — он... не того, не порченный. Наш Ставропольский край этот депутат поднял по молоку. Обогнали мы краснодарцев, Захарушка, обогнали. Надо убрать его отсюда, — приглядываясь, продолжала: — Он точно не ты. От него идет другой свет. Он же по молоку...

Захар хмыкнул.

Дуська сердито заметила:

— Не хмыкай. Наш край, Ставропольский, звался хлебницей Россиюшки. Да и по молоку держали первенство. Знаешь, слышал про Ульяник Марию Ивановну с Юцы? Как она хребтом своим ордена и медали завоевала в сельском хозяйстве? Так слышал об ней?

— Нет.

— Ну да. Ты ж окромя себя самого кого-нибудь признавал? — наступала Дуська.

— Жёнку признавал, — угрюмо промолвил Захар.

— Ну, слава Богу, хоть одну, — Дуська перекрестилась: — Царство ей небесное. Отмучилась.

— Угу, — согласился Захар. — А мы ишо нет, — сердито ткнул пальцем на портрет. — Тебе-то от этого деятеля молочного что — полегчало? Скажи, полегчало?

— А тебе, Захарка, как?

— Как мертвому припарка.

— Не бреши. Тебе лично в данный момент должно полегчать. И не гляди так сурьёзно. Да не от молока ставропольского, а от молитвы моей. Что, я зря...

— Погодь, погодь, — перебил Захар, вслушиваясь в себя. — Кажись, и полегчало... вроде...

— Вот и им полегчае, — тихо промолвила Дуська.

Сосед хотел уйти, но почему-то неловко топтался у порога. А почему — и сам не понимал. Запах коровьего молока упорно тормозил его. С надеждой глянул в угол, откуда шёл аромат.

Дуська, перехватив взгляд, деловито объяснила:

— Мой бизнес, соседушко. Счас приедут, заберут. Налить? Хочешь попробовать?

Захар молча кивнул головой.

Дуська щедро зачерпнула густое сквашенное молоко с поджаренной корочкой каймака.

— На, пей, грешник, на здоровье. Пей, человек.

Он жадно глотнул раз, другой. Больше не смог. Чуть наклонив голову, сипло выдохнул:

— Спасибо тебе... — и вышел, да не вышел, а выскочил и снова оказался рядом с могучим великаном. От озорного ветерка «верхняки» (как обозначил их Захар) опять шуршаще толковали о чём-то своём. Захар вслушался, ничего не поняв, изрёк:

— Значитца опять шепчетесь. Ладно. Шушукайтесь. Вам, как и Дуськиным газетным верхнякам, будя каюк. — Захар пошевелил губами, подыскивая слова, продолжил: — Слетите и вы от древа жизни. Отпадёте. А как же ж? Да и самой вашей жизни настанет каюк, — взглянув на великана, уже

почтительно проговорил: — А нам с тобой ишо каюк не наступя. Мы с тобой, старичок, ишо того, ну, поживем для пользы землян, а можа и неба.

Захар отстранённо вслушался в свои слова. Смутился. Подойдя к великану, молча положил шершавые ладони на ствол. Стоял, не шелохнувшись. От соприкосновения с деревом шли мурашки по телу.

— Лады, будя, — выдохнул старик и резко опустил руки. Шершавые ладони, коснувшись карманов куртки, быстро отскочили в стороны. В голове пронеслось: «Попался, халвящик, с поличным... Надо вертать краденое. Надо. Я же не они».

— О-о-о, я, кажись, избавляюся от своей порчи. О-о-о, и голос-то мой, кажись, меняется. Точно, — перекрестился: — Это Дуськина молитва меня так прошибла... Точно...

Он быстро выгреб из карманов орехи и аккуратно положил их к стволу великана.

— Забирай, хозяин, — не моё...

Густая крона ореха зашелестела. Лиственный говор звучал отовсюду: и с верха, и с низа, и даже с ещё зелёной середины могучего дерева. Такое шуршание ему вроде бы и понравилось.

Захар по-иному слушал и даже молчал по-иному. Говорить ему расхотелось, может, потому, что в голове его что-то тоже зашелестело, а может потому, что это был иной Захар.

Станица Марьинская Ставропольского края

МАРУСЯ

РАССКАЗ

Зажиточным было село Боголюбово: хотя кулаков после нападения на ревком всех до одного расстреляли за околицей у оврага, подкулачников с семьями выселяли аж на пятнадцать подводках. Село стонало: под зычные крики конвоиров — плач детей, причитания баб и отборный мужицкий мат.

— Данила и Анна Хованцевы с детьми, выходите! — У калитки стоял небольшого роста рыжеволосый комсомолец Никанор, наш сосед по улице.

— Власть почуял... — отец, уже готовый в неблизкую дорогу, поднялся с лавки. — Пойдем, что ль?..

Семья потянулась к дверям.

— Ну, что, Анна, не пошло тебе впрок Хованцевское добро! — Никанор стоял, широко расставив короткие ноги, и ехидно ухмылялся. — Вот пошла бы за бедняка, не пришлось бы из родного села на выселки удаляться.

Всех вас, кулацкое отродье, погоним куда Макар телят не гонял!

— Это за тебя, што ль, надобно было мне идти? — Анна холодно смотрела своими стальными глазами на зарвавшегося мужичка. — Да

ПРОЗА

вернись всё назад, я снова пошла бы за Данилу. Прощай, Никанор, ты своё дело сделал.

Когда ехали семьями на подводах, мама держала на руках младшего, отец среднюю сестричку, а Маруся сидела между ними. Вещей было совсем мало, остальное велено было оставить. Немного еды на первое время и кое-какая теплая одежда — вот и все, что было. До станции добирались как-то особенно долго, а может быть, им так показалось. Очень уж мрачным было небо над ними, и все время моросил дождь. Люди на подводах сидели тихо; только колеса скрипели, да возницы изредка погоняли лошадей. Даже конвоиры молчали, нагавкавшись.

Вагоны стояли с раскрытыми дверями, страшно зияя темной пустотой. Ручейки подвод медленно стекались на станцию. В каждый вагон грузили по пятьдесят человек. Когда ехали, Марусе казалось, что люди в нем заунывно колыхаются в такт колесам. Та-там та-там, та-там, та-там...

Сама не заметила, как уснула. Приснился дедушка Данила — папу назвали в его честь. Дедушка мчался на своей любимой тройке, запряженной в красивую бричку, стоя во весь рост и крутя кнутом над головой. Молодецкая удаля еще играла в нем, уже почти полностью поседевшем. У дедушки были книги, не только церковные, но и простые, художественные. Маруся рано научилась читать, и ее первой книгой было «Путешествие Робинзона Крузо». Проснувшись, она решила, как Робинзон, отмечать зарубки на дощатой вагонной стене после каждого дня маленьким перочинным ножиком.

К концу поездки их наберется больше девяноста.

Их везли три месяца. Домашняя еда закончилась быстро, но главное — не было воды, и взять ее было негде.

— Пить, дай пить, — слышалось практически из каждого угла. Дети просили пить постоянно, изводя родителей.

Однажды какой-то мужчина не выдержал и бросился к выходу, крича охраннику, чтобы разрешил набрать воды на остановке. Спрыгнул с подножки, и все услышали выстрел. Приказано было расстреливать на месте всех, кто пытался выйти из вагона.

Помнит Маруся, что тогда она чуть ли не завидовала этому человеку, который больше не будет страдать от страшных условий, в которых они оказались. Марусе было тяжело переносить невыносимый смрад, стоящий в вагоне, битком набитом людьми. В результате такой скученности начались болезни, и люди стали часто умирать.

А ещё — холод! В вагоне было две печки-буржуйки. Пока они горели — было тепло, но как только гасли, тут же распол-

зался этот ненавистный враг. Дрожь пробирала до костей. Сначала дети плакали, потом сил у них не стало.

Среди первых умерших детей была средняя сестричка Хованцевых. Охранники забрали все тела. Люди шептались, что их просто выбросили на насыпь. Мама не верила, говорила, что не по-христиански это. Должны похоронить. Папа молчал.

Везли долго. Людей в вагоне значительно убавилось и еды стало хватать.

Наконец прибыли на место...

Страшная голая степь, покрытая снегом, вдали — холм, который здесь назывался «сопкой». Долго шли пешком к ее подножию. Здесь определили им жить. Как жить? Где? Ни жилья, ни помощи. Ночь Хованцевы, как и все, просидели на голой земле, прижимаясь друг к другу, укрывшись всем, что было из вещей. Мужчины разожгли костры. Кое-как переночевали. Утром стали рыть землянки в мерзлоте. Самая главная трудность — найти, чем укрыть яму. Каждая найденная дощечка — на вес золота. Соседи попытались оторвать указатель с обозначением этого пункта спецпоселения, за что были биты конвоирами. Решили крыть караганником и присыпать землей. Этот караганник был похож на желтую акацию, только очень маленькую. С едой и водой по-прежнему было плохо. Дети пили из каждой лужи, которая попадалась на пути. Набрать воду было не во что, ведер не было, поэтому мыться и стирать ходили километров за семь. Каждое утро приносило новую смерть.

Как-то папа разбудил Марусю среди ночи, велел одеться и идти с ним. Когда забрезжил рассвет, они были на станции. Там оказался всего один отъезжающий.

— Послушай, друг, отвези девочку в детдом. Богом прошу, погибнет ведь.

— Да ты что! Куда она мне. Мне ж за это отвечать придется.

— Скажешь, что нашел на станции, беспризорница. В любой ближайший детдом сдай. Понимаешь, после смерти средненькой, жена умом повредилась, а у нас еще грудной на руках. Маруся сама себе предоставлена, я на работе целыми сутками. Пропадет ведь девчоночка. Неужто не жаль тебе дитя безвинное. Не бери грех на душу, помоги...

И вот снова вагон, только не такой страшный, как первый. Перед уходом папа сунул Марусе сверток с хлебом, который ему удалось собрать за несколько дней, отрывая от своей скудной пайки. Она вцепилась в его плечи мертвой хваткой, колючая борода царапала ей лицо, но Мару-

ся не обращала внимания. Как будто пытаюсь запомнить родной запах, она не отрывала свое лицо от отцовской шеи. Он отодрал ее пальцы от телогрейки и ушел быстро, не оборачиваясь.

Забившись в дальний угол на верхней полке, Маруся, как испуганный зверек, не издавала ни звука. Какое-то шестое чувство подсказало ей не привлекать к себе внимания, ничего не просить, заставить забыть о себе. Наверное, в ее состоянии, после разлуки с родными и всего пережитого, это было просто естественным поведением. Она как будто спала наяву и грезила о своей прежней жизни.

Проснувшись однажды утром, Маруся обнаружила, что осталась совершенно одна. Попутчик не стал ее будить и тихо ушел, оставив на попечение случая. Случай явился в образе старичка — служащего железной дороги, который обходил вагон. Маруся, по обыкновению, хотела спрятаться под лавку, но он опытной рукой ловко схватил девочку за шкирку и вытащил на свет.

— А погодь-ка, погодь, куда собрался, постреленок! Ой, да ты девчонка, ну не реви, не реви, не обижу, — старик взял ее за руку и отвел в милицию.

— Вот, принимайте гражданку! Путешествовала без билета и паспорта. Откуда и куда, говорить не изволит.

— Ничего, у нас заговорит, — милиционер почесал карандашом за ухом, — вот сейчас документики оформим и поедешь в детский дом. Там вас много таких. Небось, Родина вырастит. Будешь еще спасибо говорить за своё счастливое детство.

В детском доме по своей новой привычке Маруся не издавала ни звука. Ее помыли, остригли «наголо» и одели в серое. Так здесь выглядело большинство. Поначалу ей казалось, что это одна сплошная серая масса. Маруся не различала лиц, не понимала слов, двигалась как автомат. Утром — подъем, на зарядку, потом умываться, завтракать, учиться... Как заведенный часовой механизм. Тик-так, тик так.

Но однажды он сломался.

— Ну, чего разлеглась, — давай, подымайся, школу пропустишь, — осторожно прикоснулась к Марусе нянечка, — Ой, да она вся горит! В больницу надо.

Утро. В открытое окно влетает свежий, пахнувший сиренью ветерок. Молодая зеленая трава ласкает взор. Петух хлопает крыльями и кричит. Маруся дома. Пахнет свеженадобренным молоком и печеным хлебом. Сейчас мама войдет и разбудит.

— Девочка, просыпайся. Просыпайся, уже нет температуры у тебя. На поправку идешь, скоро в детдом выпишем.

Нельзя сказать, что это Марусю сильно обрадовало. Оказалось, что всё — просто сон.

В детском доме, заметив какую-то неуловимую перемену в ней, воспитательница взяла ее за руку и отвела в кабинет директора Ивана Порфирьевича.

— Ну-с, барышня, рассказывайте, кто вы, откуда, где ваши родители, как вас зовут...

— Маруся. Мы жили в большом селе. Нас посадили на подводы и отправили на станцию. Долго ехали в вагоне, а потом жили в землянке. Однажды папа снова отвел меня на станцию, и я опять ехала в поезде. А какой-то старичок привел меня в милицию.

Директор детского дома задумчиво кусал карандаш. Видя, что Маруся честно рассказывает о себе и своем прежнем житье-бытье, расспрашивал долго, попутно делая пометки в блокноте. Нянечка принесла чай и бутерброды. Это привело Марусю в еще более разговорчивое состояние. Она была возбуждена, щеки ее покраснелись, глаза светились. Впервые за долгое время она почувствовала себя живой!

Вскоре после чая голова Маруси опустилась на стол, и она задремала. А Иван Порфирьевич, бывший преподаватель школы-семилетки, мобилизованный Красной Армией, а теперь служивший на таком непрестом посту, — сидел за столом, обхватив седую голову с поблескивавшими круглыми очками, мучительно думал, как поступить, чтобы не сделать хуже этой малышке, уже принявшей на свою долю слишком много того, чего не должны переживать дети.

К утру решение созрело и оформилось. Вспомнив о директорстве прошлого, 1930 года, по которой разрешалось вывозить детей спецпереселенцев до десятилетнего возраста из мест высылки, директор написал письмо в сельский совет по бывшему месту жительства девочки.

В далекую Воронежскую область письмо из-за Урала шло три месяца. Ровно столько, сколько Маруся ехала в Караганду.

После «битвы за урожай» осень только-только входила в свои права. В Боголюбовском сельсовете тишина и порядок. Никанор, исполнявший обязанности захворавшего председателя, устало разбирал полученную почту. Письмо директора детского дома лежало последним.

Никанор читал его и не понимал прочитанного.

«Маруся Хованцева, семи лет, проживавшая на территории вашего сельского поселения, находится в детском доме...»

Заворочились переживания, до сих пор не дававшие жить спокойно. Как долго он пытался усмирить их мутную взвесь внутри себя! И вот она снова поднялась... Как видно не будет ему покоя. Всю свою жизнь расплачиваться ему за этот грех. Кулаки кулаками, но дитё безвинное...

Погруженный в невеселые размышления, Никанор запер сельсовет и побрел домой.

Дома лучше не стало. Одинокому мужчине вообще дома хуже, чем на людях. Быт неустроенный, еду никто не приготовит, ласковым словом не встретит.

Бессонная ночь помогла принять решение. Он начал собирать вещи в дальнюю дорогу. Председателю объявил, что хочет наладить свою новую жизнь по зову партии на рудниках знаменитого «Дальстроя».

— Оно, конечно, везде люди живут, но ты всё ж таки крепко подумай, Никанор, куда тебя нелегкая несет, — председатель крутил потухшую самокрутку в руках, — И чего тебя на Север-то потянуло?

— А мне какая разница, где век вековать. Один я, гол как сокол. Поеду золото намывать для строительства коммунизма! Россию посмотрю, может, денег заработаю. Душа моя беспокойная, гонит с насиженного места. Выдай ты мне паспорт, Христа ради. Не получится — вернусь. Хату продавать не буду. Хочешь — сдавай ее желающим. Всё какая прибыль. Вот тебе ключи.

На том и порешили.

Попрощавшись, Никанор, считай налегке, отправился напрямиком по адресу детского дома, где проживала Маруся Хованцева.

Директор детского дома встретил Никанора радушно. Усадил за стол, чаем напоил.

— Как я рад, что у Маруси нашлись близкие люди. Вы проведать или как?

— Дык, это, забрать я её хочу. Больно далеко ехать проведывать каждый раз. Она хошь и не родня мне, а всё ж с одного села. Нет у её больше там никого. Померли все. И я одинокий совсем. На старости лет будет мне опора.

— Ну, что ж, закон этого не запрещает... Главное, чтобы Маруся не была против.

Привели Марусю. Она поглядела на Никанора, и обмерла. Узнала девочка комсомольца, который из родной избы их семью выселял.

— Дозвольте, товарищ директор, нам с Марусей наедине поговорить.

— Ну что ж, поговорите. Маруся, я в соседней комнате вас подожду.

— Ты вот что, девочка, не пужайся меня, дурака, — угнувшись, тихо сказал Никанор. — Нет мне покоя с тех пор, как тебя и других детишек умирать мы обрекли в тогдашней горячке. Классовая борьба не шуточное дело. Под горячую руку, случалось, раскулачивали и середняков, и бедняков. А по вам, по мальчикам, по моему пониманию и вовсе перегиб вышел. Теперь ни спать, ни есть спокойно не могу. Жизни нет. Поедем со мной. У тебя ведь нет никого теперь.

— А дедушка Данила?

— Помер он, царство небесное, — Никанор истово перекрестился, отведя глаза.

Маруся тяжело вздохнула. Недобро посмотрела на Никанора и медленно произнесла.

— Я с тобой поеду, но, если ты обижать меня будешь, вот те крест — сбегу! Мне теперь бояться нечего.

— Да что ты, Бог с тобою, дитя неразумное. Почто ж мне тебя обижать-то. Я тебя как родную пестовать буду. Выращу, выучу, будешь всем довольна.

— Ну, что вы тут? — вошел директор — На чем остановились?

— Маруся решила. Едем мы с ней домой, — будто груз тяжелый упал с Никаноровых плеч.

— Хорошо. Оформлю документы и завтра можете забрать девочку.

Заплакал Никанор, некрасиво отфыркиваясь.

Поглядел искоса на директора.

— Ты, того, член партии?

— Да, товарищ, — строго сказал Иван Порфирьевич.

— Тогда отвернись на минутку.. Отвернись, Христа ради...

Директор пожал плечами и отвернулся.

Никанор рухнул на колени и трижды перекрестился.

Когда встал, судорожно протянул директору свой комсомольский билет.

— Сдай, кому положено. Скажешь, что нашел случайно.

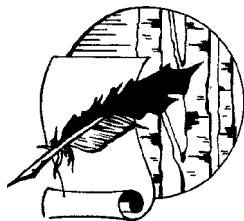
Украинская Луганщина встретила Никанора и Марусю радушно. Зима здесь была намного мягче, чем в родных краях. Да и Никанор не обманул, что будет с ней заботлив и внимателен: накупил вещей красивой девочке и шубку теплую, так что Марусе уже больше не было холодно. Вскоре нашлась добрая женщина, которая согласилась войти в дом Никанора хозяйкой.

Счастливы они были недолго. Через шесть лет мир перевернулся. Не стало мира. Никанора призвали в армию. Только он погиб, не доехав до фронта — поезд с его частью попал по пути под бомбежку.

Как ни кажутся долгими наши года, отшумела, пролетела и жизнь Маруси. Однажды, в короткие часы между ставшими уже чуть ли не привычными обстрелами украинскими «градами», она, с трудом переставляя ноги, подошла к своему маленькому старинному чемоданчику. Там лежала ее первая книга «Жизнь и необыкновенные приключения Робинзона Крузо...». Открыла первую страничку. «Как бы ты, Робинзон, смог пережить мои необыкновенные приключения?», — усмехнувшись, подумала Маруся. Легла на кровать и принялась читать давно известный текст. Перед глазами разворачивался морской простор, вдали — остров. Почему-то на острове вместо Робинзона стояли очень знакомые фигуры. Вот дедушка в хромовых сапогах держит под уздцы вороного. Мама баюкает младенца на руках. Папа держит за руку четырехлетнюю сестричку. Вдалеке Никанор стоит, ссутулясь...

А ее лодочка уткнулась в песок рядом с ними.

г. Лиски Воронежской обл.

Ольга ХМАРА

ГОРЬКИЙ КОЛОС

НАГРАДЫ

Стащили дети, искренне решив,
Что — побрякушки. И безумно рады.
И в чернозёмной вековой глуши
Твои молчат военные награды.

Кричу беззвучно сквозь года: «Не трожь!..»
Но сеют ветер детские ручонки...
По осени взошла густая рожь —
На ордена прислала похоронки.

А ты лелеял мирные поля,
Шёл за сохой на мирный хлеба голос.
И знала только мудрая земля,
Какой здесь горький вызревает колос...

* * *

На билет оставлю грошик.
Не в четверг, так, значит, в среду —
Листопадом иль порошей
Я соскучусь и приеду!

Не от кóрысти себе я
Напридумывала участь
Дерзкой смелости, робея:
«Вот, приеду... вот, соскучусь...»

И с тобой, мой грешный, ссора
Не испортила обедни.

Вот совсем, совсем уж скоро
Я взбегу на свой, последний!..

И тоске твержу в угоду:
— Вот, приеду я, ей-богу!..
Но кассир билет не продал —
Поезд позабыл дорогу.

* * *

Там тень моя осталась и тоскует..
А. Ахматова

Пять месяцев уже — не вместе.
Тоску держу в горсти.
Моей вовек пребудешь песней.
Прости меня, прости...

Такие по судьбе разломы,
И некому пенять.
Пять месяцев уже — не дома.
Мой дом забыл меня.

Но всё ещё привычно служат,
Не отменив родства,
Воркутские снега и лужи,
И вещие слова.

Стихов кружит над домом стайка —
В черновиках — тесней.
Не бойся, юная хозяйка,
Игры теней.

Вари для винегрета свёклу,
Не зажигай огня.
Случайно отразили стёкла
Меня.

* * *

Всё у тебя непременно получится,
Только не плачь.
Охрой швыряется осень-валютчица,
Каждый — богач.

Вдребезги пусть — это к счастью! — расколота
Прошлого явь.
На-ка, на осени чистое золото
Пробу поставь.

Осень легко разберётся и вывесит
Курсы валют:
Будет без взвеси тот курс и без примеси,
Честен и крут.

Щедро отметить законной монетою
Всех поспешит.
Каждому высветит неприодетую
Пробу души.

КАРТИНКА С НАТУРЫ

Рыдайте по русской бабе!..
Ты что натворил, Иван?! —
Славянка идёт в хиджабе,
Затверживает Коран.

Спокойной идёт походкой.
Сыновнюю плоть — под нож...
А ты упивайся водкой,
А ты недороды множь.

Не слушай в бескрайней сини
Тоску нерождённых душ.
Пропасть помощи России
Дурной, непутёвый муж.

В реке — упыри да жабы,
Вконец запугали баб.
И русские плачут бабы,
И прячутся под хиджаб.

МАРИНА

Что за ужас жестокий скрыт...
М. Цветаева

...И свой обрывая высокий полёт
Во тьме равнодушной глины,
Знала бы только, какой пойдёт
Шум от твоей кончины.

Слетятся в Елабугу — даром глазеть
На след твоего многоточья.
И сколько немедля найдётся «друзей»
Завязтых и так, не очень.

«Конечно, стеченье... Но всё-таки грех...
Уж мы-то её жалели...»
Ты слышишь, наверно, стотысячный брех
В бездомной своей постели.

Страшнее забвенья шальной порок
Поющих тебе осанну:
Бездумно украли отточенность строк
Гитары и фортепяны.

Строки поломавшему строй палачу
Суда нет, и нет указу.
А я о тебе на заре — молчу —
Вечерней и утренней сразу..

* * *

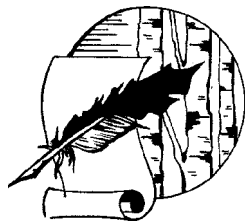
А я могу доверить лишь бумаге
Немыслимый и добровольный срам.
Зовёт Корея: «Принимаем флаги
Любых держав! Все флаги в гости к нам!

И стяги — все, до крохотного гюйса,
Яви Олимпу, разноцветный мир!
Померяемся силой. Только, русам
Под белым флагом выстроить ранжир!»

Идти под белым?.. Как же их отыщешь?!
Для русских флаги белые — срамны.
И полыхнули рдяно полотнища,
Пришедшие с немыслимой войны...

Молчит строка в искомканной тетради.
Молчит Непрядва в тишине полей.
Молчат все те, кто не сдавал ни пяди,
Кто превратился в белых журавлей...

г. Москва

Татьяна ЖИЛИНСКАЯ

И В ЛЮБВИ, И В ПЕЧАЛИ

СВИТЕР

С такую погодой — скорее на печку.
Да надо закончить дорожки письма.
Послушай, единственному человечку
Я свитер связала. Конечно, сама!
Петельку к петельке, ранимо, упрямо,
Секунду к секунде. Затейлив узор.
Когда-то его мне наметила мама.
Не свитер, а просто волшебный ковер!
Безумные птицы, игривые звери,
Роскошные травы... и прочая хрень.
Не мама виновна, а я — что не верю
В счастливый, порядочный, солнечный день.
И в чудо не верю.
И солнечный зайчик —
Всего лишь лукавый, доверчивый блик.
Послушай, ты снова свободен, мой мальчик,
Учитель разлуки, любви ученик.
Не верю. Пытаюсь, а всё же — не верю.
Связала тебе, а тебе не дарю.
И бродят потерянно грустные звери
По жутко печальному календарю...
На нём межсезонье — то слёзы, то всхлипы.
А клейкий, молоденький, глупый листок
Настырно повадится на руки липнуть.

Не верю, что будет весенний восторг.
С такую погодой...
На печке, возможно,
Мне станет теплей, чем сейчас у окна.
А знаешь, я — врушка сегодня немножко
Про свитер с узором...
И ложь не одна:
И печка, иллюзия хрупкой минчанки, —
Давно раритет у людей городских.
А свитер свяжу.
Да боюсь, что с изнанки
Там будут одни узелки, узелки...

БАБА НИНА И БАБА ВАЛЯ

Побудьте со мной, отдохните немного.
С трудом добрали до земного порога.
Путь был непростым из-за облачной дали.
Скажи, баба Нина, скажи, баба Валя?

Я редко стремилась «до вашага чаю»
Делиться успехом, улыбкой, печалью,
Рассматривать раны, седины, медали —
Твои, баба Нина, твои, баба Валя.

Последний раз, помню, была званым гостем
На светлом, осеннем, смиренном погосте.
Так мудро от нас, от земных, «паміралі»,
Что ты, баба Нина, что ты, баба Валя.

Тихонько вдвоем собирались в дорогу,
«Дзецям» жизнь свою отписав понемногу.
С разбежкой в месяц «ляглі ў зямлю кралі»,
И ты — баба Нина, и ты — баба Валя.

Теперь пустота. Не прийти, не проведать.
Ни спеть, ни испечь, ни спросить, ни отведать...
Кому я скатёрки стараюсь, крахмалу?
Зачем, баба Нина, зачем, баба Валя?

Ну вот, повидались, пора и обратно.
Там, с Богом, ведите себя деликатно...
Жемчужной росинкой на скатерть упали
Слеза бабы Нины, слеза бабы Вали...

БЫЧАРА

Нет, он не в детстве утонул. Ошибка, право...
Сперва мечтал достать луну — вмешалась мама.
Сначала с досточки сняла, чтоб не убился,
Потом ремня ему дала —
«Учись!»
Учился...

У двух залётных блатаков — ругаться матом,
Шмонать карманы стариков, унижить взглядом.
Хамить, плевать вслед тому, кто любит дело.
Растить копыта да клыки, чтоб «щёлкать» девок.

Деревню... Это он спалил. Возможно, спьяну..
Кричали избы, блатари, молчала мама.
Ревела девочка в соплях, давясь угаром...
Он отваялся на полях.
Он стал — бычара...

На пепелище подсобрал пять-семь цепочек,
Продал, рванулся за Урал.
Тут — много точек.

Он воротился весь в перстнях: мол, строю храмы,
«Достали» бабы на сносях, и снится мама.
Мол, это озеро купил — хорош суглинок!
Курил, чесался у перил — вдруг выстрел в спину.

Бычара падал в пелену, хрипел упрямо.
Мычал, брыкался, шел ко дну
И видел маму..

ПРУЖИНЫ

Пружины стонали, пружины скрипели,
А там, за окном, бушевали метели,
А здесь, на заводе, в таинственной дали,
Пружины в тепло и ватин одевали.
Сшивали обивку, вбивали заклепки,
Чтоб было приятно и кошкам, и попкам.
Скрипели пружины чуть сентиментально,
Казалось, в их звуках скрывается тайна.

Казалось, так просто — приляг на подушку,
И что-то такое откроют на ушко.
О смысле и месте, о прочих порывах,
Доступных, прекрасных, наивных, игривых!
И день наступил, прозвучало: «Обсудим.
Добротный диван пусть понравится людям!»
И сладко стонали пружины, ох, сладко!
И стоном любви заполнялась тетрадка
Одной поэтессы с глазами газели...
Опять за окном пролетали метели.
Сплетались тела, юность правила миром
В отдельно счастливой, с диваном, квартире.
Там были две кошки, собачка, соседи...
А скоро в подушках заплакали дети.
Потом засмеялись, потом заскучали...
Скрипели пружины, качали, качали.
И так день за днём, за неделей неделя
Скрипели пружины, летели метели...
И столько печалей, и столько секретов
Узнали пружины о том и об этом.
О тех и об этих так много узнали,
Что стали скрипеть и в любви, и в печали
Так громко, с опорой на нижние звуки.
Не в радость для кошек и попок, а в муки.
И время со скрипом решило задачу:
«Устал наш диван. Пусть поедет на дачу».
...Сбегает слезинка... Тихонько, украдкой,
Листаю года в потемневшей тетрадке.
Сама — потемневшая серая птица...
Что в памяти? Дети, любимые лица,
Ромашки в кувшинах, тепло и метели...
Еще что? Пружины... Стонали, скрипели...

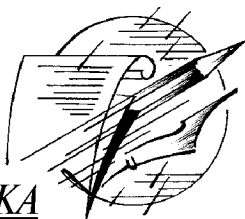
г. Минск

НА ПОКЛОН

Английский певец Элтон Джон радостно поведал миру, что договорился с российским министром здравоохранения Вероникой Скворцовой о «более тесном сотрудничестве» в борьбе со СПИДом. Об этом он написал в своём Instagram и объявил публике на концерте, который дал в «Крокус-Холле» 14 декабря. Воодушевлённый результатом встречи, сэр Элтон опубликовал фото, на котором он в спортивном костюме «с тремя полосками» обнимает умиротворённо улыбающуюся госпожу Скворцову, пришедшую к нему за кулисы в «Крокус-Холл».

В рамках намеченного сотрудничества с Россией будет задействован СПИД-Фонд Элтона Джона, который намерен учредить отдельную организацию (BELLA) для работы исключительно со странами Восточной Европы и Центральной Азии.

В Фонде утверждают, что 80% из числа всех ВИЧ-позитивных в Восточной Европе и Центральной Азии проживают на территории РФ. Создание BELLA должно стать главным итогом сотрудничества Фонда с Минздравом РФ, а зна-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

чительную часть работы по профилактике СПИДа в дальнейшем должны будут взять на себя некоммерческие организации (НКО) Москвы и Санкт-Петербурга.

Новость о встрече, основанная на записи из личного инстаграма артиста, была затем опубликована всеми СМИ страны, в том числе, правительственной «Российской газетой», что заставляет отнестись к этому событию более чем серьёзно.

СПИД-Фонд Элтона Джона (EJAF) — организация глобального характера, которая ведёт деятельность по всему миру, осуществляя планы по охвату всё новых районов земного шара, а пожертвования в неё исчисляются миллионами.

Сама ситуация прихода российского министра в гримёрку певца (пусть и всемирно известного) для решения вопросов сотрудничества с ним (физическим лицом) огромного государства (Россия) вызывает по меньшей мере недоумение.

На языке символов это может означать только одно — Россия пришла к представителю некоего сообщества на поклон. Это — коренной взлом иерархии отношений, предъявление нации истинных хозяев, указание ей её реального места. И Россия, увы, ведёт себя так, как ей предписано, покорно соглашаясь подписать соглашение с частным фондом о полной свободе его действий в России. Как если бы решила передать «ярлык на княжение»: на, мол, тебе Москву и Санкт-Петербург — делай там, что хочешь, хоть детей наших развращай.

Тем более что на сайте EJAF в разделе «Как помогает ваше пожертвование» именно так и написано: «J25 способствует обучению детей безопасному сексу». А одной из целей деятельности названа борьба с так называемой «гендерной» дискриминацией, то есть, продвижение прав содомитов. Блудное сожительство с мужчиной, усыновление в это сожительство двух искусственно произведённых мальчиков, публичная пропаганда образа жизни содомитов — такова личная репутация этого человека.

С 2013 года Элтон Джон проводит стартовавшую в мире в так называемый «День святого Валентина» кампанию «Любовь у меня в крови», которая ставит своей целью выразить поддержку сообществам извращенцев по всему миру. Его Фонд стремится приобщить к своей кампании писателей, актеров, врачей, активистов-содомитов и их организации со всего мира и призывает разместить в социальных сетях истории и видеосвидетельства «гомофобии», то есть описания случаев несогласия нормального большинства с легализацией содомии как нормы.

Для легитимизации извращений и придания псевдоблагообразия пороку, ЕJAF использует новояз, создаёт понятия-подмены, как, например, «МСМ» («мужчины, имеющие секс с мужчинами») и др. Подыскивая себе в 2012 году на Украине ребёнка для усыновления, сэр Элтон позировал на встрече с воспитанниками детского дома в Ивантеевке на фоне радужного флага, который извращенцы сделали своим символом. Создавая отделение своего Фонда на территории «погрязшей в СПИДе» России, певец-содомит, безусловно, захочет приехать и в российские учреждения, где есть заражённые СПИДом дети и, возможно, так же станет фотографироваться с ними с радужным флагом за спиной.

Откажутся ли отечественные СМИ показывать такую картинку? Проигнорируют ли эту возможность иностранные журналисты? Как вообще можно делать человека, активно предъявляющего обществу свой гомосексуализм, борющегося за торжество содомии в мире, лицом здравоохранительной кампании в России? И как это может сочетаться с российским законом о запрете пропаганды извращений несовершеннолетним?

Приезд Элтона Джона и беспрецедентная встреча с российским министром в кулисах его концерта состоялись в сроки, которые вряд ли были случайными. 9 декабря в Большом театре прошла премьера балета «Нуреев», воспевающая однополую любовь скандально известного танцора, сбежавшего из России. На модном спектакле отметились представители «сливок общества» — скучающие жёны богатых мужчин и подруги пресыщенных олигархов, респектабельные семейства в полном составе, чиновники разного уровня, в том числе, из органов управления культурой, а также ряд представителей высшей власти.

Они поспешили выразить в СМИ свой восторг от увиденного, а некоторые из них потребовали свободу режиссёру-постановщику Серебренникову, ранее арестованному за миллионные хищения бюджета, и даже нарядились в майки с его изображением.

Несмотря на протесты общественности, спектакль о жизни танцора-содомита — с гигантским портретом полностью обнажённого прототипа на сцене, мужским кордебалетом в женских костюмах и сценами гомосексуальных отношений — состоялся. Он стал манифестацией порока и выражением открытого презрения «бомонда» к серой заурядной массе со своей никому не нужной моралью и нравственностью, свидетельством стратегической победы гомосексуального лобби в отечественной культуре и политике.

А уже 14 декабря состоялась знаменательная встреча в «Крокус-Холле», явившая России непростой, но фатальный выбор: на одной чаше весов — дети России, а на другой — 470 млн. евро личного богатства всемирно известного певца-гомосексуалиста. Господина, перед которым даже министры замирают в реверансе.

Это стало символическим актом закрепления победы мирового содома и передачи нравственной власти новому носителю.

На наших глазах сейчас совершается глобальный решительный переворот ценностной пирамиды и пролом защиты в деле переидентификации нации, когда должна произойти замена морально-нравственных установок и внушение новых целей.

В качестве проводника новых идей России предъявлен признанный во всём мире музыкант, чья фигура в самом общем виде изначально не вызывает отторжения: он играет хорошую музыку собственного сочинения, не устраивает публичных скандалов, ведёт здоровый образ жизни и показывает себя миру в роли добропорядочного семьянина. Безусловно, на поверку каждая из этих позиций оказывается симулякром (т.е. блефом), но для поверхностного массового сознания этого оказывается достаточно.

Обществу предлагается не видеть перед собой просто престарелого содомита с бурным алкогольно-наркотическим прошлым (о чём он сам рассказывал и писал), притворяющегося с руководителями педофильских движений и сотрудничающего с содомитскими организациями. Напротив, нас призывают наделить его неоспоримыми достоинствами и добродетелями, которые не позволят даже подозревать его в чём-то плохом.

Министерство здравоохранения Российской Федерации скоро заключит с ЕАФ, который на Западе имеет чёткую маркировку «лгбт-френдли» (то есть организация, поддерживающая извращенцев), договор о тесном сотрудничестве, и сэр Элтон создаст на территории России филиал BELLA.

Силами фонда он обучит представителей российских НКО своей идеологии, оплатит их труд по отработке новых механизмов на примере Москвы и Санкт-Петербурга и по дальнейшему широкому распространению в обществе новых идей о «современных ценностях».

Он даст денег на тотальное обследование населения на ВИЧ, напечатает брошюры для детей о радостях однополрой любви и инцеста, развернёт в рамках дополнительного образования программу полового просвещения детей и расска-

жет им о «безопасном сексе», и всё это будет называться «борьба со СПИДом».

Уже сейчас СМИ подхватили искусно вброшенный ЕЖАФ тезис о том, что в России полыхает эпидемия «чумы XIX века» и что 80% заболеваемости СПИДом Восточной Европы и Центральной Азии приходится на Россию. Трудно ждать объективности от выгодополучателя, тем более что официальной статистики о распространённости СПИДа в России, начиная с 2006 года, нет даже на сайте Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ). И значит, трактовать статистику может любой человек, как ему это вздумается, что мы повсеместно и наблюдаем.

Россия уже вошла в зону риска: несмотря на принятие закона о запрете пропаганды извращений несовершеннолетним, она приняла Концепцию о защите прав женщин, создавшую новый политический субъект — феминизм — и провозгласившую приоритет прав феминисток.

В Госдуме дожидается своего часа принятый в первом чтении в 2003 году модельный закон о равенстве прав мужчин и женщин, который введёт новую псевдоценность — социальный пол (гендер) вместо биологического и переориентирует внутреннюю политику России на приоритет прав так называемых «гендерных групп», другими словами, извращенцев.

Новая мировая повестка, «гендерная» идеология, захватив Америку и Европу, яростно бьётся в двери всё ещё удерживающей позиции России. И вот тут для того, чтобы наверняка и разом покончить с этим, на сцене появляется он — новый герой. Певец, музыкант и спаситель — весь в лучах софитов и всемирной славы.

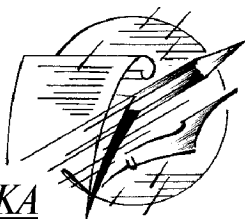
На дворе двадцать первый век, но картина абсолютно узнаваема: богатый европейский человек решил навести порядок в чужой неразвитой стране. Он величаво приплыл (точнее, прилетел) к её берегам, и туземцы простодушно и радостно выбежали ему навстречу. Господин привёз для обмена глиняные бусы «прав человека», и туземцам остаётся только бурно радоваться этому, падать ниц и горячо благодарить.

Игорь РОМАНОВ,
доктор социологических наук

ПЕРЕД КУЛИКОВЫМ ПОЛЕМ

Китайское население призвали готовиться к войне. С таким посланием к соотечественникам обратился китайский генерал Ван Хунгуан. Правда, генерал отставной. Но тем больше у него возможностей высказывать экспертное мнение. Ван Хунгуан, как сообщило издание The Independent, заявил, что ядерная война на Корейском полуострове может начаться в любую секунду. Жителям Китая необходимо мобилизоваться, готовиться морально и физически к войне. По словам китайского военного, боевые действия на Корейском полуострове будут носить затяжной характер. Особую опасность представляет угроза ядерного заражения. Генерал призвал китайское правительство продумать меры по эвакуации жителей Северо-Востока Китая и беженцев из Северной Кореи в случае начала военных действий.

То, о чем заявил китайский военный, многими и в России, и в Китае воспринимается вполне адекватно. Многие трезвомыслящие люди отчетливо наблюдают, как США уверенно идут по пути подавления и порабощения стран и народов, приводя всех к единому знаменателю. Однако далеко не все страны им удастся сломить. Далеко не все готовы присо-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

единиться к Америке, став ее новым штатом или ресурсным при-датком. Цель американского правительства и всей их политической элиты — весь мир превратить в большие соединенные штаты на основе своей идеологии. Идеология проста — стремись взять от жизни всё, один раз живешь, поэтому ты свободен. Если для истинной российской государственности были три принципа: «Православие. Самодержавие. Народность», то для США существуют иные фундаментальные основы государственности: «Сатанизм. Недержание. Мультикультурализм».

«Бери, плати и жри» — главный лозунг демократической Америки. Ради свободы жрать ты должен много работать, всю жизнь работать, чтобы жрать. Тебя посадят на цифровую цепь или запрут в цифровой клетке, и ты будешь работать как раб. Ради куска хлеба, ради примитивного физического удовольствия.

Американское правительство вместе со своими союзниками — это жрецы неприкасаемые. То есть они могут жрать всё, что пожелают, но прикасаться к ним нельзя. В своей новой стратегии национальной безопасности они, американцы, подтвердили, что считают себя кастой неприкасаемых на планете. Это они утверждают все порядки. Не Господь, а они являются мировыми законодателями. Они распоряжаются человеческими ценностями, земными богатствами, космосом. Судя по тому, с какой легкостью, несмотря на запреты Совбеза ООН, они переносят столицу Израильского государства в Иерусалим, Израилем тоже распоряжаются они. По мнению американских стратегов, зона ответственности США в мире предполагает абсолютно всё. США претендуют на роль абсолюта. И весь мир видит их абсолютизм. Американские политики — абсолютные козлы. Вот это хорошо видят в мире. Вся их новая стратегия это подтверждает. И Трамп козел, только рыжий. Хотя в нашей Госдуме этому рыжему не так давно аплодировали. Стоя аплодировали. Но как бы ни аплодировали Трампу в Госдуме, авторы новой американской стратегии национальной безопасности считают, что Россия и Китай бросают вызов мощи США, их влиянию и национальным интересам. Россия, по мнению американцев, «служит угрозой и негативным примером», «Москва подрывает легитимность демократий» и прочая давно известная ахинея, свидетельствующая о крайне враждебном отношении США и администрации этой страны к нашему Отечеству.

Придет время, и американцы вместе со своими партнерами будут наказаны. Американских политиков обязательно будут судить так же, как немецких нацистов, совершавших военные преступления во Второй мировой войне. Обаму, Клинтон, Буша, Трампа, Тиллерсона и многих-многих, всех и каждого в

отдельности, кто долгое время делал и поддерживал преступную политику США, обязательно будут драть, как сидоровых коз. Верим, что найдется какой-нибудь Сидоров, Петров или Иванов, которого благословит Господь, и который все-таки соберет свой народ, чтобы выдрать, выпороть хорошим кнутом американских козлов. Но чтобы такой Сидоров, Петров или Иванов появился, наш народ должен мобилизоваться духовно. Китай, который никогда всерьез не воевал, понимает, что надо мобилизоваться. А Россия, Родина Иванова, Сидорова или Петрова, которая всю свою историю защищается от врагов, сегодня не понимает, что надо собраться духом.

Готово ли сегодня население России к войне? — Совершенно не готово. Наше население пребывает в полуразложившемся моральном, да и физическом состоянии. Государство даже аборт не в силах запретить. Станный аргумент: мол, если запретить, то будут делать подпольно. По этой логике и наркоманию запрещать не надо, и проституцию, и коррупцию...

Подполье, в которое может уйти всякая преступная жизнь, надо закрыть или закопать. А на поверхности бить всю эту преступность, как Георгий Константинович Жуков в Одессе.

Но запрета абортов, наркомании, проституции и коррупции — недостаточно. И даже казни преступников — это лишь малая мера. Требуется, прежде всего, моральное оздоровление народа. И это оздоровление, как ни страшно, может принести война. Конечно, оздоравливает Господь, Который не оставляет Россию. Но в нашей ситуации, скорее всего, Он будет лечить нас страданиями. Конечно, мы не хотим. Конечно, это страшно и ужасно. Но ведь и мало, какой больной человек хотел бы делать необходимую ему хирургическую операцию. Причем, операцию без наркоза. Выдержим ли мы эту операцию?

Но Господь — любящий врач. Он лечит и спасает нас. И предстоящая война будет во спасение многих душ. И эта война неизбежна. Даже китаец это понимает. И чтобы не сгинуть в этой войне, чтобы не потерять себя и свою Родину, надо молиться. Молиться и держать себя в форме. В духовной форме. Давно пора выбираться из медузообразного состояния. Очнитесь, депутаты и бизнесмены! Ваше состояние не поможет вам! Скорее всего, вы этого лишитесь, когда начнется война. Задумайтесь о том, как сегодня вы можете своими деньгами укрепить Россию, помочь в моральном оздоровлении ее детей, помочь нашей армии и флоту.

Сегодня лишь небольшая часть общества держит себя в форме. Лишь небольшая часть собранна и готова к войне. В основном, это те, кто живет в реальной боевой ситуации. В реальном бою находятся монахи и все православные подвиж-

ники, которые ведут невидимую брань с врагом рода человеческого. В бою находятся наши солдаты, матросы и офицеры, люди военные. В бою находятся те, кто просто честно, добросовестно делает богоугодное дело, принося пользу Отечеству, вопреки тому, что это сейчас «не модно». Даже молодая мать, которая воспитывает своих детей и учит их добру, сама являя им пример благочестия, — тоже в бою. В бою со злом. И это, на сегодняшний день, наиболее мобилизованная часть общества. В остальном — преимущественно болото. Чавкающее и хлюпающее. В остальном — дезертиры.

Хватит сидеть в фейсбуках и кофейнях! Хватит тратить время на болтовню и мечтания о голубой жизни в Европе. Хватит тупости и серости, где поход в супермаркет — кульминация воскресного дня.

Сейчас обстановка становится всё более категоричной. Белое должно признаваться белым, черное — черным. Мужчина — мужчиной, женщина — женщиной. Человек — человеком, а скотина — скотиной.

Заканчивается время серостей, посредственностей и медуобразных потребителей. Они, эти потребители, конечно, никуда не денутся. Но они отползут на второй план. Отползут на задний план многие депутаты дум и законодательных собраний, заседатели в мягких креслах, сенаторы и ожиревшие духом «матильдымединские». Приближается время личностей. Время богатырей.

Мы, русский народ, уже подходим к полю Куликову, где на другой стороне собираются полки поганых. Поганый Трамп со своими погаными менеджерами, советниками, помощниками. Те, кто воспитывает «немецко-уренгойских мальчиков», смотрит «Матильду» и «Нуриева», выражает понимание и сочувствие предателям, согласившимся откатиться от России, чтобы побегать на Олимпиаде в Корею. Поганые прихлебатели и паразиты, грызущие изнутри Россию, многие из тех, кто сегодня в просторных кабинетах, на телеэкранах и за этими телеэкранами.

В толще народной, в русских глубинках, в Сибири и на Кавказе, на Донбассе и в Крыму, в Рязани и Калининграде, прорастают новые люди. Русские люди. Они пока сокрыты до времени. Но они есть. Не перевелись еще богатыри на земле Русской. Близится битва Куликовская. И надо помнить, что какое бы иго ни утверждалось на Руси, мы не одни. За нами миллионы наших великих предков. За нами исполинская, былинная, богатырская Святая Русь.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ РУССКОГО ДЕЛА

В советское время принято было считать, что все достижения СССР вдохновлены идеологией марксизма-ленинизма и осуществлены под руководством партии большевиков-коммунистов. Теперь в этом убеждены не многие. При внимательном рассмотрении становится очевидным, что сила Советского Союза была не в этом. А в чём? Какие силы, какие люди удержали страну от распада и воссоздали после страшного разорения кровавой междоусобицы?

Первые послереволюционные годы были для нашей истории не менее важны, чем сами революционные потрясения. Они определили путь дальнейшего развития страны и всего мира.

Но чтобы объективно разобраться в том, что происходило в 1920-х годах, необходимо «открутить историческую ленту» назад. Значительная часть российского общества (не народа) ожидала революцию как некую спасительницу, которая избавит от «устаревшего режима». Многочисленные партии умеренного и неумеренного толка приближали её как могли. С радостным воодушевлением «прогрессивная общественность»

встретила февраль 1917 года. Но очень скоро выяснилось, что после свержения Царизма положение не улучшилось. Более того, оно стало быстро ухудшаться. Ровно через восемь месяцев последовала вторая волна потрясений, которая смела революционеров-февралистов и возвела на вершину власти революционеров-октябристов. Февралисты очень надеялись, что октябристы-большевики не совладают с ситуацией и в скором времени будут разгромлены. Последовала кровавая междоусобица и исход миллионов людей за пределы страны. Но, как известно, далеко не все покинули родину. Вот о них и речь.

Всем оставшимся приходилось решать в буквальном смысле судьбоносные вопросы: уезжать или остаться? Если остаться, то как выжить в тех жестоких условиях? Сотрудничать с большевиками или бороться с ними? Положение, в котором оказалась страна, можно сравнить только с самыми тяжёлыми историческими периодами Смутного времени и монгольского нашествия. Но в 1917-м оно было ещё хуже. Потому что враг был везде. Брат против брата и сын против отца. Как тут понять, на чьей стороне правда? Определяться и решать, что делать, приходилось каждому. Причём, не единожды, а чуть ли не ежедневно и в течение многих лет.

По мере знакомства с судьбами людей того времени, приходит понимание того, почему они принимали решения остаться в Советской России. И, более того, трудиться **во благо страны**, а не только ради самосохранения. Как правило, мы мало знаем этих людей. Во всяком случае, недостаточно. А им следует воздать по заслугам. Они сделали для своего Отечества не меньше, а, пожалуй, больше, чем герои, которые «на слуху». И здесь нам предстоит много открытий.

Начнём с того, что покинуть страну большинство просто не имело возможности, да и желания. Во-вторых (и это очень важно), они считали **своим долгом оставаться со своим народом в тяжких испытаниях**. Пока этого достаточно. Остальные аргументы (доводы) в пользу «сотрудничества с красными» будем рассматривать по мере знакомства с судьбами граждан нового государства, а по сути своей — старой, но резко обновляющейся России.

Принято считать, что в послереволюционной России убивали и сажали всех, кто сопротивлялся «кровавым большевикам» без разбору. И действительно, смерть ходила по пятам за каждым. Кроме преследований ВЧК, могла последовать расправа от «революционно-сознательных граждан» или просто бандитов. Первыми на прицеле были золотопогонни-

ки, священники и «недобитые буржуи». А вот спутники всех революций болезни и голод не щадили никого, невзирая на наличие «пролетарской сознательности». О притеснении в быту всех «бывших» даже не упоминаем. Тем более удивительны следующие примеры. В Советской России не только остались, но и действовали:

Крупнейший русский военачальник Первой мировой войны генерал от кавалерии А.А. Брусилов, Военный министр Временного правительства А.И. Верховский, генерал-майор медицинской службы Царской армии В.М. Бехтерев, монархист «черносотенец» историк Д.И. Иловайский, представитель семьи крупных русских промышленников Алексеевых, основатель Художественного театра К.С. Станиславский, преподаватель Калужской духовной семинарии К.Э. Циолковский, сын священника, создатель русского народного хора М.Е. Пятницкий, дворянин, учёный с мировым именем академик В.И. Вернадский, ещё один сын священника и учёный И.П. Павлов, представительница старинного дворянского рода артистка Любовь Орлова... И для полноты впечатления. В «совдепии» 12 лет прожил духовный писатель, публикатор нашумевших «Протоколов Сионских мудрецов» С.Н. Нилус. Известная большевичка А.М. Коллонтай была дворянкой, дочерью генерала М.А. Домонтовича! Не случайно она была направлена на дипломатическую службу.

Скептики могут ответить: «Это исключения. Остальных уничтожили». Извольте. Продолжим список: Военный министр в правительстве Николая Второго (!) А.А. Поливанов, «красный граф», русский писатель-классик А.Н. Толстой, создатель Марфо-Маринской обители и мавзоля архитектор А.В. Щусев, автор духовной музыки А.Д. Кастальский, крупный мехоторговец В.Н. Муравьёв, более известный как старец Серафим Вырицкий... Этот список можно продолжать долго. И мы его продолжим. Более подробно. Нас ещё ждут новые открытия.

Они победили в битве за Россию. Но не на полях сражений. Это брань была духовная, мировоззренческая, но при этом не менее трудная и кровавая!

Террор? Да, в эти годы был жесточайший террор. Может быть, самый жестокий за всё время нашей непростой истории. Просто жутко становится, когда знакомишься с судьбами многих наших сограждан. Тем более следует отметить тех, кто смог в эти грозные годы послужить своему Отечеству, рискуя ежеминутно пополнить число арестованных, ссыльных и расстрелянных.

После революции духовные понятия ушли из государственной политики, построенной на материализме господствующее положение занимала идеология. Однако и нерелигиозная идеология тоже относиться к сфере Духа. Она определяет мировоззрение людей и соответственно их действия. В марксистской терминологии это называется «надстройкой», хотя такое определение схематично и не раскрывает всей сути понятия. Так ведь и небо можно назвать надстройкой над землёй. Какая же **идеология** господствовала в России после прихода к власти большевиков? Казалось бы, ответ очевиден — марксистско-ленинская. Тем более что они как истинные революционеры понимали её определяющее значение и сразу же предприняли все возможные усилия, чтобы устранить другие классово чуждые идеологии. Но вся сложность положения для них была в том, что и марксизм, и его продолжение — ленинизм, подробно исследовавшие «капиталистическую формацию», были разработаны ещё до начала эры социализма. Нельзя же, в самом деле, ленинские статьи «Великий почин», «О кооперации» и «Как нам организовать Рабкрин», считать стройной системой государственного строительства. Не случайно Сталин впоследствии говорил, что Ленин *намеревался* создать теорию социалистического строительства. Но таковая не была даже сформулирована. Несмотря на наличие авторитетных теоретиков. И чем дальше, тем слабее становилась теоретическая база социализма. К 1980 годам она и вовсе заглохла. Хотя марксисты были даже и с академическими степенями. И термин, соответствующий времени, придумали: «развитой социализм». Но при этом был и очевидный идеологический вакуум. Советскому руководству нечего было противопоставить банальной западной пропаганде комфортной жизни.

Что делать в стране победившего социализма — даже большевики понимали по-разному. Одни считали Россию «топкой дров для мировой революции». Условно их можно назвать истовыми революционерами или «троцкистами». Другие желали строить «светлое будущее» именно в России. Их тоже условно можно назвать национал-большевиками или «сталинистами» (выразителями теории построения социализма в одной стране). Подобное разделение на «западников» и «почвенников» наблюдалось и до революции. Не случайно, что и в советский период нашей истории политическая жизнь проходила в непримиримой борьбе этих двух противоположных начал. Не учитывать этого значит ничего не понять в нашей истории. И в сегодняшнем дне тоже.

Единственно, в чём сходились все течения революционной идеологии (не только большевиков, но и эсеров, анархистов и прочих) — в классовой теории, согласно которой все «чуждые элементы» должны быть ликвидированы или перевоспитаны.

Однако, если стройной идеологии не было, то идеологические установки, которые во многом определили внутреннюю политику государства, родились именно в эти годы. Первая из них, **советский патриотизм**, появилась уже в 1918 году. «Социалистическое Отечество в опасности» было провозглашено в декрете-воззвании СНК РСФСР 18 февраля в дни наступления германцев на «колыбель революции» Петроград. Очень наглядна эволюция большевиков: от лозунга «поражения своего правительства в империалистической войне» к призыву воевать с теми же империалистами. Но, правда, для защиты достижений революции.

Вторая относится ко всей жизнедеятельности народа. Слова песни «*Раньше думай о Родине, а потом о себе*» действительно были идеологемой Страны Советов. В послереволюционные годы очень многие вдохновенно жили, трудились и воевали ради счастья людей. Назвали этот душевный порыв «энтузиазмом». Восстановление хозяйственной жизни в стране, ликвидация безграмотности и беспризорности, индустриализация, победа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление были возможны благодаря этому всенародному вдохновению (энтузиазму). Но со временем он стал заметно угасать, и на его место выдвигалось бытовое благополучие.

После того, как «трудящиеся» взяли власть в свои руки, приоритетом государственной политики неизбежно должна была быть провозглашена **забота о трудовом народе**. Но исполнение этой заботы носило противоречивый характер. Мало того, что вся внутренняя политика выстраивалась на основе учения о «диктатуре пролетариата», большевистская партия решала и то, что нужно самому трудовому народу. При этом случалось, что интересы правящей партии и правящего класса не всегда совпадали. А те, кто не принимал решения «партии и правительства» как свои, становились «врагами народа» независимо от классовой принадлежности. Это противоречие предопределяло всю жизнь советского периода. Надо признать, что к 1970—1980-м годам действительно было построено развитое социальное государство. Условия для жизнедеятельности «простого народа» (не для «эффективных менеджеров») действительно были созданы (при наличии всех военных разрушений и ошибок управления). И теперь даже

представляются сказочными. Но идеологический пресс вульгарного марксизма существенно их усложнял.

Схожая с ней установка **служения трудовому народу** относилась ко всем. Снизу до верху. Но если в первые годы «на верху» эта установка во многом соблюдалась, то со временем «слуги народа» стали мало чем отличаться от «старорежимных кровопийц». Разве что отсутствием благородства.

Это же относится и к **нестяжательству**. Презрение к земному богатству, по сути своей, является христианским постулатом. Но по советской терминологии его называли коммунистической сознательностью. Однако очень скоро это понятие исчезает сначала из сознания партноменклатуры, а затем, с наступлением эпохи «развитого социализма», размывается и в «низах». Ко времени очередной революции (1991 года) большинство населения прежде думало о себе, а потом уже о родине (причём не всегда положительно).

Формально марксистская идеология существовала, но она не отвечала на конкретные запросы жизнеустройства государства. Да, на первом месте всегда были высказывания «основоположников» марксизма, но почти все они относились к досоциалистической эре. Большевики очень опасались «идеологического оппортунизма». Душили любые попытки философствования не в русле марксизма. И, в конечном счёте, засушили и сам марксизм. К концу советского времени штатными марксистами были Яковлев, Гайдар, Чубайс, Коротич и им подобные. СССР проиграл Западу идеологически. Только поэтому была возможна новая революция и последующее разрушение могучей Сверхдержавы.

Но вернёмся в 1920-е годы.

Духовная литература была объявлена «опиумом для народа». Нравственным богословием становилась сама жизнь — страдания и мученичество православных священников и мирян. Об этом не писали. Всё сохранялось в преданиях, как и в первые века христианства.

В это время мы почти не наблюдаем серьёзных идеологических новаций. Вернее, они были, но распространения, а тем более утверждения в советском обществе они получить не могли. Евразийство, Русский космизм, национал-большевизм, национал-максимализм, панславизм, сменовеховцы, младороссы имели серьёзные теоретические разработки, но были известны в относительно узком кругу.

Крупным философско-политическим явлением русской мысли XX века было *Евразийство*. Но оно имело распространение в основном в эмиграции и носило антибольшевистский характер. Лишь в конце 1920-х годов его левое крыло

попыталось изменить негативное отношение к стране Советов и осмыслить происходящее насколько возможно объективно. «Левое Евразийство» возникло в 1927 году в рамках Евразийского Семинария в Кламаре под Парижем. Вот темы его докладов: «Евразийство как пересмотр социализма» (Л.П. Карсавин), «Образование правящего слоя России» (К.Б. Родзевич) «К типологии правящего слоя в России» (П.П. Сувчинский). Левоевразийцы выпускали в Париже газету «Евразия», а в Брюсселе почти одноимённый журнал «Евразиец».

Основную группу левоевразийцев составили Л.Карсавин, П.Сувчинский, С.Эфрон, Д.Святополк-Мирский, К.Родзевич, В.Сеземан, А.Лурье, а также парижский национал-максималист Ю.А. Ширинский-Шихматов и лидер эмигрантского национал-большевизма, живший в Харбине, Н.В. Устрялов.

«Старшие евразийцы» упрекали левоевразийцев в сотрудничестве с карательными органами Совдепии. На самом деле всё было наоборот. Главная левоевразийская идея звучала так: СССР — это новая стадия исторического развития России. А значит, борьба советской разведки против Запада является продолжением тысячелетнего противостояния России и Запада. Это и подвигло Эфрона и некоторых его соратников на добровольное и сознательное сотрудничество с ГПУ.

Кстати, правые евразийцы тоже не брезговали общением с советскими спецслужбами. Савицкий даже нелегально ездил в Москву. Но их «сотрудничество» не состоялось. «Чистые евразийцы» по-прежнему отстаивали теоретические положения о том, что СССР — это якобы не Россия, а некий беспочвенный исторический уродец, и о том, что «истинная Россия» осталась лишь в русском зарубежье.

Надо сказать, что подобное отношение к советской России было присуще большинству эмигрантов, среди которых преобладали люди, сочувствовавшие Февральской революции и ненавидевшие большевиков за то, что они лишили их завоёванной «свободы» и Родины. Со времени возобновления связи с эмигрантами эта идея стала утверждаться и в России, особенно в монархических и патриотических кругах.

Левые евразийцы осмысливали значение СССР в качестве новой формы исторического бытия России. Об этом свидетельствовал и девиз газеты «Евразия»: «Кто хочет быть субъектом истории, тот должен быть с Россией».

Левые евразийцы не отрицали своей чуждости эмиграции и обращенности к Советской Родине. Еще в 1927 году Кар-

савин от имени всей левоевразийской группы написал открытое письмо одному из тогдашних лидеров большевиков Г.Л. Пятакову, где выражалось желание обсудить пути развития «нашей общей Родины — СССР» и левоевразийскую идеологию. Большевики не рискнули сотрудничать открыто с левыми евразийцами. Они привлекли их видных представителей к сотрудничеству с НКВД. И тем самым поставили их в положение «сотрудников карателей» в глазах эмигрантов.

Впоследствии в Россию возвратились С.Я. Эфрон (1893—1941) и князь Д.П. Святополк-Мирский (1890—1939). Их судьбы были трагичны. Эфрон расстрелян, несмотря на то, что числился сотрудником НКВД. Святополк-Мирский умер в ссылке под Магаданом. Сам Л.П. Карсавин (1882—1952) тоже оказался в советской России в 1944 году после освобождения Вильнюса Красной армией. Но и ему не довелось потрудиться в новой России. Сначала он был уволен с должности профессора Вильнюсского университета, затем осуждён и скончался от туберкулёза в спецлагере для инвалидов в далёком посёлке Абезь республики Коми.

Почему не состоялось сотрудничество левых евразийцев с советскими властями? Вероятно потому, что большевики инстинктивно опасались мыслителей немарксистов. Кроме того, можно предположить, что это было инспирировано «троцкистами», ненавидевшими любое проявление русского национального сознания. Но можно себе представить, какой сильный импульс получила бы русская мысль в Советской России с приходом левых евразийцев! Лев Платонович Карсавин (1882—1952) в своей книге «Восток, Запад и русская идея», оценивая послереволюционное время, писал: *«Мы переживаем самый, может быть, глубокий кризис нашей исторической жизни... Положение наше опаснее, чем положение Запада в поворотный момент его истории... Но если велики опасности, то велики и надежды... Путь к цели человечества лежит только через осуществление целей данной культуры и данного народа».*

Классическое левое евразийство попало в своеобразную историческую яму. Оно оказалось невостребованным ни в эмиграции, ни в СССР. Это отчасти объясняет кратковременность его существования. Левое евразийство, правда, продолжало существовать до второй половины 40-х годов. Их дело продолжил парижский «Союз возвращения на Родину» (впоследствии «Общество друзей Советского Союза»), который много сделал для ознакомления с достиже-

ниями советской культуры в мире и возвращения эмигрантов в родное Отечество.

В России самым известным евразийцем является Лев Николаевич Гумилёв (1912—1992), сын русских поэтов Николая Гумилёва и Анны Ахматовой. Напрямую он никак не был связан с евразийцами. Его труды и открытия в большей степени плод его личных размышлений и поисков. Он является создателем теории этногенеза и пассионарности, определяющей законы развития наций. Открытия Л.Н. Гумилёва вызвали много споров, но при этом они пользуются авторитетом в мировой науке. У Л.Н. Гумилёва есть менее известное, но не менее важное учение об *антисистеме* — объединении людей с отрицательным мироощущением. Такого рода антисистема стала ударной силой, разрушившей Российскую империю и в недавнем прошлом Советский Союз.

Показательно, что экономическое объединение ЕврАзЕС, в которое входят несколько республик расколотого Советского Союза, основывается именно на евразийской теории. Она пришлась очень кстати для восстановления страны, разрушенной перестройкой. Хотя, по сути, это скорее один из вариантов российской имперской идеи.

Левым евразийцам были близки по духу и по судьбе т.н. сменовеховцы. Это направление в послереволюционной русской мысли возникло ещё в конце Гражданской войны. В 1921 году в Праге вышел сборник теоретических статей под названием «Смена вех», в котором была сформулирована новая идеологическая доктрина: отказ от вооружённой борьбы с большевиками, поддержка державной политики Советов и переключение на идеологическую борьбу с интернационализмом за национальные традиции внутри России. Главным идеологом этого направления русской мысли был Николай Васильевич Устрялов (1870—1937). Вот что он писал в своём сборнике «В борьбе за Россию»: «Выясняется с беспощадной несомненностью, что путь вооруженной борьбы против революции — бесплодный, неудавшийся путь. Жизнь отвергла его, и теперь после падения Иркутска на востоке и Киева, Харькова, Царицына и Ростова на юге это приходится признать. ...С точки зрения русских патриотов русский большевизм, сумевший влить хаос революционной весны в суровые, но четкие формы своеобразной государственности, явно поднявший международный престиж объединяющейся России и несущий собою разложение нашим заграничным друзьям и врагам, должен считаться полезным для данного

периода фактором в истории русского национального дела...» Это было заключение не кабинетного теоретика.

Устрялов, с воодушевлением воспринявший Февральскую революцию и крайне негативно Октябрьскую, активно участвовал в Белом движении. Руководил пресс-службой Колчаковского правительства. Однако ещё в ходе гражданской междоусобицы он постепенно приходил к мысли о неизбежности поражения Белой армии. После разгрома армии Колчака он оказался в городе русского исхода Харбине. Здесь горькие размышления о причинах поражения Белого дела привели его к необходимости «смены вех» (в противоположность «Вехам» предреволюционным).

«Явный крах старого пути всемирной и, главным образом, вооруженной борьбы с большевизмом повелительно диктует нам какие-то новые способы и формы служения Родине. После крушения власти адмирала Колчака и генерала Деникина русские националисты очутились как бы над неким провалом, который необходимо заполнить... Следовательно, нужно искать другой выход».

В чём же причины неудачи Белого дела видел харбинский изгнанник? «Во-первых, события убеждают, что Россия не изжила еще революции, т.е. большевизма, и воистину в победах советской власти есть что-то фатальное, будто такова воля истории. Во-вторых, противобольшевистское движение силою вещей слишком связало себя с иностранными элементами и поэтому невольно окружило большевиков известным национальным ореолом, по существу, чуждым его природе...» В связи с этим Николай Васильевич предлагал следующий выход: «Процесс внутреннего органического перерождения советской власти, несомненно, уже начинается, что бы ни говорили сами ее представители. И наша общая очередная задача — способствовать этому процессу. Первое и главное — собрание, восстановление России как великого и единого государства. Всё остальное приложится».

При этом Н.В. Устрялов прекрасно понимал, что процесс перерождения большевиков происходил не в результате «исправления» их идеологии. Обращаться к русским идеалам и национальной идеологии их заставляла жизнь, необходимость выживать в сложившейся ситуации. «Причудливая диалектика истории неожиданно выдвинула советскую власть с ее идеологией интернационала на роль национального фактора современной русской жизни, в то время как наш национализм, оставаясь непоколебленным в принципе, потускнел и поблёк... вследствие своих хронических альянсов с так называемыми «союзниками».

Николай Васильевич вовсе не призывал к безусловному приятию большевизма или полного примирения с ним. «Должны лишь существенно измениться методы его преодоления. Его не удалось победить силой оружия в гражданской борьбе — оно будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира». И в этом он оказался совершенно прав. Как мы видим теперь с нашего исторического берега. В 1970—1980-е годы марксизм-ленинизм, хотя и оставался официальной идеологией, на самом деле преобразовался в государственную форму социального государства с национально-интернациональной идеологией, в которой преобладали всё-таки общенациональные интересы СССР. Правда, с явным перекосом в пользу национальных окраин (советских республик, ныне независимых государств) и в ущерб русским. Но в этом не вина Устрялова и его единомышленников. Наоборот. Если бы идеи устряловцев возобладали в Стране Советов, то политика Советской России обрела бы необходимую устойчивость и соразмерность в межнациональных отношениях. И можно с уверенностью предположить, что разгрома 1991 года не случилось бы.

Но вернёмся вновь в 1920-е годы. Как же отреагировали на появление неожиданного союзника большевики? Да побольшевицки. А.В. Луначарский (1875—1933) в статье «Смена вех интеллигентской общественности», приветствовал её появление, но при этом подчеркнул, что интеллигенция постепенно примирилась с очевидно неотвратимой бедой, какой являлась для большинства столь «неудобная» революция и предостерег: «...грех интеллигентского Содома, не искупят отдельные праведники». Сборник был перепечатан в России. Впоследствии сменовеховцы издали ещё 20 номеров сборника, затем выпускали одноимённый журнал, а также газету «Накануне», которую поддерживали большевистские власти. Основными авторами «Смены вех» были А.В. Бобрищев-Пушкин (1875—1937), Ю.В. Ключников (1886—1938), Б.В. Дюшен (1886—1949), С.С. Чахотин (1883—1973), Ю.Н. Потехин (1888—1927), С.С. Лукьянов (1888—1938). Кроме эмигрантов, в журнале и в газете печатались и писатели, оставшиеся в России (М.Булгаков, С.Есенин, В.Катаев, К.Федин, А.Неверов, О.Мандельштам, М.Зощенко, Б.Пильняк). Литературное приложение вёл А.Н. Толстой. На страницах газеты шел диалог двух разделенных Гражданской войной частей российской интеллигенции — эмигрантской и советской. В 1924 году выпуск газеты был остановлен в связи с финансовыми трудностями и разногласиями в редколлегии. Большевики счита-

ли, что газета выполнила свою задачу «разложения белой эмиграции».

Как же сложились судьбы участников движения «Смена вех»? В большинстве своём они были схожими. Выходцы из элитарных высокообразованных семей. Активные участники Белого движения. Осознав бесплодность вооружённой борьбы с большевиками, они пришли к необходимости сотрудничества с ними ради «национализации революции», то есть преобразования Советской России в соответствии с её национальными задачами.

Ещё до возвращения на Родину многие сотрудничали с советскими учреждениями. Устрялов в качестве советника на КВЖД, Чахотин в берлинском торгпредстве, Ключников как дипломат на Генуэзской конференции.

Все они вернулись в Россию и трудились на благо страны. Ю. В. Ключников заведовал кабинетом международной политики Коммунистической академии, работал консультантом в Наркомате иностранных дел, Б. В. Дюшен был заведующим отделом профессионального образования в Наркомпросе, С. С. Лукьянов был главным редактором московского «Journal de Moscou». Устрялов — профессором экономической географии в Московском институте инженеров транспорта и некоторое время — в Московском университете.

Но... В 1927 году при невыясненных обстоятельствах погиб Ю. Н. Потехин (по официальной версии самоубийство). Многочисленные самоубийства — тема для особого разбирательства, которое ещё впереди. В 1930-х годах многие вернувшиеся сменовеховцы были арестованы. Н. В. Устрялов, Ю. В. Ключников, А. В. Бобрищев-Пушкин, С. С. Лукьянов были осуждены за «контрреволюционную деятельность» и расстреляны. Но это совсем не означает, что в эмиграции они остались бы живы. За границей были убиты непримиримыми белогвардейцами редакторы двух сменовеховских газет: софийской «Новой России» А. М. Агеев и харбинской «Новости жизни» Д. Н. Чернявский. Незадолго до своей гибели Агеев побывал в Москве. Возвратившись в Софию, он говорил, что «в эмиграции абсолютно никто не имеет правильного представления о новой России. За границей всё насыщено ложью и злобой».

Как видим, Гражданская война продолжалась ещё долго по обе стороны границы. Русская Православная Церковь прославила своих чад в сонме новомучеников за веру. Русскому народу следует вспомнить своих сыновей и дочерей, пострадавших за Державу, и отдать честь всем потрудившимся для её возрождения.

В Советской России остались в живых и продолжали действовать два лидера движения «Смены веков». Б.В. Дюшен был освобождён досрочно и принят на работу в НКВД, где работал главным инженером спецлаборатории. С.С. Чахотин тоже был арестован, но... во Франции. После возвращения в Россию в 1958 году работал в Институте цитологии АН СССР, а затем в Московском Институте биофизики. Скончался в Москве в возрасте 90 лет. С.С. Чахотин считается одним из первых аналитиков современных форм пропаганды и ведущим теоретиком психологии масс XX века.

Надо сказать, что понятие «сменовеховство» Н.В. Устрялов считал неточным. Его учение соединило Национальное Дело с большевистским империализмом (если можно так выразиться) или «национал-большевизмом». Обратимся к определению национал-большевизма самим Устряловым: «Советская власть будет стремиться всеми средствами к воссоединению окраин с центром во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же — во имя великой и единой России. При всём бесконечном различии идеологий практический путь — един, а исход гражданского междоусобия предопределяет внешнюю оболочку и официальную «марку» движения... Словно сама история нудит интернационалистов осуществлять национальные задачи страны. Недостает разве только, чтобы, устроив «октябрьскую революцию» в Турции, они включили Царьград в состав «федеративной республики советов» с центром в Москве».

Николай Васильевич, ощутив на себе все «прелести» жизни при Советах, всё же пришёл к выводу, что «...революция наша не «гасит» русского национального гения, а лишь с преувеличенной, болезненной яркостью... выдвигает на первый план его отдельные черты, возводя их в «перл создания». Национальный гений от этого не только не гасится, но, напротив, оплодотворяется, приобретая новый духовный опыт на пути своего самосознания... И если содержание ныне преобладающего мотива национальной культуры представляется нам далеко не лучшим произведением русского духа, то наша задача — не в безнадежном брюзжании о мнимой «не-национальности» звучащей струны, а в оживлении других струн русской лиры. Русская культура должна обновиться изнутри. Мне кажется, что революция более всего способствует этому перерождению, и я глубоко верю, что, гениально оживив традиции Белинского, она заставит Россию с потрясающей силой пережить и правду Тютчева, Достоевского, Соловьёва». И в этом Николай Васильевич тоже оказался прав. В Советской России миллионными тиражами

издавались Толстой, Пушкин, Некрасов, Тургенев, Гоголь, Тютчев, «реакционный» Достоевский и другие русские классики.

К сожалению, мы очень мало знакомы с трудами сменовеховцев и их судьбами. Пожалуй, можно отметить лишь книгу С.М. Сергеева «Страстотерпец Великодержавия». В наше время эту тему продолжает книга П.И Ткаченко «Новая смена Вех» и сборник «На перепутье. Новые вехи». Авторы А.С. Панарин, В.Г. Федотова, Н.Е. Покровский, А.И. Уткин. Необходимо не только воздать должное русским патриотам, но и донести людям их животворные идеи, способные объяснить многие противоречия сегодняшней России, и что особенно важно — помочь их разрешить. Идея преобразования народного самосознания путём идеологической культурной национализации политики государства является единственно правильной. Эта идеология соединяет в себе опыт борьбы за Русское дело (Русский Мир) и знание реального положения дел внутри страны.

КТО СОЗДАЛ ТРЕТИЙ РЕЙХ

Одним из испытанных приёмов информационной войны Запада против России является направление интеллектуальной энергии в тупиковое русло бесплодных дискуссий, в которых русских заставляют постоянно оправдываться и защищаться от обвинений в тех преступлениях, которые они не совершали. Так, резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ, полностью уравнивающая роли Советского Союза и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны, кроме того, что имеет чисто прагматическую цель выкачать из России деньги на содержание некоторых обанкротившихся экономик, направлена на то, чтобы демонизировать Россию как правопреемницу СССР и подготовить правовую почву для лишения её права выступать против пересмотра итогов войны (не случайно резолюция одобрена одновременно с принятием японским парламентом закона, объявляющего Южные Курилы исконной территорией Японии).

На Западе развернута широкая информационная кампания по формированию «единого понимания европейской истории», направленная на то, чтобы признать преступле-

УРОКИ ИСТОРИИ

ния коммунизма против человечества в правовом порядке, как это сделано в отношении нацизма. Но если уж ставить вопрос об ответственности за эти преступления, то именно Россия как главная жертва общеевропейской военной экспансии XX в. должна взять на себя инициативу в выявлении и осуждении (с соответствующими политическими последствиями) истинных виновников мировой войны. И ключевым здесь является вопрос о том, кто обеспечил приход нацистов к власти, кто направлял их по пути к мировой катастрофе. Вся предвоенная история Германии показывает, что обеспечению «нужного» политического курса служили управляемые финансовые потрясения, в которые, кстати, мир оказался ввергнут и сегодня.

И тогда, и сейчас организаторами этих потрясений стали англо-американские финансовые кланы, образующие высший мировой банкирский слой. Поэтому когда совершенно справедливо предлагается объявить 30 сентября — дату подписания Мюнхенского соглашения — днём памяти жертв либерализма и нацизма, надо помнить, что этот договор был одним из звеньев в цепи событий, подготовленных в полном соответствии с планами англо-американской финансовой верхушки, стратегия которой была направлена на организацию военного столкновения СССР и Германии.

В предвоенной истории Запада мы можем выделить много дат, которые мировая общественность должна отмечать как дни памяти жертв союза международных банкиров и нацистов. Такой же трагической датой, кстати, является и день подписания конкордата между Ватиканом и нацистской Германией, обрѣкшего христиан-католиков на тотальное подчинение нацистскому режиму.

Ключевыми структурами, определявшими стратегию послевоенного развития Запада, были центральные финансовые институты Великобритании и США — Банк Англии и Федеральная резервная система (ФРС) — и связанные с ними финансово-промышленные организации, поставившие цель установить абсолютный контроль за финансовой системой Германии, чтобы управлять политическими процессами в Центральной Европе. В реализации этой стратегии можно выделить следующие этапы:

1-й: с 1919 по 1924 г. — подготовка почвы для массивных американских финансовых вливаний в немецкую экономику;

2-й: с 1924 по 1929 г. — установление контроля за финансовой системой Германии и финансовая поддержка национал-социализма;

3-й: с 1929 по 1933 г. — провоцирование и развязывание глубокого финансово-экономического кризиса и обеспечение прихода нацистов к власти;

4-й: с 1933 по 1939 г. — финансовое сотрудничество с нацистской властью и поддержка её экспансионистской внешней политики, направленной на подготовку и развязывание новой мировой войны.

На первом этапе главными рычагами обеспечения проникновения американского капитала в Европу стали военные долги и тесно связанная с ними проблема германских репараций. После формального вступления США в Первую мировую войну они предоставили союзникам (в первую очередь Англии и Франции) займы на сумму 8,8 млрд. долл. Общая же сумма военной задолженности, включающая и займы, предоставленные США в 1919—1921 гг., составила более 11 млрд. долл. Решить свои проблемы страны-должники пытались за счёт Германии, навязав ей огромную сумму и крайне тяжёлые условия выплаты репараций. Вызванные этим бегство немецких капиталов за границу и отказ от уплаты налогов привели к такому дефициту государственного бюджета, который мог быть покрыт только за счёт массового выпуска ничем не обеспеченных марок. Результатом этого стал коллапс германской валюты — «великая инфляция» 1923 г., составившая 578 512 %, когда за один доллар давали 4,2 трлн. марок. Германские промышленники стали открыто саботировать все мероприятия по выплате репарационных обязательств, что спровоцировало в итоге известный «рурский кризис» — франко-бельгийскую оккупацию Рура в январе 1923 г.

Именно этого ждали англо-американские правящие круги, чтобы, дав увязнуть Франции в затеваемой авантюре и доказав её неспособность решить проблему, взять инициативу в свои руки. Государственный секретарь США Юз указывал: «Надо выждать, когда Европа созреет для того, чтобы принять американское предложение».

Новый проект разрабатывался в недрах «Дж. П. Морган и К^о» по указанию главы Банка Англии Монтегю Нормана. В основе его лежали идеи представителя «Дрезднер Банка» Ялмара Шахта, сформулированные им ещё в марте 1922 г. по предложению Джона Фостера Даллеса (будущего госсекретаря в кабинете президента Эйзенхауэра), юридического советника президента В. Вильсона на Парижской мирной конференции. Д. Ф. Даллес передал эту записку главному доверенному лицу «Дж. П. Морган и К^о», после чего Дж. П. Морган рекомендовал Я. Шахта М. Норману, а последний — вей-

марским правителям. В декабре 1923 г. Я. Шахт станет управляющим Рейхсбанка и сыграет важнейшую роль в сближении англо-американских и немецких финансовых кругов.

Летом 1924 г. данный проект, известный как «план Дауэса» (по имени председателя готовившего его комитета экспертов, американского банкира, директора одного из банков группы Моргана), был принят на Лондонской конференции. Он предусматривал снижение вдвое выплаты репараций и решал вопрос об источниках их покрытия. Однако главной задачей было обеспечение благоприятных условий для американских инвестиций, что было возможно только при стабилизации немецкой марки. Для этого план предусматривал предоставление Германии крупного займа на сумму 200 млн. долл. (800 млн. марок), половина из которых приходилась на банкирский дом Моргана. При этом англо-американские банки устанавливали контроль не только над переводом германских платежей, но и за бюджетом, системой денежного обращения и в значительной мере системой кредита страны. К августу 1924 г. старую немецкую марку заменили новой, финансовое положение Германии стабилизировалось, и, как писал исследователь Г.Д. Препарта, Веймарская республика была подготовлена к «самой живописной экономической помощи за всю историю, за которой последует самая горькая жатва в мировой истории» — «в финансовые жилы Германии неукротимым потоком хлынула американская кровь».

Следствия этого не замедлили себя обнаружить. Во-первых, в силу того, что ежегодные выплаты репараций шли на покрытие суммы выплачиваемых союзниками долгов, сложился так называемый «абсурдный веймарский круг». Золото, которое Германия платила в виде военных репараций, продавалось, складывалось и исчезало в США, откуда оно в виде «помощи» по плану возвращалось в Германию, которая отдавала его Англии и Франции, а те, в свою очередь, оплачивали им военный долг США. Последние, обложив его процентами, вновь направляли в Германию. В итоге все в Германии жила в долг, и было ясно, что в случае, если Уолл-стрит отзовет свои займы, страна потерпит полное банкротство. При этом американские банкиры ничего не потеряли бы, поскольку, получая в обмен на займы облигации, они продавали их американским гражданам.

Во-вторых, хотя формально кредиты выдавались для обеспечения выплат, речь шла фактически о восстановлении военно-промышленного потенциала страны. Дело в том, что за кредиты немцы расплачивались акциями предприятий, так что американский капитал стал активно интегрироваться в немецкую эко-

номику. Общая сумма иностранных вложений в германскую промышленность за 1924—1929 гг. составила почти 63 млрд. золотых марок (30 млрд. приходилось на займы), а выплата репараций — 10 млрд. марок. 70% финансовых поступлений обеспечивали банкиры США, большей частью банки Дж.П. Моргана.

В итоге уже в 1929 г. германская промышленность вышла на второе место в мире, но в значительной мере она находилась в руках ведущих американских финансово-промышленных групп. Так, «И.Г. Фарбениндустри», этот основной поставщик германской военной машины, на 45% финансирующий избирательную кампанию Гитлера в 1930 г., находился под контролем рокфеллеровской «Стандарт Ойл».

Морганы через «Дженерал электрик» контролировали германскую радио- и электротехническую промышленность в лице АЭГ и «Сименс» (к 1933 г. 30% акций АЭГ принадлежали «Дженерал электрик»), через компанию связи ИТТ — 40% телефонной сети Германии, кроме этого им принадлежали 30% акций авиастроительной фирмы «Фокке-Вульф». Над «Опелем» был установлен контроль со стороны «Дженерал моторс», принадлежавший семье Дюпона. Генри Форд контролировал 100% акций концерна «Фольксваген». В 1926 г. при участии рокфеллеровского банка «Дилон Рид и К^о» возникла вторая по величине после «И.Г. Фарбениндустри» промышленная монополия Германии — металлургический концерн «Ферейнигте штальверке» (Стальной трест) Тиссена, Флика, Вольфа и Феглера и др.

Американское сотрудничество с немецким военно-промышленным комплексом было настолько интенсивным и всепроникающим, что к 1933 г. под контролем американского финансового капитала оказались ключевые отрасли германской промышленности и такие крупные банки, как «Дойче Банк», «Дрезднер Банк», «Донат Банк» и др. Американцы потратили на это более 150 долгосрочных займов, выданных в течение 7 лет, так что «план Дауэса» не случайно называют первой немецкой пятилеткой в преддверии войны.

Одновременно готовилась и та политическая сила, которая призвана была сыграть решающую роль в реализации англо-американских планов. Речь идёт о финансировании нацистской партии и лично А. Гитлера.

Образовавшись в 1919 г., нацистская партия начала свой рост только весной 1922 г., когда у её лидеров появились финансовые средства. Как писал в своих мемуарах бывший канцлер Германии Брюнинг, начиная с 1923 г., Гитлер получал крупные суммы из-за рубежа. Откуда они шли, неизвестно, но поступали через швейцарские и шведские банки.

Известно также, что в 1922 г. в Мюнхене состоялась встреча А. Гитлера с военным атташе США в Германии капитаном Трумэном Смитом, составившим о ней подробное донесение вашингтонскому начальству (в Управление военной разведки), в котором он высоко отзывался о Гитлере. Именно через Смита в круг знакомых Гитлера был введён Эрнст Франц Зедгвик Ганфштенгль (Путци), выпускник Гарвардского университета, сыгравший важную роль в формировании А. Гитлера как политика, оказавший ему значительную финансовую поддержку и обеспечивший ему знакомство и связи с высокопоставленными британскими деятелями. В 1937 г. Ганфштенгль покинул Германию и прибыл в Америку, где в годы войны работал в качестве советника Ф. Д. Рузвельта.

Гитлера готовили к большой политике, однако, пока в Германии царило процветание, его партия оставалась на периферии общественной жизни. Положение резко меняется с началом кризиса.

С осени 1929 г. после спровоцированного ФРС краха американской фондовой биржи начинает осуществляться третий этап стратегии англо-американских финансовых кругов. Показательно, что уже с 1928 г. Уолл-стрит стал постепенно отзываться свои кредиты из Германии, но именно после финансового коллапса в США Банк Англии, ФРС и банкирский дом Моргана принимают решение прекратить кредитование Германии, инспирировав банковский кризис и экономическую депрессию в Центральной Европе.

В сентябре 1931 г. Англия отказалась от золотого стандарта, сознательно разрушив международную систему платежей и полностью перекрыв финансовый кислород Веймарской республике. Между тем, как пишет Ф. Энгдаль, в то время даже минимальная пролонгация кредитов на небольшие суммы вполне могла бы предотвратить неконтролируемый кризис ещё на раннем этапе. Однако Ялмар Шахт неожиданно подаёт в отставку, а новый президент Рейхсбанка Ханс Люттер, назначенный по требованию М. Норманна и Дж. Гаррисона (главы ФРС), послушно воздержался от каких-либо действий для предотвращения коллапса крупных немецких банков.

Зато с НСДАП происходит финансовое чудо: в сентябре 1930 г. в результате крупных пожертвований Тиссена, «И. Г. Фарбениндустри» и Кирдорфа партия получает 6,4 млн. голосов, занимает второе место в Рейхстаге, после чего и начинаются щедрые вливания из-за рубежа. Основным связующим звеном между крупнейшими немецкими промышленниками и зарубежными финансовыми системами становится Я. Шахт.

В октябре 1931 г. в Лондон приехал А. Розенберг, где он встретился с крупнейшими британскими финансистами и бизнесменами: с М. Норманом, с Генри Детердингом, главой «Ройял Датч Шелл», предоставившим Гитлеру до 1933 г. 10 млн. марок, и, наконец, с Фрэнком К. Тайарксом, первым лицом лондонского «Банка Шрёдера», связанного с нью-йоркским «Дж. Г. Шрёдер Банком» и кёльнским «И. Г. Штайн Банком», принадлежавшим барону Курту фон Шрёдеру. Банкирский дом Шрёдеров был крайне влиятельным во всемирной финансовой сети и входил в тот узкий круг лондонских домов, которые пользовались признанным влиянием в правлении Банка Англии (с 1918 по 1945 г. Тайаркс был доверенным лицом Шрёдера в Банке Англии). Тесные связи Шрёдер имел и с Морганом, и с Рокфеллером, а официальным представителем его на Уолл-стрит была юридическая фирма «Салливен и Кромвель», в которой работали братья Джон Фостер и Аллен Даллесы (последний входил в совет директоров банка Шрёдера).

Эти связи нацистов имели решающее значение, поскольку, когда после 1931 г. барон фон Шрёдер и Шахт обратились к ведущим промышленным и финансовым магнатам Германии за поддержкой НСДАП, первым вопросом был следующий: а как международное финансовое сообщество и Норман лично отнесутся к перспективам немецкого правительства во главе с Гитлером и готовы ли они помочь кредитами?

Ответ был утвердительным, и 4 января 1932 г. на вилле Курта фон Шрёдера состоялась его встреча с А. Гитлером и фон Папенем, на которой было заключено тайное соглашение о финансировании НСДАП, к тому времени обременённой огромными долгами. На этой встрече присутствовали также и братья Даллесы, о чём не любят упоминать их биографы.

А 14 января 1933 г. состоялась ещё одна встреча Гитлера со Шрёдером, Папенем и Кеплером, где программа Гитлера была полностью одобрена. Именно здесь был окончательно решён вопрос о передаче власти нацистам, и 30 января Гитлер становится рейхсканцлером. Теперь начинается реализация четвертого этапа стратегии.

Отношение англо-американских правящих кругов к новому правительству стало крайне благожелательным. Когда Гитлер отказался платить репарации, что, естественно, поставило под вопрос выплату военных долгов, ни Англия, ни Франция не предъявили ему претензий по поводу платежей. Более того, после поездки поставленного вновь во главе Рейхсбанка Я. Шахта в США в мае 1933 г. и его встречи с президентом и крупнейшими банкирами с Уолл-стрит Аме-

рика выделила Германии новые кредиты на общую сумму в 1 млрд. долл. А в июне во время поездки в Лондон и встречи с М.Норманом Шахт добивается предоставления английскому займу в 2 млрд. долл. и сокращения, а потом и прекращения платежей по старым займам. Таким образом, нацисты получили то, чего не могли добиться прежние правительства.

В начале 1934 г., когда группа крупнейших финансистов собралась у М.Нормана для обсуждения политической ситуации в Европе, Германия была оценена как стабилизирующая сила, а в мае того же года Норман посетил Берлин, чтобы договориться о тайной финансовой поддержке нового режима. Летом 1934 г. Британия заключила англо-германское трансфертное соглашение, ставшее одной из основ британской политики по отношению к третьему рейху, и к концу 30-х годов Германия превращается в основного торгового партнёра Англии. Тогда же Англия возобновляет установленный ещё в 1931 г. мораторий на выплату долгов по «плану Дауэса» и всех средств, которые Германия задолжала лондонским банкам. Более того, М.Норман авансировал нацистам новый заём в 4 млн. фунтов для облегчения мобилизации германского коммерческого кредита. Англия одалживала и частным германским концернам, таким как «И.Г. Фарбениндустри», при этом Банк Англии инструктировал своих служащих открыто не обсуждать эту проблему ввиду её конфиденциальности. Банк Шрёдера превращается в главного агента Германии в Великобритании, а в 1936 г. его отделение в Нью-Йорке объединяется с домом Рокфеллеров для создания инвестиционного банка «Шрёдер, Рокфеллер и К^о», который журнал «Таймс» назвал «экономическим пропагандистом оси Берлин—Рим».

В итоге к 1939 г. Германия вернула своим кредиторам менее 10% иностранных денег, которые составляли её долг в 1932 г., однако международные финансовые круги всячески благоволители нацистам. Как признавался сам Гитлер, свой четырёхлетний план он задумал на финансовом основании зарубежного кредита, поэтому он никогда не внушал ему ни малейшей тревоги.

При нацистах влияние иностранного капитала в Германии начинает расти главным образом за счёт прямых инвестиций. В августе 1934 г. «Стандарт Ойл» приобрела в Германии 730 тыс. акров земли и построила крупные нефтеперерабатывающие заводы, которые снабжали нацистов нефтью. Тогда же в Германию из США было доставлено тайно самое современное оборудование для авиационных заводов стоимостью в 1 млн. долларов, на котором начнётся производство

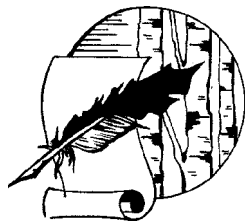
немецких самолетов. От американских фирм «Пратт и Уитни», «Дуглас», «Бендикс Авмэйшн» Германия получила большое количество военных патентов, и по американским технологиям строился «Юнкерс-87». К 1941 г. американские инвестиции в экономику Германии составили 475 млн. долл. «Стандарт Ойл» вложила в неё 120 млн., «Дженерал моторс» — 35 млн., ИТТ — 30 млн., а «Форд» — 17,5 млн.

Особо важную роль в обеспечении связей между финансовыми кругами США и Германии играл Банк международных расчётов (БМР), созданный в 1930 г. в соответствии с «планом Юнга»: объединёнными усилиями мировых банков урегулировать получение и распределение германских репарационных платежей. Хотя банк был создан для контроля над операциями по переводу иностранной валюты из Германии за границу, он стал выполнять прямо противоположную функцию, превратившись в канал по перекачке американских и английских денег в резервуары нацистов. К началу Второй мировой войны БМР полностью перешёл под контроль Гитлера, хотя правление банка возглавлял американец Томас Маккитрик.

Вдохновителем этого предприятия был всё тот же Я. Шахт, вынашивавший идею создания такого учреждения, которое и в случае мирового военного конфликта позволило бы сохранить связи между крупнейшими финансистами мира. Поэтому в Устав БМР была включена статья, обеспечивавшая банку неприкосновенность в любой ситуации: он не подлежал ни конфискации, ни ликвидации, а его деятельность не подвергалась контролю.

Теснейшее финансово-экономическое сотрудничество англо-американских и нацистских деловых кругов и было тем фоном, на котором в 30-х годах проводилась политика умиротворения агрессора и состоялся Мюнхен.

Сегодня, когда мировая финансовая верхушка приступила к реализации плана «Великая депрессия — 2» с последующим переходом к «новому мировому порядку», выявление её ключевой роли в организации преступлений против человечества становится первостепенной задачей.

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

* * *

Я к вам пришла не девочкой, а песней.
Я песнями хотела вас согреть.
Я их брала у городских предместий,
Ещё не зная, где возьму их впредь.
Я вам казалась фишкой и подставой.
Не знали вы, где я беру слова
О доблести. О подвигах. О славе.
А я у отчей правды их брала.

Я к вам пришла на русскую дорогу,
Не отыскав прекраснее пути.
И вы со мной смирились понемногу.
Я про себя сказала: слава Богу!
Мне больше было некуда идти.

И всё срослось. И что теперь мне, кроме,
Как песни петь да к истине идти.
То и беда, что русским в русском доме
Себя сегодня можно не найти.
Но знаю я — не переменишь сердца,
И мать нельзя на мачеху менять.
Я к вам пришла, поскольку знала с детства,
Что ты мне, Русь, не мачеха, а мать.

г. Сыктывкар, Республика Коми

ХОЛОДНО

Холодно там, снаружи,
Да и на сердце тоже.
Стала тропинка уже —
Двух не вместит прохожих.
Хлопья ложатся плотно —
Белое снова в моде.
Блекнут мои полотна —
Ты не заметил вроде.
Дороги нынче встречи:
Снег — это так, на сдачу.
Чисто и безупречно...
В жизни — всегда иначе.

ПРОЕЗДОМ

Я рядом.
Дышу твоим городом.
Стоянка — минут пятнадцать.
Ночью в плацкарте холодно.
Мне твои губы снятся.
Даже сейчас, на воздухе,
На островке перрона,
Память строчит без отдыха:
Встретил, увидел, тронул.
Я не звонила — надо ли.
Мну корешок билета:
Зря мы, наверно, падали
В сочные травы лета.
Мимо тебя, далекого,
Мимо тебя, родного,
Я проезжаю
Около.
Даже люблю
Немного.

г. Архангельск

Наталья СОВЕТНАЯ

* * *

Твои шаги наш общий дом запомнил...
Как непривычно горько, тихо в нём!
Воспоминаям каждый миг наполнен,
Тобою даже воздух напоён.

Дыханье чувствую и слышу голос:
«Не уходи!» А сам исчез в ночи...
Лишь на подушке твой остался волос,
На полочке, под зеркалом — ключи.

Уже не дни, а месяцы считаю
Разлуки беспощадной, роковой.
Где ты сейчас? Мне не проникнуть в тайну...
Ты без меня.
Но я всегда с тобой.

* * *

Пашет конь (теперь такая редкость!)
Просыпайся, старый огород!
Вновь весна! Ей чуждо слово «ветхость».
А земельке чуждо — «недород».

До войны её мой дед лелеял.
В сорок третьем — красный командир.
Лично сам ходил за плугом, сеял,
С нею, как с живою, говорил.

Хата, поле... — жизненное дело!
И в роду за сотни прежних лет
Пахари рождались и седели...
На земле — их добрый хлебный след.

Стой, гнедой! Дай обниму за шею,
Ты сегодня — диво, раритет!
Рядом — пахарь.
Я пред ним немею:
Словно жив мой довоенный дед...

г. Городок Витебской обл.

Александр ГУБЕНКО

* * *

Идут дожди — холодные, косые.
Опавший лист ногами втоптан в грязь.
Но мне мила осенняя Россия,
Где лес в багрянце сказочном увяз.
Там, у реки, склонились низко ивы.
На них смотреть — одна печаль да грусть.
О, как забыть оплаканные нивы?
Я по тебе давно скучаю, Русь!

* * *

Вишнёвый сад залит кровавым светом.
Ложится в тень родная сторона.
Ну кто же знал, что этим жарким летом
На город мой обрушится война?
Но верю я — и это мне не снится! —
Что вновь в мой сад придёт цветущий май!
Расправив крылья, снова возродится
Войной безумной опалённый край!..

г. Донецк, ДНР

Игорь БЕЛКИН-ХАНАДЕЕВ

* * *

Бабушка, мой милый ангел,
Мой хранитель на века.
Ты в каком небесном ранге
Так незримо далека?
В керамическом овале
Образ твой и чист, и свят.
Там, куда тебя позвали,
Адресов не говорят.
Где теперь тебя искать мне?
Здесь ли следующий дом?
Белый памятник из камня
Не сдаёт дома в наём.
Над могилкой месяц ранний
Озаряет город Брест.
Вновь сочится старой раной
Нарукавный красный крест.

Под лихим огнём вставая,
Забывая боль и страх,
Воевала фронтовая
Медицинская сестра.
Выносила с поля боя:
«Братец, миленький, держись!»
Снились небо голубое
И бинты длиною в жизнь
И в одну шестую суши.
Спит душа...
Проснись, страна!
Ангелы поют всё глуше...
Всё морозней тишина...

г. Серпухов Московской обл.

Вячеслав ДИНЕКА

* * *

Тьма и холод, веют снега,
В темноте огонь блестит...
Кто же ночью о ночлеге
В голом поле не грустит?
На лице снежинки тают,
С хрустом рушится ледок,
И бродяги забредают
На дрожащий огонёк...
Огонёк моей свечонки,
Может быть, кому-нибудь,
Как бездомной собачонке,
В темноте укажет путь.
Может, ночью леденящей
В непроглядной пустоте
Им мелькнёт живой, манящий
Луч надежды в темноте...
Я когда-то сам — с испугу —
Залетел, как мотылёк,
В эту тихую лачугу
На заветный огонёк.
С той поры, не усыпая,
Душу дружбою лечу,
И от бурь оберегаю
Драгоценную свечу.

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛИЗМА

Как показывают соцопросы, большинство современных граждан России хотели бы жить в советское время: одни — при Сталине, другие — при Хрущёве, а больше всех — при Брежневе. Их не смущают «страшилки» о тоталитарных временах, о цензуре, о преследовании инакомыслящих. Они знают: тот «тоталитаризм» — это порядок в государстве, это низкий уровень преступности, это бесплатные или дешёвые (кооперативные) квартиры, это бесплатное образование и медицина, это почти бесплатные детсады, пионерлагеря и дома отдыха, это отсутствие межнациональных конфликтов, это отсутствие безработицы, это, наконец, уверенность в завтрашнем дне. Они знают: та «цензура» — это отсутствие похабщины в театрах, кино и на ТВ, это высокий уровень искусства, это высокий уровень общественной нравственности. Они знают: те «инакомыслящие» — это, в большинстве своём, проплаченные Западом разрушители нашего государства.

А вот дефицит товаров и очереди в магазинах — это уже не «страшилка», такое действительно было. Ладно, в конце 40-х и в 50-е годы дефицит справедливо объяс-

ЭКСПЕРТЫ

нялся последствиями войны и угрозой нападения США, но в 1970—1980-е такое объяснение выглядело неубедительным и вызывало лишь недоверие к властям. Вспоминается анекдот того времени. У мясного магазина огромная очередь, выходит директор: «Русские есть? — Есть. — Говядины не будет. Украинцы есть? — Есть. — Свинины не будет. Татары есть? — Есть. — Баранины не будет. Коммунисты есть? — Есть. — Разъясните людям международную обстановку!»

Трудно было понять, почему кур, варёно-копчёную колбасу, гречку и прочие подобные «деликатесы» нельзя купить в Новосибирске, а нужно везти из Москвы, Ленинграда, Киева или Харькова (что проделывал и автор этих строк, бывая там в командировках)? Почему за прозаической варёной колбасой за 400 вёрст в Москву по выходным ездили горьковчане (нижегородцы)? Почему калининцы (тверяки) шутили: «Снабжение у нас плохое, но зато есть два хороших пригорода — Москва и Ленинград»? Ведь промышленность и сельское хозяйство демонстрировали ежегодный рост объёмов производства — и это действительно было так. Опубликованные в 1990-е годы факты вредительской деятельности высокопоставленных представителей «пятой колонны» давали лишь частичное объяснение.

В те годы далеко не все знали, что подобная же картина — и в экономике в целом. Правда, у всех на слуху были слова: «Вначале спячка, потом раскачка, потом горячка». Это — о заводе или стройке, где в начале квартала (отчётного периода) бьют баклуши, а в конце работают надрываясь, чтобы успеть выполнить план. И не потому, что такие нерадивые, а потому что на завод неритмично поступают необходимые комплектующие, а на стройку — строительные материалы. А неритмично поступают потому, что многие изделия и материалы тоже были дефицитными, их называли лимитируемыми (или фондируемыми, поскольку каждому предприятию на них выделялись «фонды»). Фонды распределял Госснаб по министерствам, те — по своим главным управлениям (главкам) и далее, по цепочке, — до конечного потребителя, а планы министерствам устанавливал Госплан.

Такая система управления экономикой была оправданной в предвоенный, военный и послевоенный периоды, хотя и тогда уже была непрекращающаяся борьба: каждое министерство (завод, строительный трест, колхоз) старалось получить план поменьше, а фондов — побольше. Однако уже в 1950-е годы система стала давать сбои. Причина в том, что экономика с каждым годом становилась всё мощнее и сложнее, а управлять ею из центра было всё труднее и труднее.

Действительно, разве может Москва предусмотреть все мелочи и детали производства и снабжения, все связи между поставщиками, потребителями и смежниками? Не может. А раз не может, то на планы, спускаемые предприятиям, она навешивала кучу всевозможных показателей, обязательных к исполнению. За «шаг в сторону» следовало наказание. В итоге инициатива на местах сковывалась, заинтересованности в повышении производительности труда и внедрении более совершенных технологий не было, себестоимость продукции росла, а её качество падало.

Знал ли Сталин об этих проблемах, сказать трудно. В своей последней книге «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952 г.) он их не затронул. Наоборот, он проявил себя как твёрдый последователь классического социализма: товарно-денежные отношения обозначил как временные, с последующим переходом к прямому продуктообмену. Временными считал он и колхозы, владевшие излишками продукции как своей собственностью, которую в будущем через прямой продуктообмен следовало сделать общенародным достоянием.

Первым, кто захотел круто изменить ситуацию, был Хрущёв. Но, взявшись с неуёмной энергией за дело, он лишь напортил: вместо отраслевых министерств создал территориальные управления экономикой — совнархозы, разорвав тем самым все связи внутри каждой отрасли. Экономике залихорадило ещё больше. В 1965 году, когда страну уже освободили от неразумного Хрущёва, попытался провести реформу разумный Косыгин.

Суть его реформы, названной «Новой системой планирования и экономического стимулирования», заключалась в расширении самостоятельности предприятий, в снижении числа плановых показателей (с целью уменьшения бюрократизации управления), во введении экономических стимулов (на первый план выходили рентабельность и прибыль), в новой политике цен.

Реформа дала впечатляющие результаты, а 8-я пятилетка (1966—1970) потом была названа «золотой» за рекордные среднегодовые темпы роста экономики (7,7%), за высокие темпы развития социальной сферы, жилищного и промышленного строительства (введено 1900 новых крупных предприятий, в т.ч. АвтоВАЗ) и т.д. Однако в начале 1970-х реформа была свёрнута — и не потому, что в ней обнаружилось некоторые недостатки (которые по ходу вполне можно было устранять), а потому, что у нее были влиятельные противники в лице партийных функционеров (они были обеспокоены

ослаблением влияния партии на экономику). Любопытно, что непримиримыми противниками оказались и будущие активисты разрушения СССР академики Шаталин и Арбатов, критиковавшие реформу за «предательство» социализма и внедрение «чуждых» идей.

И всё же реформа Косыгина, будь она и доведена до конца, задачи повышения качества товаров и услуг и снижения их себестоимости в рамках советской системы решить бы не смогла. Для этого нужна была конкуренция, а это — смена экономической модели. (Могут возразить: выпускала же военная промышленность высококачественное и относительно дешёвое оружие! Да, выпускала, но как раз потому, что у СССР был «конкурент» и очень серьёзный — страны НАТО во главе с США.)

Вот здесь весьма поучительной оказалась экономическая модель, введённая Кадаром в Венгрии в конце 1970-х годов. Государственные планы там называли госзаказами и их долю постепенно снижали. Это вынудило предприятия (они оставались в государственной собственности) искать других заказчиков, т.е. вступать в конкурентную (рыночную) борьбу, в том числе и за госзаказы, а посему снижать стоимость и повышать качество продукции. Были разрешены частные предприятия в сфере услуг, а также в сельском хозяйстве (кстати, крестьяне не бросились врассыпную из тех кооперативов, которые занимались полеводством и животноводством и где требовался высокий уровень механизации; «частники» занимались преимущественно садоводством). Были установлены два уровня цен — государственные и договорные. За последними государство установило контроль, чтобы не раздувать инфляцию. С той же целью оно контролировало и рост фонда зарплаты (не более 4% в год). В ведении государства оставались и кадровые вопросы. Такова в очень кратком изложении суть этой модели.

В итоге, экономика росла на 5—6% в год, росло благосостояние населения, а полки магазинов ломились от обилия товаров. (Автор, будучи в служебной командировке в Венгрии в 1983 году, воочию в этом убедился.) Новая экономическая модель успешно действовала в Венгрии до 1990 года, пока не рухнул Варшавский блок, а вместе с ним не разорвались и внешние экономические связи.

Можно ли было венгерскую модель считать социалистической? Если следовать догмам марксизма, нельзя. Если же иметь в виду государственную собственность на основные средства производства и большие фонды общественного потребления, конечно, можно.

Можно ли было эту модель, с теми или иными поправками, использовать в нашей стране? Наверное, да. Но престарелому Политбюро ЦК это были ненужные хлопоты, кроме того — модель, как уже сказано, противоречила «всесильному учению», а главное — она оставляла без дела огромную часть партийного аппарата.

Похожую модель использовали китайцы. Просто в нашей стране не нашлось ни Яноша Кадара, ни Дэн Сяопина. Нашлись Горбачёв и Ельцин.

Как видим, социализм вовсе не исчерпал своих возможностей. Он по-прежнему живёт (в Китае, Вьетнаме, на Кубе) и остаётся самым справедливым общественным строем. Вернётся ли социализм в Россию (разумеется, в ином качестве)? Думается, да. Ибо вряд ли наш народ будет бесконечно терпеть вопиющий социально-экономический и правовой беспредел.

Ольга КОТОВА,
доктор экономических наук

ЭПОХА КАПИТАЛИЗМА ПОДХОДИТ К КОНЦУ

Бедность и сильное имущественное неравенство не являются обязательными атрибутами общества. В Советском Союзе имущественное расслоение было, но оно было незначительным. Социалистическая система была вполне успешной на территории трети мира, куда входили СССР, Китай, Вьетнам, Восточная Европа, Куба. Все показатели имущественного расслоения общества были в разы меньше, чем сейчас. Нынешнее время является с этой точки зрения самым худшим в истории России. Даже при Императоре Ни-

колае II было лучше, чем теперь. А в Советском Союзе разница между богатыми и бедными резко сократилась — благосостояние народа и страны росло в унисон. Мы развивались не так быстро, как могли, наше благосостояние было не так велико, как хотелось бы, но СССР был второй экономикой мира, и по среднему уровню жизни населения СССР значительно отличался от такой страны, как Италия. Всё население было накормлено, одето и обуто, люди имели крышу над головой, бесплатную медицину и образование для всех, то есть были полностью обеспечены базовым благосостоянием. Благодаря существованию СССР и мировой социалистической системы в 1960—1980-е годы на Западе имущественное расслоение также сократилось, появился средний класс, и идеологи капитализма заговорили о государстве всеобщего благосостояния.

К сожалению, хозяевам денег удалось поломать социалистическую систему, построенную бедными против них. Надо отметить, что после распада СССР процесс имущественного расслоения сильно ускорился не только у нас, но и в развитых капиталистических странах. Социальной справедливости в мире стало меньше.

Еще одной причиной роста экономического неравенства людей и целых стран стал кризис капитализма, связанный с достижением пределов роста по рынкам, процентам по кредитам, ископаемым ресурсам и экологии. Об этом кризисе писал еще основоположник экономической теории Адам Смит. Капитализм уперся в предел своих возможностей. Капиталистическая экономика основана на прибыли. Если раньше сильные тратили энергию на освоение неизведанных территорий и покорения новых рынков, то теперь они отбирают деньги у более слабых стран и защищенных слоев собственного населения. Наблюдается расслоение не только внутри государств, но и между странами — богатые богатеют, а бедные беднеют. Президент США Дональд Трамп назвал бедные страны не очень приличным словом. Есть страны, пребывающие в совершенно безнадежном положении, что является результатом их ограбления в рамках капиталистической системы хозяйствования. В список таких стран попали и некоторые бывшие республики СССР, и их ограбление тем больше, чем меньшим суверенитетом они обладают. Ярким примером является Украина, ставшая беднейшей страной Европы с уровнем ВВП на душу населения меньше, чем в Габоне и Гондурасе, ее валовый внутренний продукт после распада СССР так и не достиг уровня УССР, а в 2014 году после перехода под прямое управление США упал вдвое.

Получение прибыли стало осуществляться также за счет ограбления целых слоев собственного населения, таких как средний класс.

Неравнодушный читатель может задать резонный вопрос: почему же в России победил капитализм? Шла борьба двух систем. У социализма изначально было меньше ресурсов — сначала была всего одна страна и 200 миллионов человек, потом социалистическая система расширилась, но она все равно уступала капиталистической. Капиталистической системой управляли закаленные бойцы с большей частью мировых ресурсов. Но замечу, что к развалу СССР не было экономических предпосылок. Наоборот, Маргарет Тэтчер утверждала, что к началу 80-х годов Советский Союз был страшен для Запада не в военном, а в экономическом отношении. Экономическая система СССР имела свои преимущества.

Одной из главных причин краха столь мощного государства является резкое снижение качества управления в 70-е годы. Сильно выросло количество информации и возросла сложность управления государством, а методы управления остались на уровне 1930—1940-х гг. Мой отец, академик В.М. Глушков, предлагал создание ОГАС — принципиально новой автоматизированной системы управления экономикой СССР. В случае ее принятия краха СССР можно было избежать, наоборот, мы перешли бы на новый этап развития и обогнали бы западную систему, показали бы мощный экономический рост. Но руководство страны было некомпетентно и всеми руками держалось за власть. Почему не был реализован проект В.М. Глушкова? Все партийные руководители — Брежнев, Косыгин — потеряли бы власть, ибо не соответствовали эпохе. Политэкономия социализма, сформированная в 30-е годы XX века, уже не соответствовала текущим процессам в экономике. Идеология и политическая система страны также нуждались в серьезном обновлении.

В начале застоя руководящие бонзы и их окружение стремились конвертировать власть в деньги, и еще при Брежневе начался процесс конвергенции и сдачи позиций СССР, который при Горбачеве привел к краху страны. В результате несовершенной политической системы коммунистическая верхушка могла повернуть страну в любую сторону, в какую им заблагорассудится. Верхушка вместе со спецслужбами понимали, что наша страна отстает и не может обогнать капитализм из-за того, что мы не внедряем новые технологии, не меняем идеологию, не развиваем систему руководства страной. Поэтому они стали думать о том, как са-

мим получше устроиться, вписавшись в западную экономическую систему.

Социалистическая плановая экономика не хуже, а лучше капитализма. Ныне наступает естественный конец капитализма и его трансформация в новую экономическую систему. Даже один из создателей Римского клуба Жак Аттали, апологет капитализма, заявляет о том, что мир движется к плановой распределительной экономике. Есть опасность, что во главе этой новой системы встанут нынешние бесчеловечные элиты, которые продолжают эксплуатировать массы. Поэтому задача России — построить государство и экономику, основанную на принципах социальной справедливости. Уверена, что с этой задачей мы справимся, опираясь в том числе и на великие достижения СССР.

ИСТОКИ АМЕРИКАНСКИХ САНКЦИЙ

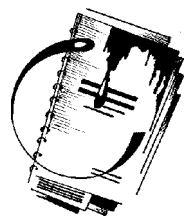
Враги не на жизнь, а на смерть

Велик был год 1862-й от Рождества Христова. Российская империя начала «вставать с колен» после поражения в Крымской войне. В Новгороде происходит торжественное празднование Тысячелетия основания Руси. Только год назад было отменено крепостное право. Начинаются революционные военные реформы. Александр II обретает всемирную славу. Его называют и отныне всегда будут называть Царём-Освободителем.

В это же время, в глубокой тайне со всех концов великой и обширной империи по особому указу императора в Крым, точнее, в Севастополь тянутся странные военные обозы. Обычно это один или два крытых возка, окружённые полусотней отборных казаков. «Именем Государя», — кричали они, меняя лошадей на постоялых дворах. «Неужто опять война?» — кристались крестьяне. Всё было проще, в Крым везли золото империи. Ему предстоял длинный путь — в горы Гипшании.

Тем временем на другом краю земли, в Америке, полыхала Гражданская война Севера и Юга. Президент-идеалист Авраам

ДОСЬЕ "МГ"

Линкольн воевал там не только с рабовладельцами, но и с европейско-английским банковским кланом Ротшильдов, активно помогающим Югу по указанию мировой интриганки — королевы Виктории. В Лондоне не любят вспоминать об этом, но, как говорится, из песни слов не выкинешь.

«Александр и Линкольн сошлись на общей неприязни к Ротшильдам, шаловливые ручки которых впились не только в европейскую, британскую и американскую экономику, но и в международную политику. Они гадили как Вашингтону, так и Петербургу, скупая пачками политиков и сановников двух стран. Но государства по отдельности не могли финансово противостоять одному из крупнейших финансовых кланов. Тогда оба правителя решили создать совместный российско-американский траст, на средства которого можно было бы придать более динамичное развитие экономикам двух стран. При этом как и у Александра, так и у Линкольна, были личные обиды на Ротшильдов. И наоборот, эти финансисты объявили американского президента своим врагом номер один из-за его отказа воссоздать частный Центральный банк Америки и ввести золотой эквивалент доллара, при том что большая часть мирового золота уже принадлежала Ротшильдам», — рассказывает историк царской семьи Сергей Желенков.

Примечательно, что Ротшильды финансировали не только Юг через свой парижский банк, но и Север — через лондонский. Между тем и в России этот клан попытался также создать подконтрольный им Центральный банк. Александр II их планы сорвал.

Но российский монарх не ограничился лишь сочувствием к заокеанскому брату по несчастью. По его Высочайшему распоряжению к берегам Америки, а точнее, в Сан-Франциско 7 ноября 1863 года прибыла эскадра Русского атлантического императорского флота под командованием контр-адмирала Степана Лесовского. Вслед за ней причалила и Тихоокеанская эскадра адмирала Андрея Попова. На весь мир прозвучал грозный рык российского императора: «В случае, если Англия и Франция окажут военную либо какую другую помощь Югу, Россия будет считать это объявлением войны». Лондон и Париж заткнулись.

Пока шли международные игры, в Крыму скопилось почти 50 тонн золотых слитков, предназначенных для создания русско-американского траста. Судами Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) золото в сопровождении специальной воинской команды из 19 человек, отобранных лично Самодержцем вся Руси, было перевезено в специаль-

ное хранилище в горах Испании. Руководил всей операцией чиновник особых поручений и генерал от Министерства внутренних дел действительный статский советник Платон Кусков.

Но проект по созданию траста сорвался. В театре был убит Авраам Линкольн. А через несколько лет в результате очередного покушения погиб и Александр II. Золото осталось в Испании. Случайность ли, что оба врага Ротшильдов были убиты, открыв клану дорогу к мировому финансовому господству?

Николай II — отец-основатель ООН

О каких совместных проектах шла речь, уже неизвестно. Архивы за это время были изрядно почищены. Хотя историки уверяют, что некоторые оригиналы договоров между Россией и Америкой до сих пор хранятся в личных архивах некоторых российских потомков участников тех событий. В царских архивах они, конечно, хранились. Но не будем забегать вперёд.

Во вторник 14 мая (по старому стилю) 1896 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялось священное коронование на российский престол Николая II Александровича и императрицы Александры Фёдоровны. На трон взошёл получивший прекрасное образование честолюбивый в хорошем смысле этого слова император. И хотя до начала Первой мировой войны оставалось ещё целых долгих 18 лет, Николай понимал, что необходимо создание надгосударственной структуры, которая помогла бы сглаживать не только политические, но и экономические противоречия между державами. Уже через три года — учитесь, современные чиновники! — по инициативе Николая II в нейтральной Гааге прошла первая мирная конференция. Кроме вопросов ограничения вооружений на ней было утверждено решение о создании Гаагского арбитражного суда. Принципы, заложенные в его работу более 100 лет назад, считаются незыблемыми до сих пор. Вторая конференция была созвана в 1907 году также по инициативе императора Николая.

«В 1904 году группа представителей 48 государств (по аналогии с современностью её можно окрестить «G-48») на секретном заседании в Париже утвердила процедуру создания Международной финансовой системы (МФС) и Мирового источника денежной массы. Также по согласованию с руководителями других государств — участников Конференции в Гааге по предложению Николая II было решено создать Лигу Наций (сейчас она называется ООН). Для обеспечения тор-

говых отношений между странами было решено на базе Лиги Наций создать единый Мировой финансовый центр со своей валютой. Для создания «золотого пула» Лиги Наций Россия через банкира Дома Ротшильда внесла в «уставный капитал» МФС 48,6 тонны золота, хранившегося в Испании. Половина из него была направлена в хранилище Форт Нокс на территории США. А половина осела в подземных хранилищах на острове Майорка, до сих пор входящем в испанское автономное сообщество Балеарские острова. Однако по документам, которые подписывали стороны, всё золото должно храниться в Нью-Йорке. Этой поставкой российского золота в США в 1904—1912 годах Российская империя обеспечила себе права на активы в «золотом пуле» в размере 52 миллиарда долларов золотом», — продолжает свой захватывающий рассказ Сергей Желенков.

Но ротшильдовские финансисты переиграли «на золотом поле» и Николая, и других участников конференции «G-48». Профинансировав избирательную кампанию американского президента Вудро Вильсона, они за два дня до Рождества 1913 г. буквально заставили его передать в их частную собственность Федеральную резервную систему (ФРС), созданную вместо Мировой финансовой системы и основанную на золоте «пула». Таким образом, доля ФРС в 88,8% до сих пор принадлежит России, а остальные 11,2% — в основном китайским бенефициарам под кураторством внука последнего китайского императора династии Цин Ли Джона.

Под защитой святого Серафима

«Сейчас из трёх российских экземпляров соглашения о вложенном в ФРС золоте на территории нашей страны находятся два. Один — в тайнике в Нижегородской области. Второй — у крупного деятеля советской эпохи. Третий — предположительно, в одном из швейцарских банков, — считает Желенков. — В том же тайнике в Нижегородчине находятся документы из царского архива, среди которых есть и 12 «золотых», а точнее, учитывая их историю, «кровавых» сертификатов. Если их предъявить, то мировая финансовая гегемония США и Ротшильдов просто рухнет, а наша страна получит огромные деньги и все возможности для развития, так как её перестанут душить из-за океана», — уверен историк.

«Между Америкой и Россией были подписаны соглашения о передаче нашего золота не в качестве подарка, а, скажем так, в аренду. Сроком на 100 лет, которые истекли в 2013 году. При этом в соглашениях особо отмечен пункт, что про-

центная ставка за пользование 48,6 тонн золотого запаса в год составляет 4% годовых. То есть 4% в год ФРС должна была перечислять России и Китаю. Но проценты, надо сказать, ни разу не выплачивались. Соглашения были написаны в шести экземплярах, три из которых хранились в Америке, три были переданы России. Также были выпущены 12 «золотых» сертификатов (48,6 т) на предъявителя. Сертификаты были переданы Государю Российскому. Тот, в свою очередь, передал их Григорию Распутину. Причины мне неизвестны, но Николай почитал иеромонаха Григория как нестяжателя мирских благ. Незадолго до его ритуальной казни Распутин, как будто предчувствуя смерть, вернул их обратно царю. Тот, по одной из версий, распределил их по самым надёжным членам семьи, по другой — передал на хранение своему крёстному сыну Петру Николаевичу Долгорукому», — считает С. Желенков.

Между тем за этими сертификатами развернулась настоящая охота. Ещё бы — в принципе любой их обладатель мог разрушить финансовую империю Ротшильдов. Кстати, в то время, когда в доме князей Юсуповых убивали Распутину, на Гороховой, где он жил, был произведён самый тщательный обыск. «Были даже отпороты подкладки стульев и кресел, вспороты подушки, разбиты шкафы», — писали газеты того времени. Но, естественно, ничего не нашли — сертификаты вновь находились в распоряжении царской семьи.

«Мне скоро будет суждено умереть в ужасных страданиях, но это будет во спасение дорогих мне Государей и святой Руси», — пророчествовал незадолго до убийства Распутин. Пророчество сбылось.

Революция как средство

Карл Маркс писал в своём «Капитале»: «Обеспечьте капиталу 10% прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживлённым, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы». А тут на кону не прибыль, а мировое господство!

«После неудачи с Распутиным стало понятно, что без устранения Николая и всех его приближённых угроза над ФРС и Ротшильдами будет сохраняться вечно. Через банковские дома братьев Рябушинских, Поляковых, Рафаловичей и Животовских (родные дяди Льва Троцкого) была профинансирована вначале Февральская, а затем и Октябрьская рево-

люции. Правой рукой Ротшильдов в России был зампредседателя Госдумы масон и кадет Николай Некрасов. Он дирижировал практически всеми банкирскими домами, давая им доступ к западным кредитам через свои связи. Позднее, в 1939 году, он был арестован. На допросах рассказал всё о финансировании Февральской и Октябрьской революций (протоколы допросов засекречены до сих пор). После Февральской революции семью императора Николая сослали в Тобольск. После Октябрьской — в Екатеринбург. Из Тобольска часть царских архивов, в том числе три экземпляра российско-американских соглашений и 12 «золотых» сертификатов сумел вывезти и спрятать начальник охраны царя Евгений Кобылинский», — продолжает Желенков.

В период неразберихи Гражданской войны и последующей борьбы за власть в советской верхушке всем было не до российского золота, хранящегося в американских закромах. Да и где документы на него — толком никто и не знал. Но уже ближе к концу 30-х годов прошлого века тема опять всплыла. Сталин прекрасно понимал, что страна стоит на пороге новой большой войны. А любая война — это финансы, финансы и ещё раз финансы. По некоторым данным, впрочем, не подтверждённым официально, примерно в 1936—1937 гг. советский представитель Вячеслав Молотов планировал выступить на заседании Лиги Наций и поведать на весь мир о долгах США Советской республике. Это вызвало бы грандиозный международный скандал. Но очень «вовремя» — в 1939 году СССР был исключён из этой международной организации якобы из-за войны с Финляндией. Потом грянула Великая Отечественная. В 1953 году умер Сталин. И на тему возврата долгов вновь замолчали.

Сумма с 50 нулями

В послевоенный период и до развала Союза, а также в наше время финансовая империя Ротшильдов (и принадлежащая клану ФРС США) наращивала своё мировое господство. Практически все банки мира, как созданные с государственным участием, так и частные, входят в систему «либор». То есть отчисляют на неизвестные им счета 4% годовой прибыли. Все эти триллионные средства оседают на счетах клана Ротшильдов. Кстати, ставка «либор» действует и в Центральном банке России. Особо это не скрывается, но и не подчёркивается. Статус ЦБ РФ фактически непонятен и так запутан, что многие независимые экономисты называют его российским филиалом ФРС.

Всего в мире существует несколько центральных банков государств, которые реально являются государственными, а не «частными ротшильдовскими лавочками». Это Сирия, Венесуэла, Куба, Иран и Вьетнам. Венгрия несколько лет назад только заикнулась о национализации своего Центробанка и сразу получила по рукам с замечательной формулировкой: «за нарушение демократии».

Иногда высший менеджмент того или иного крупного банка, не посвящённый в интриги «мадридского двора», взбрыкивает и перестаёт отчислять деньги неизвестно кому. Тогда руководство этого банка-ослушника оказывается на бирже труда с волчьим билетом. Или «случайно умирает от естественных причин». Всего за последние несколько лет более 60 крупных западных банкиров по тем или иным причинам отправились в лучший из миров.

«В 2006 году на стол высшему руководству нашей страны лёг официальный документ ФРС о том, что с 1913 по 2006 год по ставке «либор» из мировой экономики была «откачана» сумма с 50 нулями. В современной математике, по-моему, даже нет термина для таких сумм.

Для лучшего контроля своих денег через Конгресс и Сенат США в январе 1995 года «некие силы» смогли провести решение о создании суверенной международной организации Департамент международного финансового контроля (ОИТС). Штаб-квартира расположена в Таиланде, а филиалы — по всему миру. Для реализации любого инфраструктурного проекта, в котором есть перемещение валюты через границы, требуется разрешение ОИТС. Ещё есть BISbank в Базеле. Через него идут все крупные международные платежи. Так, например, даже Украина, платя России за газ, проводила платёж через этот банк. Догадайтесь — кто его контролирует?» — риторически вопрошает историк царской семьи.

«Наследники» с брошью

Обломившись с неоднократными попытками грабежа, клан Ротшильдов решил пойти другим путём. Было решено обозначить наследников на активы ФРС, которые, вступив в права, сразу от них отрекутся в пользу благодетелей. На эту роль были выбраны так называемая «великая княжна» Мария Владимировна и её отпрыск Георгий.

«С подачи Бориса Немцова и Павла Бородина Мария и сын были представлены ко двору Бориса Ельцина. Пиар за западные деньги был грандиозным. И даже после ухода из Кремля «семьи» Мария Владимировна продолжает держать

руку на пульсе российской политики. Она летает по стране, причём на личном самолёте Дм. Медведева из авиаотряда «Россия». Накоротке встречается с губернаторами, с полпредами, высшими чинами РПЦ, Думы и других госучреждений. Интересно, что креста на шее «наследницы» православного монарха замечено не было, зато практически всегда есть брошь, как у Мадлен Олбрайт, — говорит, показывая фотографии, Желенков. — Собственно, почему бы и не носить брошь как главный апологет антироссийской политики? Ведь отец Марии Владимировны — великий князь Владимир Кириллович Романов носил звание обергруппенфюрера СС. И до последних дней находился в бункере Гитлера, руководил подчинёнными ему войсками КИАФ (Корпус императорской армии и флота). Буквально за несколько дней до Победы он сумел сбежать в Лихтенштейн. А две её родные тётки (сёстры Владимира) были замужем за высокопоставленными нацистскими офицерами: лётчиком и моряком».

Также историк утверждает, что в 2013 г. на острове Мальта Марии Владимировне как «законной наследнице и правопреемнице» Николая II должны были передать право на эти активы, вручив три «американских» экземпляра соглашений. Для этого на остров собрали представителей ведущих стран мира, которые в начале прошлого века подписывали документы о реформировании Мировой финансовой системы. Но российским спецслужбам удалось сорвать это мероприятие, доведя до присутствующих информацию о нацистском прошлом отца «наследницы». Подобных попыток будет ещё много. Цель оправдывает все средства.

Грабители страны

Итак, частная Федеральная резервная служба США, которая принадлежит клану Ротшильдов, была создана под русское и китайское золотое обеспечение. Почти 50 тыс. тонн император Николай II дал, так сказать, «взаймы» на 100 лет. Срок хранения истёк, и золотишко пора вернуть в русскую казну. Да ещё и приплатить 4% по ставке «либор» за хранение. Естественно, Ротшильды делают всё, чтобы не возвращать долги. Вплоть до откровенных подлогов с царскими наследниками, которым сценарием предписано вступить на российский трон и отказаться в пользу ФРС от всех обязательств.

Началась большая политическая игра, в которой российские околотовластные «государственники» пытаются создать условия для возврата денег, столь необходимых для развития страны в условиях тотальных санкций, а лагерь «ультрали-

бералов-монетаристов» резко ускорил развитие сценария под условным названием «России нужен новый царь». Но обо всём по порядку.

Как оказалось, за последние сто с лишним лет в казну Ротшильдов попало не только 48,6 тыс. тонн русского золота, которое под создание Всемирного финансового центра в 1913 году выделил Николай II. Сразу после окончания Второй мировой войны страны-победительницы поделили между собой награбленный в захваченных странах золотой запас Японии, который хранился на Филиппинах.

«Там было около 65 тысяч тонн, которые были поделены на четыре части. 17 тысяч тонн должны были отойти Советскому Союзу в качестве стороны, пострадавшей от военных действий восточного союзника Гитлера. Все документы на это золото есть, они хранятся в архивах. Почему Сталин не перевёз эти слитки в Союз — большой вопрос. Вероятно, вначале были чисто технические проблемы, затем началась холодная война, а в 100 км от Манилы возобновила работу американская военно-морская база Subic Bay. Принудительный вывоз мог повлечь за собой вооружённое столкновение с американцами. Да само золото как металл не представляло большого интереса. Выкинуть его на мировой рынок означало сбить цену до минимума, выручив в масштабах страны незначительные деньги. А для обеспечения рубля оно было просто не нужно. В то время эмиссия советской денежной единицы определялась не решениями ФРС или так называемых золотовалютных резервов, как сегодня, а необходимостью развития экономики. Объём денежной массы задавался Советом министров по расчётам Госплана», — говорит Сергей Желенков, который изучает историю российских золотых запасов с царских времён до сегодняшнего дня.

Последующие советские руководители, вплоть до Юрия Андропова, также не особо задумывались о «приватизации» 17 тыс. тонн японского золота. Большая политика — искусство возможных компромиссов.

Маневры как прикрытие

О несгибаемом чекисте и поэте Юрии Владимировиче Андропове разговор отдельный. Как рассказывает Желенков, Генсек ЦК КПСС после долгих переговоров с американцами сумел получить доступ к японским золотым кладовым. Но не в госбюджет, а якобы для нужд Русской православной церкви.

«Вывозить слитки с Филиппин не стали, но с согласия США и его союзников под это золотое обеспечение 12 января

1983 года было открыто 468 счетов по всему миру. Сколько там сейчас уже «наросло» процентов — неизвестно. Хранитель этих средств — некий Тянников, живущий в Маниле. Его называют главой международной финансовой группы, которая легализует деньги диктаторов и «общаки» различных преступных группировок. Также его называют «чёрным трейдером» ФРС.

Отдельная тема — разворовывание золотого запаса в конце существования Союза и в начале новой «демократической» России. Тут были замешаны офицеры созданной Андроповым ещё в его бытность председателем КГБ некоей группы «Z». Через членов группы из страны вывозились сумасшедшие объёмы ценностей, в том числе миллиарды наличных долларов. Сейчас некоторые выжившие «зэтовцы» руководят непубличными финансовыми трастами в Европе, США и странах Юго-Восточной Азии. Иных живыми найти уже невозможно.

Вместе с царским и филиппинским золотом, а также пятью тысячами тонн советского золотого запаса, которые были вывезены в США осенью 1983 года, в банках, принадлежащих Ротшильдам, хранится более 70 тыс. тонн нашего золота. Это только то, на что есть документальные подтверждения. Мы их, конечно, можем попробовать вернуть. Но надо создавать комиссию с государственными полномочиями, которая сможет защитить хранителей документов», — говорит Желенков.

Как утверждает историк, половина советского золотого запаса была перегружена на американские корабли во время военно-морских маневров ВМФ СССР «Океан-83» (сентябрь 1983 года) в Индийском океане. В них — несчастный случай — принимали участие около 40 кораблей советского торгового флота.

Интересно, что оригиналы большинства международных договоров, которые заключал Советский Союз и его «вероятные противники», в том числе и документы о той афере, пропали из архива ЦК сразу после августовских событий 1991 года. А через несколько месяцев в объединённой Германии «всплывает» очень высокий партийный чин из Международного отдела Центрального Комитета. Говорят, что его личный отход и одномоментное пересечение советской границы в районе Бреста без пограничного и таможенного досмотров семи фур «Совтрансавто» курировали одни и те же люди из уже созданного Министерства безопасности РФ.

Кстати, оставшуюся половину реального золотого банковского запаса Союза — чуть более 5 тыс. тонн — попытались

найти люди первого президента Бориса Ельцина, но обнаружили всего 240 тонн на золотых счетах Госбанка России. Привлекали даже детективное агентство Kroll, заплатив за его работу миллионы долларов под видом поиска «золота партии», но, увы...

Золотая зависимость

В 1969 году, буквально через полтора года после антидолларового демарша де Голля (он потребовал поменять американскую резаную бумагу на конкретное французское золото), практически все ведущие мировые державы договорились зафиксировать объём своего государственного банковского золотого запаса («33»). СССР заявил, что его «33» составляет немногим более 10 тыс. тонн. Мотивация раскрытия золотого запаса была простой — тогда ещё все ведущие валюты мира имели золотое обеспечение, что упрощало международные расчёты. А Союз торговал не только нефтью, газом и другим сырьём, как сегодня. И для Союза паритетность расчётов была крайне важна.

Кстати, в тот момент мы могли окончательно свалить доллар как единственную международную валюту, начав продавать свои товары за так называемый переводной рубль. На этом настаивал предсовмина Алексей Косыгин. Но Леонид Брежнев, уже намечающий «разрядку международной напряжённости», отказал в свойственной ему грубой форме.

Но это был лишь первый шаг. 15 августа 1971 года президент США Никсон во время выступления по национальному телевидению объявил о временном запрете конвертации доллара в золото. Золотое обеспечение главной мировой валюты приказало долго жить. Мир перешёл к эпохе плавающих валютных курсов.

Спустя 6 лет — в 1977 году семь высокопоставленных советских партийных чиновников (двое из них живы до сих пор и неплохо себя чувствуют) подписывают с представителями Международного валютного фонда и Всемирного банка (читай — Ротшильдов, которые, не скрываясь, стоят за этими вроде бы международными организациями) пакет закрытых соглашений. Среди них и декларация о постепенном отказе от экономического суверенитета путём ограничения эмиссии национальной валюты — полновесного советского рубля. Отныне печатать его Госбанк СССР будет не столько, сколько нужно для развития экономики, а в сокращённом варианте, потихоньку приближаясь к объёму внутренней денежной массы в соответствии с объёмом своих золотовалют-

ных резервов. Именно тогда советскую экономику стали загонять в тупик. Тогда же и был запущен механизм краха Советского Союза. И хотя соглашения были заключены на 25 лет, Союз «задохнулся» раньше.

США же никто не ограничивал. Отсюда — в том числе и американский рывок в науке, выпуске товаров народного спроса, развитии ВПК США и гонке вооружений. Они могли себе это позволить. Мы — не могли из-за ограниченной эмиссии рублей.

Адвокат «императрицы»

Первым такую возможность озвучил ещё бывший мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак. Он же, не дожидаясь окончания всех судебно-медицинских экспертиз и решения Государственной комиссии по идентификации и захоронению останков царской семьи, выдал на руки Марии Владимировне свидетельство о смерти Николая II. А затем после проигрыша выборов мэра города Владимиру Яковлеву стал ее личным адвокатом.

«Свидетельства о смерти важны с точки зрения закона о престолонаследии — без них расследование и реабилитация Николая и царской семьи были бы невозможны. В начале октября 2008 года президиум Верховного суда Российской Федерации наконец реабилитировал расстрелянных Николая II, его жену и детей. Тем самым фактически узаконив притязания Романовой на престол», — напоминает историк Желенков.

Кстати, единственным высокопоставленным российским чиновником, который заверил своей подписью заключение госкомиссии о подлинности останков Николая Романова, был позже убитый Борис Немцов. РПЦ официально подлинность останков не признала до сих пор.

Доктора Менгеле из Банка России

Только ленивый оппозиционер сейчас не хаёт политику Центрального банка России, задравшего ключевую ставку до 15% и приговорившего страну к обнищанию. И зря, кстати, хаёт. Г-жа Набиуллина действует строго в рамках закона об этом самом ЦБ. И кто бы ни оказался на её месте — будет вынужден вести себя точно так же.

В начале 90-х годов прошлого века, когда американских советников в правительстве было как грязи, они «помогли» написать закон о ЦБ. В нём позиционируется полная неза-

висимость Банка России от всех ветвей российской власти. Затем ещё закрепили этот пункт аж в двух статьях Конституции. Чтобы уж совсем намертво. Тайные соглашения 1977 года стали публичными.

Частная лавочка — Банк России, а точнее фэрээсовский филиал, может монопольно эмитировать рубли ровно на ту сумму, которую получит на счёт от продажи на чужой бирже за чужие деньги — доллары, фунты, евро и прочие иены — природных богатств: нефти, газа, угля, металлов и т.д. И ровно на такую сумму выпустит рубли. Упала выручка от чёрного золота — упал объём денежной массы внутри страны. Нечем платить пенсии, зарплаты, пособия по безработице. Нечем платить оборонным заводам, которые делают оружие. Не на что покупать лекарства, медоборудование, продовольствие — привет, голодные 90-е. Поднялись цены — подкинем немного на бедность людям, чтобы не митинговали. Финансировать экономику, давать деньги правительству — ни-ни, закон не велит.

Все ссылки на возможный рост инфляции, обрушение рубля — лапша на уши доверчивым избирателям. Это, конечно, очень грубая схема, но она позволяет понять, в какую кабалу, точнее, колониальную зависимость, влезла страна. В законе о ЦБ ещё масса таких же нюансов. Вплоть до полной неподсудности их деяний.

Причём у хозяев жизни — в первую очередь США и крупнейших европейских стран — таких проблем нет. Своих денег они могут печатать сколько угодно, не оглядываясь на мировое мнение.

По данным С.Желенкова, «в самом начале XXI века Ротшильды запланировали перенести операционные центры ФРС из США в другие страны».

«Главный центр должен переместиться в автономный район Китая Макао. Кстати, работа идёт полным ходом. Государства могут вести торговые войны друг с другом, а транснациональные финансовые корпорации стоят выше этих мелких дрызг. В России же планировалось создать один из дублирующих центров. Тогдашнему главе Центрального банка России Сергею Игнатьеву даже было направлено официальное рукописное письмо от некоего «хранителя от РФ в G-48» с псевдонимом Северино. В этом письме он предлагал разблокировать два денежных (№4302011 и №009100050-5) и один металлический счёт (№1109879), которые ФРС открыла в Центробанке России. Общая сумма активов на этих счетах оценивается в том же письме в 2,219 триллиона долларов. Разблокировка счетов нужна была для создания дубли-

рующего центра ФРС. Но по каким-то причинам не получилось. Казалось бы — вот они, спасительные инвестиции в эпоху санкций. Бери, вкладывай в развитие промышленности, в строительство, в технологии. Развивай страну, уводи её от колониальной зависимости «партнёров». Но нельзя, ЦБ покажет фигу любому, в том числе и государственным органам. И самое главное — всё по закону», — рассказывает Желенков.

Антироссийская многоходовка хозяев ФРС

Как уже было сказано, некая Мария Владимировна Романова и её сын Георгий Гогенцоллерн не мытьём, так катаньем стремятся получить статус наследников российского престола и после этого подписать отречение от долгов, которые должны вернуть нашей стране не только клан Ротшильдов, которому фактически принадлежит ФРС, но и правительство США. А это сотни триллионов долларов. Их возврат означает не просто поражение Америки в борьбе за мировое господство, но и распад самих Соединённых Штатов как государства.

Итак, царь Николай II выделил 48,6 тыс. тонн российского золота, которое хранилось в Испании со времён Александра II в качестве золотого обеспечения, под создание Всемирного финансового центра. На эти деньги американскими частными банками и была основана частная же организация под названием Федеральная резервная система США. Золото выделялось, что называется, «с возвратом» — всего на 100 лет. С каждой сделки, заключаемой ФРС, Российской империи (а затем СССР и Российской Федерации) должно было «капать» 4%. На Бреттон-Вудской конференции 1944 г. были подписаны документы, регламентирующие послевоенную международную систему денежных отношений и торговых расчётов, в которых было закреплено наше право на 88,8% активов ФРС.

Прежние публикации на эту тему вызвали эффект разорвавшейся бомбы. Их читали в администрации президента, российском правительстве, министерствах, Госдуме и Совете Федерации. По некоторым данным, МИД РФ попросил экспертное сообщество составить справку о возможности огласить эти данные с трибуны ООН и наших возможных дальнейших действиях. Ведь международное право — очень запутанная и специфическая штука. Внимательно изучали материал и в США. Заокеанских «партнёров» очень интересовало — почему вдруг эта тема всплыла в информационном поле?

На эти публикации последовал резкий ответ со стороны Вашингтона. В ночь с 30 на 31 января 2015 года в библиотеке Института научной информации по общественным наукам РАН в очень странном пожаре сгорает огромный массив архивных материалов. Пламя уничтожило свыше 5,42 млн. экземпляров различных изданий, в том числе — самые полные, а в отдельных случаях единственные в России собрания документов Лиги Наций, её наследницы ООН и парламентские отчёты США (с 1789 г.), Англии (с 1803 г.), Италии (с 1897 г.). Материалы были не оцифрованы, несмотря на десятки миллионов рублей, выделенных РАН для этой цели. Директор ИНИОН академик Пивоваров, известный своими ультрапрозападными взглядами, уходит в отставку.

Сутки спустя — в 4.30 утра 1 февраля 2015 г. — в пожарную службу Нью-Йорка поступил вызов о пожаре в здании хранилища документов, расположенном прямо на берегу Ист-Ривер в бруклинском районе Уильямсбург. Пожарные быстро погасили возгорание и уехали. В 6.25 поступил повторный вызов. На этот раз тушили архив больше суток. По официальным данным, сгорело более 4 млн. коробок с документами. Во все американские СМИ была запущена информация, что ничего важного там не хранилось — только архив госпиталей города и суда штата Нью-Йорк.

В то же время по «горячим следам» в ряде американских информационных порталов прошла информация, что именно на берегу Ист-Ривер покоились некоторые документы ФРС, которые сознательно спрятали во второстепенном архиве. Так это или не так, установить уже невозможно, ведь, как сообщили в мэрии Нью-Йорка, документы также не были оцифрованы. И ещё один факт — в обоих сгоревших хранилищах, по документам, были установлены современные системы пожаротушения.

«И в библиотеке ИНИОН, и в нью-йоркском архиве хранились очень важные документы, связанные с историей Лиги Наций и Мировой финансовой системы, инициатором создания которых была именно Российская империя. В частности, за океаном находились бумаги, свидетельствующие о причастности клана Ротшильдов к убийству президента США Авраама Линкольна и финансированию избирательной кампании президента Вудро Вильсона в 1912 году. Эти банкиры за два дня до Рождества 1913 г. вопреки воле Конгресса и Сената буквально заставили его передать в их частную собственность Федеральную резервную систему, созданную вместо Мировой финансовой системы и основанную на золоте России и Китая. Таким образом, согласно вкладам,

доля ФРС в 88,8% до сих пор принадлежит России, а остальные 11,2% — в основном китайским бенефициарам под кураторством внука последнего китайского императора династии Цин Ли Джона», — рассказывает Сергей Желенков, который изучает историю российских золотых запасов с царских времён до сегодняшнего дня.

Схоронить убийственные документы среди историй болезней очень умно. Также в начале 40-х годов прошлого века украинские националисты спрятали свой архив (в нём были фамилии и места работы всех руководителей, сочувствующих и пособников) в Ленинграде в отделе редких рукописей Библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Легендарный Павел Судоплатов, когда ему доложили о долгожданной находке, припечатал: «Без архивов работать нельзя. А с архивами нельзя жить».

Как перекрыть валютный кислород

Еще в 2014 году некий российский эмигрант Сергей Гуриев, пристроенный ныне профессором экономики парижской Школы политических наук, заявил, что США тайно готовят против нас такие санкции, что тогдашние «ограничения» покажутся детским лепетом. Мол, после их введения финансовая и банковская системы России просто рухнут. Как ни странно, но соответствующие российские структуры отнеслись к словам эмигранта очень серьёзно. И тому есть веская причина.

«Все деньги, полученные нашей страной за экспортные поставки, проходят через Bank for International Settlements (BIS), или Банк международных расчётов, со штаб-квартирой в Базеле. И хотя США официально не входили в пул организаторов, но практически полностью контролируют его через свои частные банки. Перекрыть нам поступление всей валютной выручки через BIS — дело нескольких секунд. Конечно, это фактически объявление войны, но готовы ли мы сейчас воевать со всем миром?»

Второе — с подачи крупнейших американских финансовых кланов решением Конгресса и Сената США был создан (и работает под их полным контролем) абсолютно непубличный Департамент международного валютного контроля (штаб-квартира в Таиланде). Все проводки по международным счетам в любой мировой валюте или в золотом эквиваленте (даже переводы в офшорные зоны!) проходят через этот департамент. Любой крупный инфраструктурный проект, в котором есть перемещение валюты через границы, требует разрешения этого органа.

Также мало кто знает, что все валютные поступления в долларах США от российского экспорта не приходят напрямую на счета Центробанка или правительства страны. Они учитываются на счетах серверов ФРС и «зеркалом» отражаются на серверах российского ЦБ. По щелчку пальцев в Вашингтоне Россия может оказаться в полной международной финансовой изоляции. В такие условия была поставлена наша страна в 80—90-е годы прошлого века, когда под диктовку американцев наши продажные чиновники писали законы и заключали международные соглашения», — констатирует Желенков.

Сертификационный аргумент

Как уже сказано выше, при передаче царского российского золота были составлены специальные соглашения в шести экземплярах, три из которых хранились в Америке, три были переданы России. Также были выпущены 12 «золотых» сертификатов (на 48,6 тыс. тонн) на предъявителя. Сейчас на территории нашей страны хранятся только два подлинника тех соглашений и все «золотые» сертификаты. Третий подлинник, принадлежавший российской императрице Марии Фёдоровне (супруга Александра III и мать Николая II), после её эмиграции в Данию был спрятан в ячейку одного из швейцарских банков. Однако в 2013 г. (то есть в год, когда золото надо было отдавать!) через продавленный США Федеральный закон Швейцарии о международной помощи по налоговым вопросам место его хранения стало известно. Этот экземпляр, скорее всего, был изъят. За оставшимися в нашей стране документами идёт настоящая охота.

Операция «Наследник»

По словам Сергея Желенкова, «в официальное признание Марии Владимировны и ее сына Георгия полноправными наследниками российского императора Николая II Ротшильды уже закачали более 5 миллиардов долларов. Зато и выигрыш максимален — отказ от всех долгов Российской империи, в том числе и царского золота, которое легло в основу мирового могущества ФРС».

Собственно, танцы с бубнами вокруг Марии и Георгия Гогенцоллерна начались давно — сразу после перестройки. Дело практически дошло до коронации Марии Владимировны, была даже изготовлена столовая посуда с личными вензелями самозванных самодержцев, но тут вдруг воспротивился Борис Ельцин, который увидел в этом покушение на свою

власть. Хотя именно при первом российском президенте Георгии Гогенцоллерн получил паспорт с российским гражданством на фамилию Романов. Но во всех геральдических книгах он значится именно Гогенцоллерном, так как фамилия передаётся по отцу — Францу Вильгельму принцу Прусскому, правнуку Вильгельма II, воевавшего против России в Первую мировую войну.

А позже первое кресло государства занял Владимир Путин. Казалось бы, вопрос был закрыт окончательно. Но мировая финансовая «закулиса» просто так своих людей не бросает. Мария Владимировна с подачи некоторых олигархов и «своих» чиновников, начала путешествовать по стране, как говорят, на самолёте, закреплённом за Дм. Медведевым, раздавая губернаторам и другим высокопоставленным лицам награды, которые могут позволить вручать лишь российские императоры, в частности, орден Святого апостола Андрея Первозванного. Те с благодарностью принимали. Кому интересно, могут найти их в любом поисковике — очень любопытные имена всплывают.

Так бы и каталась чета самозванцев по регионам России, награждая непричастных, но глава клана — Натаниэль Чарльз Ротшильд (родился 29 апреля 1936 г.) неожиданно впал в кому. А Россия буквально из-под носа у США увела свой «непотопляемый авианосец» Крым. И процесс признания Марии Владимировны и Георгия было решено ускорить.

Вначале по кабинетам Госдумы заходила некая аналитическая записка, как говорили, «составленная на самом верху». Краткая суть — в подготовке официального признания объединяющей всех россиян церемониальной фигуры «великой княгини Марии Владимировны и её сына Георгия». Ключевая фраза: «Факт введения института монархии и наследственного правления страной (государыня Мария Владимировна и наследник Георгий) при реальных рычагах управления поддерживаемому большинством жителей страны премьер-министру позволит менее болезненно пройти пиковые экономические нагрузки ближайших десятилетий».

После того как через некоторых депутатов о ней стало известно, подписание сего документа было свёрнуто. И было решено «зайти» в Госдуму через региональные парламенты. Но вдруг о подготовке законопроекта «Об особом статусе представителей царской фамилии» проговорился очень состоятельный (по версии журнала «Форбс») депутат Заксобрания Ленинградской области Владимир Петров. Который, по случайному совпадению, вышел из правящей партии «Единая Россия» буквально за несколько дней до появления сен-

сационной новости. Как говорят, этот законопроект очень ждали старшие товарищи в Госдуме. Но Петров побегал впереди паровоза, разразился скандал, и законопроект положили в ящик стола.

Протоиерей Всеволод Чаплин, бывший глава Отдела Московского патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества и член Общественной палаты, также несколько раз говорил о возможности возрождения монархического строя в современной России. Правда, сам Чаплин, по данным информантов, «указом главы Российского Императорского Дома Великой княгини Марии Владимировны Романовой был «сопричислен» к императорскому ордену Святого равноапостольного князя Владимира».

Кого нам хотят навязать?

Перед посещением Узбекистана так называемой главой Российского Императорского Дома (РИД) Великой княгиней Марией Владимировной советник канцелярии РИД Кирилл Немирович-Данченко заявил, что в её лице объединились сразу три религии — православие, ислам и иудаизм.

Мол, во-первых, весь мусульманский мир признаёт, что она является дальней родственницей пророка Мухаммеда. Во-вторых, «она потомок царя Давида, так как её мать — урождённая царица грузинская, представительница рода Багратион-Мухранских, которые официально являются потомками этого царя». В-третьих, для «православных Великая княгиня является единственным в русской истории потомком патриарха Филарета. Патриарх, до того как стать монахом, имел детей, и его сын Михаил стал первым представителем Романовых». Это «уникальная ситуация, когда в одном лице объединились сразу три религии», — подчеркнул советник. Может быть, в силу этой «уникальности» г-жа Романова очень редко позирует фотографам с православным крестом.

Ехидные комментаторы тут же вспомнили, что мать «уникальной» Марии Владимировны Леонида Багратион-Мухранская на момент венчания с Владимиром Кирилловичем находилась в разводе с американцем Самнером Кёрби. Человеком неправославным — это идёт вразрез с традициями императорской фамилии.

Сколько сейчас потомков дома Романовых проживает на свете — не ответит, пожалуй, никто, кроме совсем узких специалистов. За почти сто лет, прошедших со времён Октябрьской революции, близкие и дальние родственники последнего императора Николая II женились, разводились, рожали де-

тей и нянчили внуков и правнуков. Практически никто из них не претендовал на то, чтобы называться государем российским. Никто, кроме деда Марии Владимировны и прадеда Георгия Гогенцоллерна — Великого князя Кирилла Владимировича.

Расскажем вкратце историю этой ветки Романовых. В начале XX века Кирилл увлёкся своей двоюродной сестрой Викторией Мелиттой. Оставив мужа и детей, она стала любовницей своего кузена. Дело шло к свадьбе, но Николай II запретил этот брак из-за кровосмешательства. «Молодые» тайно венчаются не в Российской империи, а в Баварии. Существует резолюция государя-императора Николая II от 15 января 1907 года: «Признать брак Вел. Кн. Кирилла Владимировича я не могу. Великий Князь и могущее произойти от него потомство лишаются прав на престолонаследие». Ещё один удар в спину Дому Романовых Кирилл Владимирович нанёс в феврале 1917 года. Он надел красный бант и поднял над своим дворцом на улице Глинки флаг революции. Свою приверженность новой власти ближайший родственник Николая II продемонстрировал ещё до его отречения от престола. А это не простое нарушение присяги для членов Императорского Дома — это предательство, государственная измена.

Примерно в это же время, весной 1917 года, на своём личном бланке Кирилл Владимирович начертал: «Относительно прав наших, и в частности, и моего на престолонаследие, я, горячо любя свою Родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа Великого Князя Михаила Александровича». То есть отказался от престола, который, собственно, никто ему и не предлагал.

Но уже в 1922 году он, в нарушение данных им слов, провозгласил себя Блустителем Престола. 31 августа 1924 года в своём Манифесте он пишет: «Я, Старший в Роде Царском, единственный Законный Правопреемник Российского Императорского Престола, принимаю принадлежащий Мне непрерываемо титул Императора Всероссийского. Сына Моего Князя Владимира Кирилловича провозглашаю Наследником Престола с присвоением Ему титула Великого Князя, Наследника и Цесаревича». То есть провозгласил себя Императором Всероссийским под именем Кирилл I. Как сказали бы сегодня: «Хозяин своему слову: захотел — дал, захотел — забрал». При этом до своей смерти в 1938 году он активно помогал деньгами немецким нацистам.

Выпавшую «корону» поднял и «достойно» понёс его сын Владимир Кириллович. Он возглавил созданный отцом Корпус Императорской Армии и Флота. 26 июня 1941 г. Влади-

мир Кириллович заявил: «В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма-большевизма, который поработил и угнетает народ России в течение двадцати четырёх лет, я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом: способствовать по мере сил и возможностей свержению большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма».

Кроме этого, по свидетельству историка Желенкова, он носил звание обергруппенфюрера СС. Владимиру Кирилловичу подчинялись все монархисты, служившие в 33-й гренадерской дивизии СС «Шарлемань» и штурмовой бригаде СС «Валлония». Обе эти бригады активно взаимодействовали с печально известной дивизией «Галичина». «Наследник российского престола» находился в бункере Гитлера, но 2 мая 1945 года сумел сбежать в Лихтенштейн. Две его родные сестры были замужем за нацистскими офицерами. Князь Карл III Лейнингенский, муж Марии Кирилловны, был высокопоставленным офицером фашистских ВМФ, взят в плен Красной армией и умер в 1946 году в лагере для военнопленных в Саранске.

Вторая сестра — Кира Кирилловна в 1938 году вышла замуж за Луи Фердинанда Прусского. Тот имел отношение к немецкой авиационной промышленности и, по некоторым данным, воевал в ВВС на Восточном фронте. Сколько советских солдат и офицеров было убито лично мужьями родных сестёр Владимира Кирилловича, на свадьбе которых он поднимал бокалы, никто не подсчитывал. Но войны на стороне Гитлера тому было мало, и в 1952 году он обращается к западным державам: «Если бы силы Запада раздавили коммунизм вовремя, нынешние планы третьей мировой стали бы не нужны».

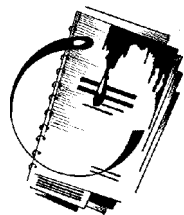
Умер он в апреле 1992 года, находясь с визитом в США. Обергруппенфюрер СС Владимир Кириллович был отпет в Исаакиевском соборе и похоронен в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора бывшего Ленинграда. В городе, в котором за 872 дня фашистской блокады от голода, болезней, бомбёжек и артиллерийского огня погибло до полутора миллионов мирных жителей. Воистину, чудны дела Твои, Господи!

«Российский писатель»

ЛИБЕРАЛЬНОЕ БЕСНОВАНИЕ

Истерика «демшизы»

После того как на конференции в Сретенском монастыре епископ Егорьевский Тихон сообщил, что следствие рассмотрит версию о ритуальном характере убийства Царской Семьи, либеральные СМИ устроили форменную истерику. Разумеется, либералы немедленно увидели в расследовании этой версии проявление антисемитизма, а представитель федерации еврейских общин Борода умудрился обвинить Русскую Православную Церковь в возрождении «древнего антисемитского навета». Либеральные СМИ назвали расследование убийства Царской Семьи «новым делом Бейлиса», а владыку Тихона объявили «махровым антисемитом», который, оказывается, «нанес оскорбление всем верующим иудеям в мире». Хотя в словах следователя Марины Викторовны Молодцовой, которая ведет расследование, и епископа Егорьевского Тихона не было никакого намека на верующих иудеев. Владыка рассказал, почему у православных есть основание считать, что убийство Помазанника Божия для царевубийц явно имело символический, сакральный характер. Напомнил также о ритуальном характере мавзолея на Красной площади. Епископ Тихон очень спокойно и до-

ДОСЬЕ "МГ"

ходчиво объяснил, почему следствие будет изучать версию о ритуальном убийстве Царской Семьи:

«Нет ничего неожиданного в том, что в процессе исследования обстоятельств убийства последнего российского Императора изучается в том числе и мотив ритуальной составляющей этого убийства. Никто не будет отрицать, что Император, даже отрекшись, оставался безусловно фигурой символической, сакральной. Убийство Царя и его Семьи, ставящее последнюю точку в существовании ненавистной для новой власти трехсотлетней династии Романовых, было делом совершенно особым, несущим для многих ритуальное, символическое наполнение».

Чтобы найти в этих словах «махровый антисемитизм», необходимо обладать слишком болезненным воображением. Впрочем, либеральная «демшиза» привыкла обвинять Русскую Православную Церковь в том, что «клерикалы» тянут страну в «мрачное Средневековье», и запугивать общество тем, что всех атеистов насильно заставят крестить лоб, а в России вот-вот появится «священная инквизиция». Информационная война, развязанная против Церкви, приняла особенно ожесточенный характер после 2012 года, когда Святейший Патриарх Кирилл отказался поддержать либеральное «болото», но твердо и недвусмысленно поддержал курс на укрепление Российского государства. После этого Патриарх для «демшизы» стал личным врагом.

Нынешние попытки либеральных СМИ обвинить Русскую Православную Церковь в антисемитизме — откровенный шантаж. Очевидно, что именно либеральные СМИ такими провокационными обвинениями старательно пытаются разжечь межнациональную рознь. Особенно ретивые журналисты, сравнивая владыку Тихона с Гиммлером, грубо оскорбляют всех православных, но при этом уверены в своей безнаказанности: никто не будет судиться с профессиональными клеветниками. Впрочем, особенно горячая «любовь» либеральных СМИ к епископу Тихону хорошо известна. Начало этому «глубокому» чувству положил фильм «Гибель Империи. Византийский урок» и закрепил его небывалый успех книги «Несвятые святые», а замечательные выставки «Россия. Моя история» вызвали в либерально-креативном болоте приступы особенной злобы. Ну что же, владыку Тихона можно искренне поздравить с таким отношением к нему «демшизы». Ненависть врагов Церкви заслужить непросто.

Вилены, вилоры и пр. марксены

Но почему же «вся либеральная рать» так взволновалась услышав, что следствие будет изучать версию ритуального

убийства Царской Семьи? Заметим, что в последние годы сами либералы не раз обличали советскую эпоху, обвиняя коммунистов в желании навязать народу свою «красную религию», особенно их возмущал псевдорелигиозный «культ личности». И действительно, революционеры пытались заменить веру в Бога верой в «светлое будущее». Об этом свидетельствуют лжемощи «вечно живого» Ильича, который «в тебе и во мне»: различные октябрины вместо Таинства Крещения и демонстрации вместо Крестных ходов, новые «святцы» с виленами, вилорами и пр. марксенами. В России революционеры пытались искоренить веру в Бога, уничтожить Церковь Христову и создать свою «красную веру». Луначарский даже назвал марксизм-ленинизм «четвертой авраамической религией». О мистических корнях различных утопий, которые именуются антисистемами, написано очень много. Богоборческий характер февраля и октября никто из историков отрицать не может. Об этом свидетельствуют руины храмов на нашей земле и сонм новомучеников и исповедников, пострадавших за Христа.

Так почему же либералы сегодня упорно пытаются доказать, что в доме Ипатьева большевиками была совершенна обычная политическая расправа над Императорской Семьей?

«Скованные одной цепью»

К либералам немедленно подключились и некоторые прокоммунистические издания, запели «старые песни о главном»: в стране, оказывается, «засилье попов», торжествует «мракобесие» и «средневековые предрассудки». Удивительно, как ненависть к Церкви объединяет, казалось бы, непримиримых врагов «верных большевиков-ленинцев» с либералами. Это поразительное единение мы видим в попытке помешать возвращению Церкви Исаакиевского собора, в протестах против строительства в Москве 200 храмов, преподавания Основ православной культуры, а недавно в единодушной поддержке кощунственного фильма о святых Русской Православной Церкви — Царственных страстотерпцах.

Почему это происходит? Да потому что 100 лет назад и российские либералы, и марксисты дружно крушили историческую русскую государственность. И либеральный, и коммунистический проекты родились на Западе, и оба были враждебны исторической России. Оба эти проекта в своих основах враждебны и Православию. В этом мы смогли убедиться за последние 25 лет, когда февралисты-либералы осуществили исторический реванш, перехватив власть у ком-

мунистов. В феврале 1917 они сокрушили Российскую империю, свергли Царя, а в октябре довели страну до полного хаоса, и либеральную шайку преступников прогнали более решительные бандиты — большевики. С тех пор российские либералы продолжают ныть и жаловаться на большевиков, которые, оказывается, «разрушили Россию». Да нет, г-да либералы, Российскую империю разрушили вы, а большевики лишь перехватили власть из ваших немощных, трясущихся от страха рук. Но либералы и коммунисты-ленинцы навечно «скованы одной цепью» — ненавистью к исторической России и Православной Церкви.

Цареубийство заказал мировой «интернационал ростовщиков»

Известно, что либералы из Временного правительства, свергнувшие русского Царя, все без исключения были членами масонских лож. А широкое распространение различных магических ритуалов и мистерий и темный мистицизм масонства хорошо известны. Откровенно богоборческий, антихристианский характер и враждебное отношение к Церкви Христовой в последнее время не пытаются скрывать и сами члены масонских лож, достаточно познакомиться с публикациями и интервью современных «вольных каменщиков». Не скрывают они и своего влияния во всех могущественных финансовых интернациональных структурах и закрытых клубах, которые условно можно назвать «мировым правительством». Очевиден и антихристианский характер современной глобализации, которую навязывает это «мировое правительство». Похоже, процесс уничтожения традиционных христианских ценностей в т.н. «постхристианской» Европе принял необратимый характер.

Поэтому ненависть богоборцев к русским Царям носила прежде всего религиозный характер. В отличие от прекраснородушных чеховских интеллигентов, мечтавших о прогрессе, демократии, царстве свободы и небе в алмазах, после свержения «азиатского самодержавия» российские масоны-февралисты из ложи французского «Великого Востока» очень хорошо понимали значение власти православного Царя для Церкви Христовой.

Поэтому можно с полным правом утверждать, что Керенский и прочие члены Временного правительства — такие же участники цареубийства, как и большевики. Мировой «интернационал ростовщиков» стремился не только уничтожить

Российскую Империю, но и нанести смертельный удар Церкви Христовой. Приговор Русскому Царю и Августейшей Семье был подписан и утвержден задолго до ареста Государя на станции Дно. Утвержден банкирами Шиффом и Варбургом, которые от лица «интернационала ростовщиков» в начале XX века открыто объявили войну Российской Империи.

Богоборцы Февраля и Октября 1917-го

Достойнейшие архипастыри и духоносные старцы сразу же распознали и обличили богоборческий характер Февральской революции, хотя многие церковнослужители и архиереи, нацепив красные банты, поздравляли друг друга с «эрой свободы и новой жизни». Февраль 1917 года и арест Государя был первым шагом на пути к екатеринбургскому злодеянию. Свержение русского Царя не могло не завершиться изуверским преступлением в подвале Ипатьевского дома. Вспомним, как декабристы намеревались истребить всех членов династии Романовых, включая женщин и детей, как Ленину нравились слова Нечаева о том, что необходимо уничтожить всю «Великую ектенью».

Отрицать ритуальный характер, который придавали убийству русского Царя и помазанника Божия масоны, организовавшие крушение Российской Империи, могут только те безграмотные российские либералы, для которых весь смысл истории определяется движением к «рыночным реформам» и правам на гей-парады. Или же верные ленинцы, которым «Капитал» Маркса заменяет Священное Писание.

Сознательное богоборчество первых большевиков, лютую ненависть ко Христу и Православной Церкви всех «демонов революции» невозможно не заметить любому беспристрастному исследователю. Достаточно вспомнить памятник «первому революционеру» Иуде Искарриоту, воздвигнутый в Свяжске. Если у части большевиков ненависть к «толстым попам», «прислужникам царского режима», носила классовый характер, то у других эта ненависть была основана на более серьезных чувствах, питаемых древней ненавистью ко Христу. Сегодня мы можем наблюдать эту плохо контролируемую ненависть во многих либеральных СМИ. А классовая ненависть к попам сохранилась и в рядах верных ленинцев.

Сатанисты против Церкви Христовой

Сегодняшняя ненависть к Церкви значительной части либерального сообщества легко объяснима: сторонники гло-

бализации мечтают, чтобы в России «средневековые мракобесы-попы» не смели протестовать против парадов содомитов, феминизма и пр. достижений западной демократии. Чтобы не мешали «клерикалы» своими разговорами о недопустимости греха принять народу «ценности цивилизованного мира». И тогда либералам удастся наконец построить «эту страну» в «семью цивилизованных стран».

В последнее время мы наблюдаем повальное увлечение части т.н. «творческой элиты» учением каббалы, всякими оккультными практиками и тому подобной «духовностью». Не говоря уже о расцвете с началом перестройки различных сект от нашествия различных «харизматиков», до увлечения учением Рериха и Блаватской и прочим «сатанизмом для интеллигенции».

Но ведь и в начале XX века среди «прогрессивной интеллигенции» было широко распространено увлечение оккультными учениями и практиками начиная от модного спиритизма, различных видов антропософии и теософии всё той же сатанистки Блаватской, до самой черной мистики и откровенного поклонения Люциферу. Неслучайно большевики отправили в Гималаи экспедицию Якова Блюмкина, а «мудрецы Шамбалы» прислали свое благословение революционерам, которые пытались уничтожить в России Православную Церковь.

Один и тот же почерк изуверов-сатанистов

В последние десятилетия в СМИ можно встретить множество свидетельств о преступлениях сатанистов в России. Вспомним убийство иеромонаха Василия, иноков Ферапонта и Трофима в Оптиной Пустыни на Пасху в 1993 г. Убийство кришнаитом иеромонаха Григория в Красноярском крае, чью голову преступник положил на престол в алтаре храма. И многие подобные изуверские преступления. Многочисленные убийства православных священников в наше время напоминают террор, развязанный против духовенства перед революцией 1905 года.

Во время Гражданской войны участие последователей изуверских сатанинских культов отчетливо прослеживается в массовых убийствах священников, православных русских людей, осквернениях православных храмов, сознательных кощунствах. Распятые на Царских вратах священники, оскверненные иконы с выколотыми глазами, общественные туалеты, которые устраивали на месте алтарей разрушенных православных храмов, и множество подобных сознательных кощунств — разве это не свидетельство особенной сатанин-

ской злобы и ненависти ко Христу? Конечно, можно предположить, что все эти чудовищные кощунства и преступления совершали бесноватые, одержимые злым духом люди. Но всё же в этой волне методичных осквернений христианских святынь и изуверских убийствах архиереев и священников нетрудно проследить определенную систему и увидеть один и тот же почерк.

Кстати, опытные криминалисты легко узнают сатанинский почерк определенных преступных сообществ. В свое время полковник МВД криминалист Андрей Хвыля-Олинтер, изучая преступления сатанистов, пришел к выводу, что Православие — самое правильное исповедание Христа, потому что сатанисты наибольшую злобу из всех христианских конфессий испытывают именно к православным храмам и православным христианам. Сейчас протоиерей Андрей Хвыля-Олинтер один из ведущих специалистов-религиоведов, которые ведут борьбу с сектами.

Во всех революциях в Европе мы наблюдаем яростное богоборчество. Во время Великой Октябрьской сатанисты в России оскверняли храмы, убивали священников и уничтожали мощи святых точно с такой же лютой злобой и кровожадностью, как и якобинцы во время революции во Франции. Нетрудно доказать, что в основе этих революций лежат сатанинские культы, необыкновенно напоминающие учения и практики тамплиеров, катаров, стригольников, жидовствующих и пр. врагов Церкви Христовой.

Гибель христианской Европы

Но всё же почему сегодня либеральные СМИ закатывают истерику при одном упоминании, что к убийству Царской Семьи могли быть причастны сатанисты начала XX века? Может быть, потому что российские либералы чувствуют неразрывную связь нынешних всемогущих хозяев «постхристианской» Европы с теми, кто развязал две мировые войны? Результатом Первой мировой войны стало крушение христианской государственности: были разрушены Православная Российская Империя, Австро-Венгерская и Германская империи, а заодно и Турецкая. После Второй мировой официально центром мирового «интернационала ростовщиков» стали США. В современной глобализации отчетливо прослеживается желание жрецов религии «золотого тельца» навязать всему миру свою волю, а США обязаны навязать эту волю ракетно-бомбовыми ударами всем непокорным народам. Но ведь для российских либералов цивилизованный

Запад — пример для подражания, а США — «надежда всего прогрессивного человечества». Как же креативному «болоту» не встать на защиту своих кумиров, наставников и старших товарищей!

На «постхристианском» Западе успешно построена цивилизация Шарли, для которой незабываемыми ценностями являются парады содомитов, эфтаназия и фетальная терапия — откровенный сатанизм. А как назвать показательные убийства и расчленения на глазах детей жирафа Мариуса и двух молодых львов в зоопарке Копенгагена, на родине великого детского христианского писателя Ганса Христиана Андерсена? А показательное шоу на открытии туннеля в Швейцарии, на котором вся политическая элита Европы во главе с фрау Меркель аплодировала главному персонажу этого карнавала в виде козла Бафомета, масонскому «всевидящему оку» в треугольнике, который с огромного экрана наблюдал за этой «постхристианской» элитой?

Стремительная дехристианизация Европы началась после того, как богоборцам удалось сокрушить Российскую империю и убить православного русского Царя.

Если будет расследована версия ритуального убийства Царской Семьи, то выяснится, кто и зачем написал на стене Ипатьевского дома искаженные строки Гейне: «Belsatzar ward in selbiger Nacht // Von seinen Knechten umgebracht» — «Вальтасар в эту ночь был убит своими слугами»? Написали Belsatzar вместо Belsazer. Весьма многозначительное искажение, надпись гласила что: «Белый Царь в эту ночь убит своими слугами». Любому историку известно, что Русского Царя издавна именовали Белый Царь.

Но сегодня нас уверяют, что эту надпись могли сделать не убийцы-изуверы, а некие случайные люди, заходившие из любопытства в Ипатьевский дом после убийства императорской Семьи. А загадочные письма, которые Энель расшифровывал, как каббалистическую надпись, — не менее случайные пробы пера...

Масоны-февралисты и «вольные каменщики» в ВКП(б)

Попытки либеральных СМИ обвинить Русскую Православную Церковь в антисемитизме — наглый шантаж, но и откровенная глупость. Хорошо известно о существовании изуверских сатанинских сект в различных странах в разные исторические эпохи. Но разве среди революционеров еврейского происхождения не могло быть подобных изуверов? И почему зная о том, что могущественный банкир Яков Шифф обя-

вил Государя Николая II своим личным врагом, нельзя предположить, что этот спонсор революционного движения и враг русского Царя был связан со Свердловым и другими большевистскими вождями, причастными к цареубийству? Особенно если знать, что один из трех братьев Свердловых был служащим в банке Шиффа на Уолл-стрите, а второй находился в момент цареубийства в Сибири при французском генерале Жанене. Известно, что Войков, чье имя никак не удается убрать с карты Москвы, еще будучи гимназистом мечтал стать цареубийцей. В свое время, намереваясь истребить всех представителей правящей династии, декабрист Штейнгель «в целях экономии» предлагал повесить Романовых на корабельных мачтах «гирляндами»: петля для очередного казнимого привязывается к ногам его предшественника, на которой вешается следующий великий князь или княгиня...

Декабристы не были иудеями, но планы кумиров русской интеллигенции вешать гирляндами всех представителей династии, включая женщин и детей, не менее изуверские. Любопытно, что декабристы намеревались не только уничтожить Самодержавие и разрушить Православную Церковь, но и разделить Российскую империю на 15 государств со своими столицами. Ничего не напоминает?

Участие членов масонских лож в февральском перевороте невозможно отрицать. И когда Сталин в 30-е годы чистил ВКП(б) от членов масонских лож, то выяснилось, что и среди героев октября, т.н. атеистов и материалистов, было немало вольных каменщиков.

На какие мысли должна навести нас нынешняя управляемая истерика либеральной «демшизы»? Владыка Тихон не случайно в своем интервью сказал о том, что либеральные СМИ этой истерикой оказывают кое-кому «медвежью услугу».

Правда о цареубийстве нужна всему обществу

Впрочем, и так мало кто сомневается, что жрецы культа «золотого тельца» в современном мире, а также их ставленники среди российской компрадорской «элиты» и обслуга в либеральных российских СМИ и среди т.н. «творческой элиты», воспевающие ценности «цивилизации Шарли», искренне и глубоко ненавидят Православную Церковь. Именно они и боятся правды о екатеринбургском злодеянии.

Но не узнав всей правды о цареубийстве, мы не сможем до конца понять, что же произошло со страной сто лет назад.

Для православных христиан нет сомнений в том, что убийство Царской Семьи было совершено сатанистами-богобор-

цами. И правда об этом преступлении века должна быть открыта для всего нашего общества. Возможно, узнав, какие силы сто лет назад готовили крушение Российской Империи и убийство Царской Семьи, многие наши соотечественники наконец поймут, кто стоял за т.н. «великой русской революцией», кто развязал братоубийственную Гражданскую войну. Сумеют иначе взглянуть на события всего прошедшего XX столетия, пожалуй, самого трагического в истории России. Поймут, что антирусская истерия, все нынешние санкции и прочие попытки удушить наше государство преследуют не только геополитические и экономические цели. Главная цель «мирового интернационала ростовщиков» остается неизменной. В XXI веке, как и в начале XX, наши противники вновь пытаются ослабить и расчлнить Российское государство, уничтожить Православную Церковь.

Очень многое может измениться, если русские люди осознают, от кого исходит главная угроза нашей стране и нашему народу в то время, пока либеральная обслуга жрецов «золотого тельца» запугивает общество то угрозой, исходящей от страшных «клерикалов», или требует очередной «десталинизации», или призывает на борьбу с мифическим «русским фашизмом». Поймут, наконец, почему в три дня рассыпался могучий Советский Союз. Не могло быть прочным здание державы, если в основании лежало злодейское преступление — убийство Царской Семьи. Нет, неслучайно, поддерживая кощунственный фильм Учителя, российские либералы и верные ленинцы проявили такую ненависть к личности святого Царя. Духовное преемство и духовное родство верных ленинцев и вроде бы их заклятых врагов российских либералов от изуверов-цареубийц сегодня становится очевидным.

Вавилонская башня и наследники цареубийц

Да, либеральный и коммунистический проекты в основе своей одинаково богоборческие. Но если в коммунистическом проекте существует идея о социальной справедливости, которая близка русскому народу и не слишком противоречит вере в Бога, то либеральная модель капиталистического развития общества в своей сути — неприкрытое поклонение золотому тельцу. И развитие этого общества безудержного стяжания и потребления закономерно ведет к уничтожению семьи, зловещим мутантам в виде различных «трансгендеров», клонированию, людоедству в виде использования младенцев для фетальной терапии и организации на планете огромного электронного концлагеря, чтобы подавить любое

сопротивление окончательному расчеловечиванию. Это и есть сатанизм, который навязывается под видом глобализации различным странам и народам. Как когда-то написал о. Александр Шумский в своей статье: «Красная и голубая вавилонские башни»: *«Красная Вавилонская башня не состоялась, благодаря сталинскому реформатированию, и Россия не превратилась в строительный материал для голубой Вавилонской башни, к чему так стремился Лев Троцкий со своей перманентной революцией. И сегодня голубая Вавилонская башня, возведение которой не прекращалось на Западе ни на одну историческую минуту, пытается, после крушения СССР, довершить перманентное дело Троцкого и окончательно погубить Россию, превратив ее в топливо для антихристовой печи. Этому всеми силами пытается помочь коллективный Троцкий, находящийся в России».*

Интересно в этой связи вспомнить слова американского политолога Дмитрия Саймса, который утверждает, что большинство нынешних неоконгов в США — главные приверженцы и проводники этой сатанинской глобализации — являются прямыми потомками троцкистов, бежавших из СССР в 30-е годы.

Царственные Мученики умирали за всё человечество

Правда об убийстве святой Царской Семьи обязательно будет открыта, ибо нет на земле ничего тайного, чтобы не стало явным.

Для нас важно понимать, кто стоял за убийством русского Царя. Но, пожалуй, сегодня очень важно не только для России, но и для всего мира осознать, что русский Царь и его святая Семья пошли на свою Голгофу, чтобы утвердить в мире евангельский жертвенный идеал жизни со Христом Спасителем, утвердить образ христианской семьи, утвердить веру, любовь и верность.

Пророчески звучат в наши дни слова учителя царских детей Пьера Жильяра: *«Невозможно, чтобы Те, о которых я говорил, напрасно претерпели Своё мученичество. Я не знаю ни того, когда это будет, ни как это произойдёт, но настанет, без сомнения, день, когда озверение потонет в им самим вызванном потоке крови, и человечество извлечёт из воспоминания об Их страдании непобедимую силу для нравственного исправления... Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою Родину — Они умерли мучениками за человечество».*

ИМПЕРИЯ И РУССКИЙ НАРОД

Крушение в 1991 году Советского Союза, крупнейшей в то время мировой империи, подавляющее большинство русских людей среднего и старшего поколения до сих пор воспринимают как национальную трагедию (чего не скажешь о коренных жителях многих бывших союзных республик) и вину за неё возлагают на М.Горбачёва и Б.Ельцина. Слов нет, предательская роль этих людей очевидна. Однако сами предатели появились не на пустом месте, для них была создана почва.

Уже с середины 1950-х годов СССР шёл по тупиковому пути экономического развития (весьма умеренные реформы главы правительства А.Косыгина встретили саботаж и были свёрнуты), а в 1980-е начал переживать всё обострявшийся не только экономический, но и социально-политический кризис, чем не замедлили воспользоваться враги нашего государства — как внешние, так и внутренние.

В 1990-е годы у многих ещё сохранялась надежда на восстановление Советского Союза. В.Жириновский даже пообещал восстановить (если его выберут президентом) Рос-

РУССКИЙ ВОПРОС

сийскую империю в границах 1913 г., включая Польшу и Финляндию. Потом надежды стали таять, а в 2000-е годы В. Путин подвёл итог: «Кому не жаль Советского Союза, у того нет сердца, но кто хочет его восстановления, у того нет головы».

И всё же, проблема куда глубже, чем предательство Горбачёва и Ельцина, чем подрывная деятельность Запада и «пятой колонны», чем экономический и социальный кризис, чем даже раздробление Империи большевиками на этнические субгосударства с «правом наций на самоопределение вплоть до отделения». Проблема в том, что все империи недолговечны, все они обречены на исчезновение. Обречён был на исчезновение и Советский Союз, а приведённые выше факторы лишь ускорили этот процесс, правда, ускорили катастрофически.

Самой долговечной в истории была Византийская империя, которая просуществовала 10 с лишним веков. Наивысшего расцвета она достигла при императоре Юстиниане (VI век), затем от империи стали отпадать окраины, и ещё за 200 лет до завоевания турками-османами (1453 г.) территория её скукожилась до размеров Московской области. Римская империя формально просуществовала 5 веков (до 476 г.), но развал её начался на 250 лет раньше. Держава Ахеменидов просуществовала менее 3-х веков, а империя Александра Македонского развалилась сразу после смерти основателя.

В этом ряду не стоят Британская, Французская или Германская империи XIX — начала XX веков, которые больше походили на империю Чингисхана — империю сугубо паразитическую, грабительскую, жившую исключительно за счёт покорённых народов.

Классическая империя, в отличие от паразитической, даёт равные права своим гражданам, независимо от этнической принадлежности. Она сохраняет за покорёнными народами все возможности экономического и культурного развития и даже даёт возможность отсталым народам подняться на более высокий уровень. Наконец, по древнему выражению, империя — это мир, это прекращение межэтнических конфликтов, это защита малых народов от угнетения или истребления более сильными соседями.

Вспомним, именно Российская империя остановила бесконечные кровавые разборки байских кланов в Киргизии, сохранила как этносы грузин и армян, защитив их от полного истребления турками и персами, сохранила как этносы латышей и эстонцев, защитив их от поголовного онемечивания остзейскими германцами.

Классическая империя — а к данному типу относился и Советский Союз — это огромное, единое, мощное многонациональное государство, способное обеспечить внутренний мир, внешнюю безопасность и условия для развития всем своим народам. Однако среди этносов империи есть один, который является стержнем государства, — государствообразующий, «имперский» этнос. В Римской империи им были римляне, в державе Ахеменидов — персы, в Российской империи и в СССР — великороссы (исключение составляла Византия — восточная половина Римской империи, имевшая изначально пёстрый состав населения с преобладанием греков).

В период зарождения и расширения империи стержневой этнос обладает необыкновенной энергией, силой, сплочённостью и инициативой или, по словам Л.Н. Гумилёва, пассионарностью. Этот этнос несёт затем и основную государственную тяжесть: управление, обеспечение внутреннего порядка и защиту государства. Он же создаёт и основную часть материальных ценностей. Со временем, однако, картина меняется. Накапливается усталость (надлом, по Гумилёву), в войнах этнос теряет лучшую часть генофонда, а по мере расширения империи его доля в общем населении неуклонно снижается. Одновременно возникает встречный процесс — активизация сепаратизма на окраинах империи, для сдерживания которого сил у государствообразующего этноса уже не хватает. В результате, империя разваливается, а имперский этнос, растворяясь среди других этносов, вообще исчезает с лица земли. Так исчезли древние римляне, древние греки и древние персы.

Российская империя и её преемник СССР в общих чертах повторили значительную часть пути древних империй — к счастью, пока не до конца. Доля великороссов, составлявшая 71% при Петре I, после разделов Речи Посполитой и продвижения границ на юг снизилась при Екатерине II до 50%, а к концу XIX века, после присоединения Кавказа и Средней Азии, — до 44% при росте общей численности населения с 15,8 млн. в 1719 г. до 29,3 млн. в 1795 г. и до 129,1 млн. человек в 1897 г.

Наверное, русские и при таком проценте выдержали бы имперскую ношу (хотя было очевидно, что Польша, Финляндия и Средняя Азия в Русский мир не вписываются), но наступил страшный XX век с тремя русскими холокостами (1918—1922, 1929—1933 и 1941—1945 гг.), которые уничтожили лучшую часть генофонда и надломили силы русского народа, и потому очередного удара Истории в 1991 г. он не

выдержал. Русские оказались безучастными к изгнанию своих соплеменников не только из ставших чужими союзных республик Прибалтики, Закавказья и Средней Азии, но и к изгнанию, часто кровавому, из многих автономий в самой России (Северный Кавказ, Тыва и др.). О «мирной» дискриминации можно не упоминать — она была, да и остаётся почти повсеместно даже в осколке Империи — Российской Федерации. (Например, в 1990-е годы в Якутии, где русских было 50%, а якутов менее 40% населения, 32 района из 33 возглавляли якуты. К 2010 году проценты русских и якутов поменялись местами.)

С 1992 г. (после «российско-американской революции», по выражению Б.Ельцина) начался процесс вымирания русской нации, продолжающийся до сего времени. Если общая численность населения России с 1989 по 2010 год снизилась на 4,16 млн. чел., то число русских — на 8,85 млн. чел. (с 81,5 до 77,7%), несмотря на приток русских беженцев из бывших союзных республик.

Объяснить вымирание низким уровнем жизни значит ничего не объяснить. После Войны был не просто низкий уровень жизни, а, по современным меркам, — нищета, однако русское население прирастало исключительно быстрыми темпами. Урбанизация — тоже слабое объяснение. Она не мешала высокой рождаемости, когда в послевоенные годы люди жили в переполненных коммуналках, и на человека едва приходилось по 3-4 кв. метра жилой площади (в деревнях и того меньше).

Дело — в национальной идее, то есть в общенациональных целях и задачах, которые сплачивают нацию и дают ей импульс движения вперёд. После войны измученный, но воодушевлённый победой народ с энтузиазмом взялся за восстановление разрушенной страны. Сегодня ни целей, ни задач нет (хотя, казалось бы, государство находится в тяжёлом положении — экономическом, социальном и внешнеполитическом). Более того, русские всё более и более чувствуют себя чужими в собственной стране. Этому способствует и пропаганда космополитизма, и поругание традиционных нравственных ценностей, и очернение или фальсификация русской истории, и искусственное накачивание страны иммигрантами (которые вписываться в Русский мир не желают по убеждениям), и, как сказано выше, недружественное отношение к себе в ряде российских автономий, и т.д.

Всё это даёт немалые основания считать, что русский народ находится, по Гумилёву, на стадии обскурации, «когда пассионарии почти полностью заменяются субпассионари-

ями, которые подвергают сомнению трудолюбие, интеллектуальные успехи; появляется коррупция, падает дисциплина, расцветает невежество». Поэтому достаточно опасной сегодня является убаюкивающая пропаганда того, что русские, мол, не могут существовать иначе как имперская нация, существовать иначе как в заботах обо всех населяющих Россию народах (по существу, это скрытая форма пропаганды «советского интернационализма»). Грубо говоря, это означает: снимайте с себя последнюю рубашку и не ропщите, иначе исчезнете. Однако гибель государствообразующего этноса ничего хорошего не сулит и остальным этносам России (что, кстати, лучше других понимает Р.Кадыров).

Да, русские — нация государственников. Потому они и нация, а не народность, в отличие, например, от украинцев. На русских по-прежнему лежит ответственность за остаток империи — Россию. Но сегодня настало время этой нации позаботиться не только о государстве, но и о себе и о своём будущем.

ПИТЕРСКИЕ ДРУЗЬЯ БАНДЕРОВЦЕВ

Друзья и поклонники фашистской киевской хунты в России продолжают мутить воду в Питере. Проводят различные мероприятия, где фактически пропагандируют бандеровщину и нацизм. И всё это происходит открыто. Парадоксально, в городе-герое Ленинграде обеляют фашистскую идеологию. А где же власти, правоохранительные органы, которые обязаны пресекать подобное? Вот небольшой перечень таких, на мой взгляд, антигосударственных шабашей, которые пройдут или прошли в нашем городе в декабре.

14 декабря 2017 года в 18 часов в клубе «Грибоедов» по адресу Воронежская ул., д. 2, как указано в афише на сайте клуба, состоялась финальная церемония вручения восьмой Григорьевской премии, которую проводил оргкомитет конкурса. В числе 5 финалистов была поэтесса из Киева Лиза Готфрик, по сообщениям ряда интернет-ресурсов участвовавшая в карательных операциях украинской хунты на территории Донбасса.

Организаторами церемонии предусматривалось вручение денежного приза победителям. Не исключено, что эти денежные сред-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

ства пошли в дальнейшем на финансирование нацистских воинских формирований. И одновременно это мероприятие являлось пропагандой экстремизма ввиду непосредственного участия в ней данного лица.

Так называемое творчество гражданки Украины содержит, на мой взгляд, ещё и пропаганду употребления наркотиков и призывы к суициду. К примеру, в её «творении» «Кетаминчик» есть следующие строки:

*Иди сюда, мальчик, я покажу тебе кетаминчик,
я покажу тебе кетаминчик, мальчик
завяжутся в узел все нити мира
на руках вырежет холод узоры
я приведу туда, где не будет больно
реальность рассыпется от укола...
доктор смерть даст рецепт на концентрат наркоза
проведу на берега сказочных рек...*

В России кетамин получил распространение с начала 1990-х годов. Впоследствии он официально признан наркотическим веществом, относится к списку А. И это далеко не единственное одиозное «творение» киевлянки.

Членом жюри данного конкурса являлась некая Аглая Топорова, петербургская журналистка, известная своими антигосударственными публикациями. Так, ещё 16.07.2015 года в интернете была размещена её статья «Наши русские люди смотрят теперь на крымчан как на абсолютное г... Журналистка из Санкт-Петербурга поделилась в фейсбуке своими впечатлениями от поездки на оккупированный Россией полуостров». Что это, если не покушение на целостность и суверенитет РФ? По заголовку можно говорить об унижении человеческого достоинства жителей Крыма, о разжигании вражды к ним. И это подпадает под признаки ст. 282 УК РФ.

17 декабря 2017 года в 20 часов в концерт-холле «Аврора» гостиницы Санкт-Петербург, Пироговская наб., д. 5/2 состоялся концерт певца Андрея Макаревича, известного своими высказываниями в поддержку киевского майдана и хунты, выступавшего с концертом перед украинскими карателями в зоне гражданской войны на Донбассе. Фактически, певец поддержал экстремистов, захвативших власть на Украине и организовавших там братоубийственную бойню. Его концерт в Петербурге также можно рассматривать как выступление пособника экстремистов.

8 декабря 2017 года информационное агентство «Красная весна» на своём сайте опубликовало материал «В Петербурге

показали фильм в поддержку нацистского украинского батальона». Показ фильма прошел в рамках конкурсной программы международного фестиваля авторского документального кино «Артдокфест 2017». Автор фильма блогер Баеда Бубинец при показе фильма заявила, что ополчение Донбасса она считает «трусливым», а его жителей неспособными брать на себя ответственность. Съемки блогеристка проводила в августе 2014 года вблизи посёлка Трехизбёнка во время её проживания в нацистском батальоне «Айдар», который отметился своей жестокостью по отношению к мирным жителям Донбасса.

Ещё 21 ноября 2017 года вице-спикер Госдумы РФ Петр Толстой попросил Министерство культуры и Генеральную прокуратуру проверить один из фильмов, заявленных на фестивале «Артдокфест 2017», на соответствие законодательству РФ. Речь идет о фильме «Война ради Мира», где режиссером выступил Евгений Титаренко — бывший участник войны на Донбассе, являющийся сторонником экстремистской организации «Правый сектор» (организация, деятельность которой запрещена в РФ).

Однако даже обращение вице-спикера Госдумы не помешало провести показ экстремистских материалов в рамках названного фестиваля. Что также необходимо рассматривать как пропаганду экстремизма.

Так почему в Санкт-Петербурге периодически нарушается законодательство по противодействию экстремизму? И кто из представителей власти потворствует этому? Хочется получить ответы на эти вопросы и знать, какие меры правового воздействия к ним, организаторам и участникам подобных шабашей, приняты.

Группа патриотически настроенных жителей Петербурга направила по этому поводу запросы в Следственный комитет, ГУ МВД, УФСБ, прокуратуру Санкт-Петербурга. Виновные в нарушении российского законодательства должны быть привлечены к ответственности. Как и чиновники госслужб, потворствующие проведению мероприятий, реабилитирующих нацизм.

Санкт-Петербург

ПРОТИВ НЕПОКОРНЫХ РУССКИХ

В сегодняшнем мире, где фактически идет непрерывная война на уничтожение, этот вопрос, действительно, имеет колоссальное значение. Сбор биологических материалов российских граждан — не первая попытка сбора медицинских образцов иностранными ведомствами в России, что может грозить созданием запрограммированного биологического оружия нового поколения.

Иностранцы начали собирать биологические образцы граждан России еще в 90-е годы. Об этом рассказал в интервью РТ бывший член комиссии ООН по биологическому оружию, военный эксперт Игорь Никулин: «Такие попытки предпринимались еще в 90-е годы, когда была программа «Геном человека», потом в нулевые годы были различные программы, генеалогические исследования по проблеме жизни — предлоги самые разные, казалось бы, самые благородные, но вот почему-то всё это происходит в интересах военного ведомства США, и это наводит на определенные подозрения». «У нас очень много различных лабораторий с иностранным участием, которые берут анализы крови, — отметил эксперт. — И могут потом передавать эти материалы в Вашингтон...»

Никулин также добавил, что если в вирусы встроить определенную группу «как маркер», то они смогут действовать избирательно против конкретной этнической группы.

«Это биологическое оружие следующего поколения», — заявил Никулин, отметив, что вопросы о подобной деятельности иностранных организаций в России задавались американским «партнерам» неоднократно, но внятных ответов так и не последовало.

В июле 2017 года РТ стало известно, что учебное авиационное командование американских ВВС опубликовало контракт на покупку образцов РНК — живых тканей россиян

европеоидной расы. Причем в документе особо отмечалось, что образцы тканей украинцев исследователей не устроят и рассматриваться не будут. Нужны только русские доноры!

Оговорены требования по сбору биоматериала: свежемороженные образцы должны быть взяты у «нормальных доноров без травм опорно-двигательного аппарата», с отрицательным анализом на ВИЧ, гепатит В, гепатит С и сифилис. Кроме того, биоматериалы должны содержать исчерпывающие данные о доноре, включающие копию удостоверения личности, сведения о поле, возрасте, национальности, диагнозах, дате хирургических вмешательств (если таковые имели место), дате постановки диагноза, симптомах, стаже курения, принимаемых лекарственных препаратах, росте и весе. Образцы должны быть доставлены на базу Военно-воздушных сил США в Леклэнде (Сан-Антонио, штат Техас).

Описанный выше контракт — это не единичный случай. Это — капля в море, крохотная часть обширнейшей программы Пентагона.

Известно, что многие вирусы, например, вирус гриппа, на всех стадиях содержат геном, состоящий исключительно из РНК. Игорь Никулин заявил о том, что образцы РНК могут использоваться для разработки вирусов: «Разрабатываются новые виды биологического оружия. Ни для чего другого это в военном ведомстве не может быть. Скорее всего, это могут быть боевые вирусы. США пытаются разработать различные виды биологического оружия именно под конкретных носителей генофонда, а европеоиды нужны, так как они составляют большинство населения нашей страны. «Это та самая фокус-группа, к которой они пытаются подобрать ключи. Необходимо, чтобы вирусы действовали избирательно — на те или иные национальные группы. Частично эту задачу и решала американская программа «Геном человека». Она тоже в значительной степени была профинансирована Пентагоном», — отметил эксперт.

Масштабный международный проект США «Геном человека» стартовал в России в начале 90-х годов и завершился в 2003 году.

То, что военное ведомство США активно вкладывает средства в разработку различных видов биологического оружия, подтвердил порталу MWC News профессор Фрэнсис Бойл, За 15 лет с момента терактов 11 сентября 2001 года Пентагон потратил на эти цели около 100 миллиардов долларов.

Никулин обратил внимание на то, что если в вирусы встроить определенную группу «как маркер», то они начнут действовать избирательно против конкретной национальной

группы. «Это и станет биологическим оружием следующего поколения», — еще раз особо подчеркивают «Известия» в статье «Эксперт назвал причины сбора биоматериала россиян иностранными агентами». При этом он отметил, что как только власти принимают меры по пресечению подобной деятельности, это сразу «вызывает большой шум со стороны либеральной общественности». Есть о чем задуматься представителям компетентных органов Российской Федерации...

Так, доктор биологических наук Михаил Гельфанд выступил с заявлением о том, что «Владимира Путина кто-то сильно обманул, а слухи о генетическом оружии, вероятно, используются определенными кругами для борьбы за финансирование».

На это заявление сразу дал ответ пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков: «Эта информация — по линии специальных служб России. Действительно, некоторые эмиссары ведут такую деятельность, представители неправительственных организаций и других органов. Такие случаи были зафиксированы, и у специальных служб, естественно, и у президента эта информация имеется», — разъяснил Песков.

Примечательно, что Гельфанд подчеркнул: «Собирают данные не всех этносов страны, а только русских», но при этом остановился только на приведенном выше единичном контракте американских ВВС, не указав, что военное ведомство США уже почти 20 лет масштабно собирает генетические данные российских граждан. Кроме этого, Гельфанд заявил, что «генетического оружия не бывает».

Но известные ученые в области генетики говорят обратное. О том, что нарушение генетической безопасности нации не фантазия, а реальность наших дней, подтвердил заместитель директора НИИ молекулярной медицины Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова, доктор медицинских наук, профессор Алексей Алексеевич Иванов: «В качестве потенциального средства биотеррористической атаки в настоящее время рассматривают технологически развитую систему создания и воспроизведения модифицированных генов и различные способы введения их в организм человека. Ученые предполагают, что уже в нынешнем десятилетии могут быть получены новые типы биологического оружия».

Кто же такой гражданин Гельфанд? Вот только некоторые факты из его биографии: «В октябре 2012 года избран в Координационный совет российской оппозиции. В феврале 2013 года записал для проекта «Против гомофобии» видеобращение в поддержку ЛГБТ-сообщества. Автор тезиса о необходимости преобразования Российской академии наук в «клуб ученых». В сентябре 2014 года подписал заявление с

требованием «прекратить агрессивную авантюру: вывести с территории Украины российские войска и прекратить пропагандистскую, материальную и военную поддержку сепаратистам на Юго-Востоке Украины». Таково политическое кредо Гельфанда.

Не менее интересны и его профессиональные высказывания: «Самые опасные люди — это антивакцинаторы! Противники же ГМО — просто дураки!»

Понятно, что в первом случае Гельфанд поддерживает глобальную прививочную мафию, а во втором — транснациональные корпорации типа «Монсанто», распространяющие вредоносные генетически модифицированные сорта растений.

В случае со сбором биологических материалов российских граждан структурами Пентагона он намеренно скрывает правду о деятельности вражеских агентов.

Поэтому следует еще отметить, что Пентагон построил сеть из сотен закрытых микробиологических лабораторий по всему миру. В основном они строятся в странах бывшего СССР. Сейчас там насчитывается уже более 400 подобных лабораторий. Они расположены в Грузии, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Украине и других государствах. В результате США получили возможность не только полностью контролировать биологическую и фитосанитарную обстановку в обширном регионе, но и формировать ее. Причем строительство лабораторий продолжается.

На все вопросы у Пентагона один ответ: все это делается якобы в благородных целях. А именно — для повышения безопасности хранения существующих коллекций особо опасных патогенов, сохранившихся в странах бывшего СССР. Но кричащие факты говорят об обратном.

К примеру, при финансовой помощи Национального института здравоохранения США в медицинском центре в Нидерландах был создан генно-модифицированный вирус птичьего гриппа, который способен передаваться от человека к человеку. После этого Евросоюз был вынужден выделить миллионы на борьбу с ним.

В международных изданиях периодически появляется информация о том, что Вашингтон проводит запрещенные эксперименты с биологическим оружием у самых российских границ. По мнению многих экспертов, данный факт не только можно расценивать как еще один акт агрессии со стороны США по отношению к России, но и как факт нарушения Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении.

В заключение необходимо привести слова депутата Государственной Думы РФ, бывшего главного санитарного врача России Геннадия Онищенко. Недавно он сообщил, что вывозить кровь за пределы России запрещено законодательно, и напомнил, что президент Путин касался этой темы уже неоднократно. «США не прекратили осуществлять свою наступательную военную программу, — убежден Онищенко. — Поэтому мы сегодня должны создать современный закон о биологической безопасности, но самое главное — разработать систему биологической защиты».

По мнению Геннадия Онищенко, такой закон позволит сохранить и приумножить систему биологической защиты, которая действует со времен СССР. Он уточнил, что под его действие, в частности, попадут коллекции микроорганизмов.

Кроме того, по мнению Онищенко, работу так называемых «сборщиков биоматериала» должны взять под строжайший контроль спецслужбы. Речь в данном случае идет о лабораториях с иностранным участием, которые делают для населения медицинские анализы.

Конечно же, человеческий фактор все равно нельзя сбрасывать со счетов. Утечки биоматериалов могут происходить, но так нагло, как ранее, наши заклятые «партнеры» из Пентагона и их пособники в России работать уже не смогут.

БЛОК ТРОЦКИСТОВ-ЕЛЬЦИНИСТОВ

Откровения директора ФСБ России Александра Бортникова в преддверии Дня работника органов безопасности в конце прошлого года вызвали нешуточную истерику со стороны «рукопожатной общественности». Эта т.н. «общественность» потребовала снять с должности Бортникова за то, что он оправдал аресты сторонников Троцкого, заявил о связях бандеровцев со спецслужбами США и добил либералов словами, что в «святые» для них ельцинские времена госизмена стала для них обыденным делом.

В своем сенсационном интервью Бортников поведал много для нас неожиданного, что до сих пор считалось табу после 1991 года. Например, то, что планы сторонников Лейбы Троцкого по смещению или даже ликвидации Иосифа Сталина и его соратников — отнюдь не выдумка, так же как и связи заговорщиков с иностранными спецслужбами. Кроме того, по его словам, большое количество арестованных — это представители партии и руководители правоохранительных органов, погрязшие в коррупции, чинившие произвол и самосуд.

Но даже не это вызвало дикую истерику со стороны этой «пятой колонны». Как заявил руководитель ФСБ, при Михаиле Горбачёве *«ЦК КПСС не реагировал даже на информацию контрразведки о приобретении иностранными спецслужбами «агентов влияния» в союзных органах власти. ... Направляемые в ЦК оперативные и аналитические материалы по целому ряду проблем оставались без внимания... А в ельцинские времена «го-сизмена была поставлена на рыночные рельсы».*

Говоря о положении дел в наше время, Бортников сообщил, что прекращена работа 120 иностранных и международных неправительственных организаций, являющихся инструментом иностранных разведок.

Само собой, такого удара «люди со светлыми лицами» вытерпеть не могли. Оказывается, всё, что говорили и писали патриоты в последние 25 лет, — правда. То есть родители «детей Арбата» были арестованы не просто так, бандеровцы — не воины света, а внештатники нацистов и ЦРУ. Оказывается, Горбачев знал о подкупе своих сотрудников и ничего не сделал, а «младореформаторы» Ельцин, Гайдар, Чубайс и остальные не демократию и свободу несли, а банально продавали Родину.

Первым делом на главу ФСБ бросили «ученых». Как сообщает газета «Завтра», уже спустя два дня после выступления Бортникова (22 декабря) с возмущениями по поводу его интервью выступила группа ученых РАН. Автор обращения — физик Сергей Стишов выразил тревогу, не является ли это «пропагандой новой доктрины», и выступил с «решительным протестом» против слов Бортникова. Среди подписантов фигурирует и родственник вице-премьера правительства РФ Аркадия Дворковича — Александр Дворкович. Но если ученые протестовали против оправдания сталинских репрессий, заявив, что указанные репрессии затронули не только политиков-троцкистов и бандеровцев, но и научное сообщество, а также руководство армии, церковнослужителей и наиболее трудоспособную часть крестьянства, с чем невозможно не согласиться, то дальше пошло уже совсем комично.

25 декабря участники некоего «конгресса интеллигенции» под предводительством гражданки США и «заслуженной правозащитницы» Людмилы Алексеевой заявили, что их «конгресс» *«считает недопустимым сохранение праздника годовщины органов безопасности РФ»* и даже сам факт празднования именует *«подрывом конституционного строя»*. В ответ на слова о госизмене троцкистов и ельцинистов в «конгрессе» сообщили, что примером для подражания является начало 1990-х годов, когда *«российское государство сделало решительные шаги для искоренения своей тоталитарной природы и приняло демократическую в своей основе конституцию. В ней и в законодательстве РФ определены правовые рамки для спецслужб, защищающие общество от возобновления политических репрессий»*. Также «правозащитники» снова потребовали немедленно уволить Бортникова за *«идеологические принципы и политическую позицию, несовместимые с занимаемой должностью»*.

В один день с «конгрессом» с подобными обвинениями в адрес А. Бортникова выступила ассоциация «Свободное слово», основанная в мае 2017 года в результате выхода ее крайне либерального крыла из Русского ПЕН-центра. Члены ассоциации назвали интервью директора ФСБ *«стремлением открыто вывести процесс ползучей сталинизации на государственный уровень»* и *«недопустимой попыткой оправдать государственный террор»*. По мнению либеральных литераторов, *«утверждения директора ФСБ идут рука об руку с жёстким давлением, которому подвергаются в последние годы хранители исторической памяти от общества «Мемориал» и музея «Пермь-36» до петрозаводского историка и краеведа Ю.А. Дмитриева, уже год находящегося в СИЗО по сфабрикованному обвинению»*. (Руководитель Карельского республиканского отделения Правозащитного центра «Мемориал» Юрий Дмитриев подготавливается в изготовлении детской порнографии и развратных действиях в отношении малолетней приёмной дочери.)

Понятно, что истерика будет нарастать и дальше, притом «творческая интеллигенция» — это только пехота, дальше пойдут другие фигуры. Бортников ведь не только попытался отобрать у «творческих» из «пятой колонны» их «территорию» — трагедию 30-х годов, где было много чего — и жуткого и героического. Эту тему они оседлали еще в 80-е, и сдавать ее без боя не будут. Однако Бортников помимо 30-х зацепил и гораздо более близкое нам время... И они нутром чувствуют, что если его не убрать, то как бы не появились новые дела за государственную измену...

РИА Катюша

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2017 год

(Сентябрь — декабрь)

9 сентября в Югре «КамаЗ», груженный песком, на всём ходу врезался в пассажирский поезд Адлер—Нижевартовск. Вместо шестого вагона, как показали в новостях, — огромная дыра. 17 пассажиров поезда тяжело ранены, в том числе дети. Можно не сомневаться, планировалось крушение всего состава. Однако поезд устоял на рельсах. Всезнающие СМИ не сообщают ни имени, ни фамилии «неизвестного» водителя. Делают вид, что не знают. Но все они, как один, знают, что «водитель уснул за рулём». «Непотушенный окурок» и «спящий за рулём водитель» — это их самая главная, причем мгновенная, информационная фишка. Кстати сказать, «неизвестный» водитель выжил. Нам осталось только дожидаться, когда Игил* возьмет на себя этот акт террора за Сирию. Но вряд ли это на кого-то повлияет. Власти всех уровней будут досконально выполнять спущенную сверху установку: до упора, насколько это возможно, не называть вещи своими именами.

В тот же день в Свердловской области груженный самосвал выскочил на встречную полосу и столкнулся с двумя микро-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

автобусами «УАЗ». Погибли восемь пассажиров микроавтобусов. Еще и полиция ни в чём не разобралась, а уже центральные СМИ затараторили об «оторвавшемся колесе самосвала». Из Москвы, естественно, им виднее. Вот только имени и фамилии водителя они опять благоразумно не разглядели...

По всей Европе автомобиль стал орудием террора. И этого очевидного явления не отрицают даже прокремлевские СМИ. Но у себя в стране российские власти признавать это категорически не желают.

* * *

Как и в случае с «пусси райт», безбожные атеисты, полуграмотные коммунисты и сионизированные либералы, мгновенно объединившись, снова поносят ненавистную им Церковь, убитого ими Царя и защищают т.н. «творческую свободу» русофобствующих *учителей* с их миллиардом серебреников.

* * *

Фильм «Матильда» — это продолжение ритуального убийства русского царя. Так они решили отметить свой сатанинский юбилей екатеринбургского злодеяния. И ведь совсем не случайно Екатеринбург был переименован в Свердловск. Именно он, Янкель Свердлов, отдал распоряжение о ликвидации Царской семьи и приближённых к ней.

* * *

Говоря в своих статьях о клевете на святого Царя и о ритуальном убийстве Царской семьи, мы пока еще молчим или забываем о том, что его главный убийца лежит на Красной площади в мавзолее.

И мы пока еще никак не можем понять, что это — несовместимо: канонизированный Церковью святой страстотерпец Николай со всей своей святой Семьей и лежащий в мавзолее его главный убийца.

Страна наша так и будет терпеть несчастья, пока это жуткое соединение не будет разорвано. А разорвано оно не будет до тех пор, пока мы не поймем невозможности соединения несовместимого.

* * *

Нынешняя Украина — это не страна. Нынешняя Украина — это болезнь. Причем болезнь душевная. Вся киевская власть состоит из больных, полусумасшедших людей. Все апологеты киевского режима, торчащие на наших экранах, — больные, неадекватные люди, зараженные большими иллюзиями и боль-

ными фантазиями. Но разве можно вести нормальный разговор с неадекватными, душевно убогими людьми?

И что интересно. Сама атмосфера украинского сумасшествия даже вроде бы адекватных людей заставляет косить под идиотов. Посмотрите на украинских сторонников майдана на российских телеканалах: после каждой их штампованной, заученной фразы (о чём угодно) у них на лице автоматически возникает дегенеративная, идиотическая улыбка...

Вся Украина теперь делится на косящих под идиотов и на реальных. Даже те, кто когда-то были нормальными, очень скоро, поведшись за полусумасшедшими клиентами во власти, стали явственно душевно больными.

А по мудрой народной пословице мы знаем, чего лишает Бог, когда хочет кого-то наказать...

* * *

Киевские дуроломы заранее объявили, что их сборная по футболу будет бойкотировать московский Чемпионат мира по футболу 2018 года. Видимо, рассчитывали они на то, что их в этом *благородном* бойкоте поддержит уся Эуропа. Но проклятые москали опять им испортили праздник — внедрили в футбольную сборную Хорватии своих агентов, и те разгромили в киевском матче сборную нэзалэжной со счетом 2:0, тем самым лишив ее возможности участия в ЧМ и похоронив для киевских дуроломов триумфальный праздник украинского бойкотирования москальского мирового чемпионата. Ну до чего же подлоче эти москальские вездесущие *агэнтты!*

Нет, господа, Бог не играет в кости... Правду говорят: бодливой корове Бог рогов не дает...

* * *

Что ни говорите, а москальские агенты — это поистине великая сила. Буквально на следующий день после отстранения нэзалэжной сборной от чемпионата мира по футболу они точно такую же штуку проделали и с американской сборной. Каким-то фантастическим образом проникнув в ряды игроков никому доселе не ведомой команды Тринидада и Тобаго, они победили американскую футбольную сборную на ее поле и тоже лишили американцев возможности не только поехать в Россию, но и вместе с киевскими дуроломами победоносно бойкотировать футбольный мундиаль в Москве.

Впрочем, уже ничему не стоит удивляться. Если мы с помощью москальских агентов, по мнению большинства американцев, выбрали им президента, то победить какую-то пиндосскую сборную с помощью Тринидада и Тобаго было делом плёвым...

В этой истории гораздо важнее понять другое: те недоумки, которые пытаются бойкотировать Россию, собственно-ручно бойкотируют самих себя. Как я уже много раз повторыл, Бог не играет в кости...

* * *

В августе этого года президент США подписывает распоряжение об аресте нашей госсобственности в Сан-Франциско, Нью-Йорке и Вашингтоне.

Со стороны Кремля реакции нет.

Агенты американских спецслужб производят обыски в арестованных зданиях нашего генконсульства и торгпредставительства. Реакции нет.

С наших арестованных и обысканных зданий американцы срывают российский государственный флаг.

Реакции нет.

Президент США Д.Трамп вводит новые экономические и политические санкции против России.

Есть реакция! Президент России В.Путин вводит экономические и политические санкции против Северной Кореи.

* * *

Кремлевской администрации, если бы там сидели адекватные люди, достаточно было дать Северной Корее гарантии ее защиты от агрессии США, и тогда ей не нужно было бы никакого ядерного оружия. Но в этой администрации, заодно с ее руководителем, оказались люди, мягко говоря, очень странные, и вместо этого они вводят санкции против своего бывшего верного союзника, которого в свое время защитил от пиндосов СССР.

* * *

Майдан — это многосерийный украинский триллер, а еще вернее — нескончаемая мыльная опера «нэзалэжной» истории. Майдан — это главная и, наверное, единственная развлекуха украинской жизни. Украина без майдана — как теща без блинов — никому не интересна и никому не нужна. А вот с барабанным майданом она — лидер мировых новостей, гвоздь европейских информационных сообщений. Только благодаря ее майданам в мире вспоминают, что есть где-то такая территория под названием «Украина».

Самым непобедимым лозунгом всех киевских майданов всегда остается один и тот же, против кого бы майдан ни возникал: «Бандугеть!» Под этой кричалкой сваливали Кравчука, Кучму, Ющенко, Януковича, и вот теперь с ней же пытаются прогнать Поро-

шенко. «Банду гэть!» — поддержим и мы это непобедимое, все- сильное украинское изобретение. Потому что все прошедшие 25 лет украинская власть была одной и той же неизменяемой бандой, за которую сначала на всех выборах дружно голосовал «самостий- ный» народ и которую этот же народ затем дружно проклинал на своих майданах под излюбленным лозунгом «Банду гэть!»

Украинские засланцы на российском телевидении теперь оп- равдываются: мол, на нынешнем майдане нет американских пря- ников... Чуть-чуть подождите, порошковские шестёрки, — и пряники вам будут, и автоматы, и снайперы... Без этого амери- канским кукловодам никакой майдан уже неинтересен...

* * *

Парашенке пришла пора думать не о Крыме и не о Дон- бассе, а о собственной шкуре. Интересно, где он будет пря- таться, когда за ним придут его дебилные укры с автомата- ми — под Вашингтоном или под Ростовом?

* * *

Сначала Путин месяцами отмалчивается, не реагирует ни на какие действия западных «партнёров», ни на какие события в мире и в России. Потом вдруг в каком-нибудь «клубе» или на какой- нибудь зарубежной пресс-конференции наконец выговаривает- ся, словно оправдываясь за свое молчание, говорит долго и нудно, опять-таки оправдывающимся тоном, с явным желанием дока- зать свою любовь и дружбу к нехорошим «партнёрам», которые почему-то всё время его обманывают и не хотят с ним дружить.

Как во время своей т.н. «мюнхенской речи», когда он жа- ловался им на их коварство, как во время его выступления в ООН, где он упрекал «партнёров» за их нечестность и агрес- сивность, так и теперь, разговорившись на валдайском фо- руме, он упорно пытался доказать всему Западу его (Запада) неправоту и опять обещал «мгновенно и зеркально ответить». Этих оправданий, заверений и обещаний на пресс-конфе- ренциях и в «клубах» мы наслушались вдоволь. В очередной раз ВВП — выговорился, оправдав ожидания наших депута- тов, телевизиорных «политологов» и влюблённых в него глу- боких пенсионерок. Теперь, надо полагать, наступит очеред- ное долгое кремлёвское молчание до следующего «форума», «клуба», «саммита» или какой-нибудь поездки за рубеж...

* * *

Украина — это симптом возрождающегося четвертого на- цистского рейха. На этот раз Европа и еврейские банкиры вскармливают и пестуют его на территории Украины, чтобы

он постепенно вновь подмял под себя всю Европу. Не случайно первыми требованиями укропских нацистов на май-дане 2014 года были ассоциация с Евросоюзом и безвиз. Украинский нацизм должен был без проблем общаться с Европой и прежде всего с Германией. Евросоюз — это уже готовая структура нового четвертого рейха. Ему не хватает лишь прежней нацистской идеологии. Вот он и возвращается сейчас открыто, у всех на глазах в бывших отторгнутых от СССР республиках Прибалтики и на Украине. Возвращается, напиваясь ненавистью и злобой, чтобы он снова, поощряемый и вооружаемый Штатами, бросился на Россию.

После разгрома Игила* вся финансовая мощь еврейских банкиров будет направлена на воссоздание четвёртого европейско-нацистского рейха.

За две недели в Ростове-на-Дону сгорели три крупных крытых вещевых рынка. Причем во всех трех случаях пламя мгновенно охватывало всю территорию рынков, и пожарным не удавалось локализовать возгорание. И каждый раз все центральные СМИ называли одну и ту же причину пожаров — «короткое замыкание»...

Это называется длинным замыканием в СМИ.

В прибалтийских лимитрофах закрывают русские школы, на Украине запрещают изучение русского языка, президент Казахстана подписывает закон о переводе алфавита на латиницу. А что по этому поводу делает президент РФ? Ничего не делает. То есть, проще говоря, все действуют заодно.

«Матильда» появилась в Интернете. Большинство, конечно, будет с придыханием эту фильму смотреть. Как же не посмотреть, когда было столько пересудов и столько копий сломано перед ее выходом!..

Однако дело и вопрос совсем не в том: смотреть или не смотреть? Ну, очень хочется — бери и смотри. Чего нам только ни показывали за последние годы — всё проглатывали и ко всему привыкли. Нам даже отрезание голов в Чечне показывали по ящику: у кого нервы крепкие — смотрели, а кто-то видеть этого не мог. А тут, подумаешь, какой-то «художественный вымысел» третьесортного режиссёра Учителя...

Но всё дело в том, КАК относиться к вранью. Одни не видят и не понимают вранья, или им на это просто плевать: глав-

ное, побалдеть и поприкалываться — вдруг и вправду секс с царём покажут!.. Другим же это вранье просто по сердцу, просто в самый кайф в силу их невежества. Ведь чтобы видеть и понимать враньё, надо иметь знания и душевное чутьё. В то время как очень многие всего этого лишены.

Очередная дешёвка Учителя — «Матильда» — лжива от начала до конца. Она была сострепана по некоему заказу именно как сознательно лживая дешёвка для того, чтобы вызвать определенную, вполне ожидаемую реакцию. И на фоне этой реакции — разжечь ажиотаж и вокруг фильма, и вокруг якобы не совсем безупречной личности канонизированного царя к 100-летию его гибели. (Известно, что никаких любовных отношений между царём и польско-еврейской танцовщицей Кшесинской вообще не было и не могло быть по определению.) Ожидалась, естественно, и реакция Церкви, причем любая реакция, которая, какой бы ни была, вызвала бы в «культурном» обществе возмущение по отношению к т.н. «царебожникам», к патриарху и к самой Православной Церкви.

В какой-то мере провокация удалась, но только в какой-то мере. Для всех нормальных людей репутация третьесортного режиссёра Учителя теперь упала ниже клозетного очка.

А кому очень хочется — пусть смотрят.

* * *

Мы уже столько лет слышим: «Сталинские репрессии, сталинские репрессии...» Путин 30 октября даже открыл в Москве «стену скорби» в память опять же о жертвах «сталинских репрессий» — наверное, по аналогии со «стеной плача» в Израиле... Правда, почему-то в его речи на этом открытии упоминались только жертвы 1937—1938 годов. А вот жертвы 1918—1924 годов при открытии подобных мемориалов отчего-то никогда вспоминать не желают..

Но сказать сейчас я хочу о другом. Практически ежедневно в новостных программах нам сообщают о бесчисленных мошенниках, аферистах, мелких и крупных грабителях, липовых фирмах и организованных преступных бандах, которые всё послесоветское время нагло облапошивают, дурят, грабят, насилуют, лишают жилья и жестоко убивают простое наше население по всей матушке-России. То и дело рассказывают нам и о коррупционных историях, пронизавших российское общество снизу доверху — от мелких чиновников и рядовых «правоохранителей» до всевозможных высокопоставленных полковников, генералов и министров. Не говоря уже о терроризме и об армии всяческих живущих среди нас русофобов и моральных уродов, готовых, при возможности, за пачку баксов сдать Россию с потрохами кому угодно.

И вот представьте себе — вдруг настали такие благодатные времена, когда в Уголовный кодекс вернули смертную казнь и статью, требующую наказания за антигосударственную и русофобскую деятельность. И еще представьте себе — вдруг появился такой глава государства, который пожелал вычистить из нашего общества всю эту воровскую и аферистскую мразь, свободно и безбоязненно орудующую в нашей стране. Как кто думает, какое количество всех этих преступных подонков, расплодившихся в «демократической» России, пришлось бы тогда расстрелять или отправить в лагеря хотя бы за первые два года? Можно не сомневаться, что цифры жертв т.н. «сталинских репрессий» и «сталинского гулага» просто померкнут на фоне этих гипотетических цифр подвергнутых зачистке мошенников, коррупционеров, воров и бандитов. Так как в сталинское время такого разгула преступности в стране, как сейчас, и близко не было. Не потому ли все госчиновники и русофобствующие либералы поголовно, стопроцентно противятся возвращению смертной казни?..

* * *

Вот что значит — мы пережили атеистический век. Сознание большей части населения извратилось настолько, что они не понимают, казалось бы, самых простых вещей и не хотят вникать в то, о чём идет речь. Царя, причисленного Церковью к лику святых, вместе с его зверски замученной семьей они поносят, готовы смешать с грязью, причем одновременно за его «кровавость» и за его «слабость». Но главного террориста страны, труп которого лежит в центре столицы, загубившего миллионы русских жизней, они до сих пор прославляют, называют гениальным и на любые факты развязанного им кровавого террора кричат: «Не трожь!»

Казалось бы, с нормальной точки зрения такое извращенное понимание добра и зла — противостоестественно, оно не укладывается в трезвой голове. Но с другой стороны, в атеистически привитом сознании ничего другого и быть не должно: если в нём отсутствует Бог, то мораль только и может существовать в перевернутом состоянии. В этом состоянии зло — привлекательно, приятно и даже гениально, более того, злом не является. Уничтожили в Красном терроре и в Гражданской войне миллионы людей — ну и чёрт с ними. Ленин — гений! И одновременно тот, кто хотел спасти Россию от этого кошмара, от этих потрясений, от кровавой резни и от Гражданской войны, — преступник, враг, ничтожный «Николашка», и была бы их воля, они бы его опять расстреляли, изрубили и сожгли в кислоте. Казалось бы, «теоретическое» обоснование уничтожения огромных слоев населения — это

ли не паранойя, это ли не сумасшествие?! Но куда там! Именно этому обоснованию нас и учили почти весь двадцатый век в школах и вузах. И без сомнений мы обязаны были принимать на веру ленинскую «революционную нравственность»: «Нравственно только то, что полезно делу революции»...

Собственно говоря, для того и боролись почти целый век с Богом в сознании людей, с Церковью, с религией, чтобы новые поколения уже не могли понять, где преступник, а где святой, чтобы тот и другой поменялись местами, чтобы новые поколения самостоятельно уже были не способны отличить мораль от антиморали. Если морально уничтожать людей только за то, что они оказались «не тем» социальным классом, то данная нам свыше божественная мораль превращается в свою противоположность и становится «моралью» того, кто Богу противостоит.

Целый век советский народ жил с этой антиморалью. Но, конечно, долго так продолжаться не могло. Страна рухнула. Рухнула тогда, когда вроде бы Советский Союз процветал, не было войн и все были своей жизнью довольны. Можно сколько угодно докапываться до внешних причин самоликвидации советского государства, и, на первый взгляд, они будут верными. Но главные, основные причины всегда находятся внутри самих людей. Безбожная антимораль убила в людях любовь к своему государству. И они безжалостно растоптали то, за что воевали и боролись почти весь двадцатый век. То же самое под влиянием дьявольской, революционной пропаганды произошло в Петрограде и в 1917 году. Столичное население, оторванное от земли, от корней православной жизни, от народной божественной нравственности, легко повелось за носителями дьявольской антиморали и попало в кровавую ловушку, вырваться из которой уже было невозможно. Кровавая машина завертелась с бесчеловечной силой.

Есть ли у нас шанс вернуться к нормальной, данной нам свыше морали? Есть, но, видимо, еще не скоро. Случится это, когда страшный преступник, чей труп лежит в центре Москвы, **всенародно** будет признан преступником, сожжен или зарыт в землю, а святая Семья **всенародно** будет признана святой. Но для этого нам предстоит очень и очень большая работа.

Можно, конечно, по-разному относиться к фильмам, показанным нам в начале ноября по Первому и Российскому каналам ТВ — «Демон революции» и «Троцкий». Кто-то, наверное, умиляется приукрашенными образами главных героев этих фильмов, кто-то, наоборот, возмущается откровен-

ным выпячиванием их национальной принадлежности... Но одно становится совершенно ясно: т.н. «русскую революцию» на иностранные деньги готовили явные бандиты, уголовники, государственные преступники и международные авантюристы под руководством евреев Гельфанда-Парвуса, Бронштейна-Троцкого и присоединившегося к ним полукровка Ленина. Это в фильмах показано откровенно, выпукло и даже в какой-то степени нарочито. Впрочем, так же ясно показано в фильме и другое: находясь в Европе, готовили они ее в тесной связи с правительственными и военными структурами европейских государств.

Конечно, недооценка царем влияния революционных агитаторов на люмпенизированные массы Петрограда и разрушительной работы масонских деятелей Государственной Думы вместе с предательством армейского командования и расхлябанностью внутренних охранительных структур сыграли свою большую роль в успехе Февральской революции и затем большевистского переворота. Однако без руководящей руки тех самых международных авантюристов, всех этих гельфандов-парвусов, и без иностранного финансирования захват власти прибывшими из-за границы большевистскими вождями был бы невозможен.

И главной жертвой всей этой революционной вакханалии стал русский народ. Но об этом воспеватели советских достижений предпочитают не вспоминать.

* * *

Вот о чем мечтал Ленин в 1918 году, вот для чего они делали революцию в России, вот для чего они грабили русских крестьян. Целью Ленина была революция в Европе, в которой он не сомневался и которая для него была важнее «русской» революции. Телеграмма Троцкому и Свердлову: «Международная революция приблизилась за н е д е л ю на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием *дней ближайших*... Вывод: 1) вдесятеро больше усилий на добычу хлеба (запасы все очистить и для нас и для н е м е ц к и х рабочих). 2) вдесятеро больше з а п и с и в войско. Армия в 3 миллиона должна быть у нас к в е с н е для помощи международной рабочей революции. Эта резолюция должна в среду ночью пойти всему миру по телеграфу. 1.X.1918» (т. 50, с. 186. Разрядка и курсив В.И. Ленина).

* * *

Вот в такой морально перевернутой стране мы живем. Эта власть тратит сотни миллиардов рублей на строительство стадионов. Наверное, нынешний президент когда-нибудь получит имя Владимир-стадионостроитель или президент-

спортсмен. Хотя игровой уровень нашей футбольной сборной не дотягивает даже до среднего европейского. И в то же время у нас в стране — гениальная русская поэзия и гениальная русская проза, каких нет ни в одной стране мира. Но власть российская не выделяет русским литературным журналам, где публикуется эта проза и поэзия, ни копейки. Более того, даже на лечение онкобольных детей эта власть заставляет людей собирать деньги с миру по нитке. Хотя обязана была бы возложить эту заботу на пригретых ею олигархов — долларовых миллиардеров.

В этом, видимо, есть какая-то высшая закономерность: одновременно с техническим и научным прогрессом происходит моральный, нравственный и духовный регресс.

На сайте «Русской народной линии» была опубликована очень странная и крайне тенденциозная заметка иерея Александра Шумского «Благочестивый идиотизм». Заметка эта явилась реакцией на выступления в СМИ многих авторов, в том числе и меня, по поводу давно назревшей необходимости захоронения тела Ленина. Понятна реакция на подобные выступления номенклатурных ленинцев Зюганова и Проханова, но чтобы в их хор влился представитель Русской Православной Церкви, неимоверно пострадавшей от антицерковной политики вождя «диктатуры пролетариата»... — это поистине феномен нашего времени.

Любые предложения захоронения трупа, лежащего на Красной площади, о. Александр называет «поспешными» и «непродуманными» и запугивает всех нас чуть ли не новой революцией, очередным «расколом общества» и «обострением противостояния до крайности». Но из чего исходят эти его предсказания — понять очень трудно. Видимо, эти фантазии исходят из каких-то личных его душевных глубин. Так же очень трудно, почти невозможно найти объяснение его безапелляционному утверждению, словно бы заимствованному из зюгановских митинговых речей: «...имя Ленина сегодня является одной из важнейших скреп российской государственности». И это говорит православный священник! По-моему, тут уже о. Александр даже самого Зюганова переплюнул. Ну, если уж для священника имя Ленина стало важнейшей скрепой русской государственности, то атеистам и русофобам в нашей стране уже можно лежать на печи — их дело в надёжных руках...

Вынужден разочаровать иерея Александра Шумского: после того, как труп главного террориста страны будет убран с Красной площади, не произойдет в стране в буквальном смысле **ничего**, кроме разве что всеобщего облегчённого вздоха. Небо на землю не упадет, все зюгановцы будут сидеть у телевизора, сам он ограничится «глубоко возмущенным» заявлением в Думе, китайцы не проронят ни звука, англичане усмехнутся, а бандеровцы уронят горькую слезу из-за того, что у них отняли такую звонкую игрушку под названием «лениноповал»... Ну, может быть, выйдут три анпиловские бабульки с самодельным плакатиком к бывшему музею Ленина и споют на радость туристам «Вставай, проклятьем заклеймённый...», если еще слова не забыли.

В 1961 году сами коммунисты вынесли из мавзолея тело истинного вождя советского народа — И.В. Сталина — и положили в землю, как и принято было всегда на Руси. И никто не шелохнулся, никто не вышел на Красную площадь с протестом, и ничего в стране не «обострилось до крайности». А ведь Сталин сделал для страны во много раз больше полезного, нежели Ленин. Точнее говоря, Ленин для страны полезного вообще ничего не сделал. Кроме разрушения Империи, жуткого террора, Гражданской войны, голода, эпидемий и бесчисленных расстрелов, в том числе огромного числа священников, никаких других его заслуг перед русским народом мы не знаем. И тем не менее Сталина захоронили при молчаливой реакции народа, и небо на землю не упало.

Но иерей Александр Шумский, между прочим, закончивший МГПИ им. Ленина, знает совершенно точно: труп Ленина трогать нельзя — грянет всемирное умопомрачение, «либералы и коммунисты объединятся против верховной власти, и в России может начаться новая революция». А ведь сколько раз тов. Зюганов нас заверял: «Россия исчерпала лимит на революции»... Без смеха эти страшилки о. Александра лично у меня читать не получается. Иначе как *«идиотическим благочестием»* его позицию и не назовёшь...

А ведь я в своей небольшой статье на РНЛ «Перевернутая мораль» не призывал немедленно произвести захоронение ленинского трупа. Ясно, что немедленно это и невозможно. Нужно спокойное и внятное обращение к народу по этому поводу руководства страны. Надо сказать народу всю правду о том времени столетней давности, надо наших людей подготовить к этому событию, чтобы оно не выглядело наглым и бесцеремонным. Но и затягивать с ним тоже нельзя. Потому что иначе вообще будет полная путаница в головах людей: убитые большевиками царь и царская семья прославлены

Церковью как святые, а их убийца, большевистский вождь, лежит в самом центре Москвы, и на его труп, словно в каком-то диком языческом ритуале, приходят смотреть нынешние коммунисты. Для человека с нормальной психикой это похоже на какой-то театр абсурда или даже на фильм ужасов.

* * *

Русским людям необходимо знать о том, что атеизм — это одна из форм иудаизма-талмудизма, применяемых для борьбы с христианством. Это подтвердит любой грамотный и честный богослов и религиовед. Именно по этой причине с такой жестокостью разрушались и разграблялись православные храмы и уничтожались физически православные священники. В данном смысле имела место беспощадная религиозная война, в которой в конце концов атеизм (в России) потерпел поражение.

* * *

20 ноября мы стали свидетелями еще одной заранее спланированной и тщательно подготовленной провокации российских либералов. На этот раз — в германском бундестаге с использованием русофобски воспитанных детей для очередного унижения России и принижения нашей Победы. Школьники из Нового Уренгоя в частной поездке, профинансированной мэром Костогризом, уроженцем Западной Украины, посетили Германию и выступили перед депутатами бундестага по поводу «невинных немецких солдат», пленённых в «так называемом сталинградском котле».

Конечно же, и дата их выступления была выбрана неслучайно: 20 ноября — это начало разгрома немцев под Сталинградом в 1942 году и начало работы Нюрнбергского трибунала в 1945-м. Год назад такую же прогерманскую ахинению нёс в бундестаге другой «яркий либерал» — обеливатель предателя Зубра-Ресовского Д.Гранин. Теперь туда послали «мальчиков и девочек», вдруг поллюбивших «безвинных немецких солдат, не хотевших воевать и умирать»... И когда раздались первые возмущенные голоса о необходимости выяснить, кто, зачем, с какой целью послал этих старшеклассников в Германию с их более чем «странными», провокационными выступлениями, вся наша т.н. либеральная общественность тут же встала на их защиту. Более того, все центральные СМИ и, в первую очередь, ведущие с основных телеканалов кинулись оправдывать «невинного мальчика Колю», которого, видите ли, подставили нехорошие взрослые. И во главе этих защитников, как и положено либераль-

ному лобби во власти, встал путинский оракул Песков. «Прекратите травить ямальского ученика!» — запричитал этот миротворец, надо понимать, по указанию своего шефа. То есть предательство не просто зреет, а уже вызрело на самом верху. В скором времени, похоже, мы станем свидетелями общего с немцами покаяния за «взаимную жестокость». И памятники захоронениям фашистских солдат, как грибы, начнут расти в наших западных областях. Впрочем, почему начнут? Они уже там есть! И мы еще увидим нашего главного «миротворца», возлагающего к ним цветы.

Нашлись недоразвитые губошлёпы и среди штатных «патриотов», тужившихся оправдать этих великовозрастных «невинных» недоумков-гимназистов: мол, они не виноваты, их ТАК воспитали. Один из этих раскрученных «патриотов»-губошлёпов («писатель» Прилепин-Лавлинский) даже выступил со страстной речью на Втором канале ТВ. Нацистских солдат, между прочим, тоже ТАК воспитали. Но наши отцы их стреляли, как бешеных собак.

Но что интересно: как выяснилось, администрация Нового Уренгоя во главе с мэром города состоит в основном из лиц, приехавших туда из Западной Украины. Это — Костогриз, Решетняк, Сердюк, Коваль, Декабристович, Бондарь, Федориз... Ну и газпромовский папа «невинного мальчика» Коленьки Десятниченко... Ведь Новый Уренгой — это газпромовская вотчина, где западенские нувориши и члены администрации города имеют очень приличные тити-мити... Да и в гимназии, где учится этот 16-летний Коленька, историю преподают по соросовским учебникам. А в Сети появилось сообщение о том, что брат учительницы истории этой самой гимназии воюет в АТО на Донбассе. Так что бандеровская русофобская провокация в германском бундестаге была совсем не случайной. И защитники ее тоже знают, что делают.

На этом фоне совсем не случайно происходит практически ежедневное разрушение в Польше памятников советским героям, освободителям этой страны от нацистских захватчиков — при обычном молчании и бездействии Кремля.

Предательство нашей Победы и пересмотр ее итогов плавно и бесцеремонно идёт по всем направлениям.

* * *

«Наши западные партнёры» через четыре года лишили российских спортсменов победы на Зимней Олимпиаде в Сочи. Теперь они же, «наши западные партнёры», не допускают российских спортсменов на Зимнюю Олимпиаду в Корею. «Наши европейские партнёры» дали пожизненный срок генералу Мла-

дичу за «преступления», которых он не совершал. Премьер-министрша Англии г-жа Мэй публично назвала Россию враждебным государством. Но наши официальные государственные лица с довольными улыбками продолжают (и, конечно же, будут продолжать) пожимать руки их «западным партнёрам».

Русофобствующие польские «партнёры», ежедневно разрушая и оскверняя памятники советским воинам, безнаказанно поносят Россию на российском телевидении. И одновременно с ними (по другим каналам) с экрана улыбается «спаситель страны» Путин. Как знать, может быть, совсем не случайно кремлёвские «менеджеры» их называют «нашими партнёрами»... Рукопожатными партнёрами...

* * *

Сусловским партийным попугаям надо было меньше попусту болтать о коммунизме, и Советский Союз был бы сохранён. Эти партноменклатурные пропагандисты коммунистической идеологии занимались стопроцентным вредительством — простых рабочих, учителей, врачей, инженеров замордовали идеей коммунизма. В армии солдат на политзанятиях заставляли тезисы Ленина конспектировать. И тем самым вызывали не только раздражение, а самое настоящее отторжение этой самой идеологии. И те же рабочие, учителя и врачи вздохнули с облегчением, когда вдруг перестали им вдвухать в уши эту идиотическую идеологию из всех газет и звучащих в эфире аппаратов. Не потому ли ни один человек в стране не вышел с протестом на улицу, когда в Кремле спускали флаг СССР?

Примитивные барабанные идеологи и армейские политработники, пообещав коммунизм в 1980 году, **реально обманули** советских людей. Хотя сами они не знали и не понимали — что же это такое, «коммунистическое будущее»... До их зашоренных мозгов не доходило, насколько глупо мечтать о каком-то коммунизме в стране, населенной среднеазиатами, кавказцами, прибалтами и обандеренными западенцами Украины... Но дальновидным людям изначально была ясна блефовость этой абстрактной и нежизненной идеи.

Коммунизм — это ложь, которую сознавали все разумные люди. А на идеологии лжи государство долго просуществовать не могло.

* * *

В ночь на 2 декабря Израиль нанес очередной ракетный удар по пригороду Дамаска. За последние два месяца это уже третье авиаракетное нападение Израиля на Сирию. Кремль, естественно, как обычно, не проронил ни звука. Лишний раз

только убеждаешься в том, что хваленые С-400 там находятся исключительно ради бутафории. (Если они там вообще находятся.) А иначе как же ВВП сможет улыбаться и обниматься при своих частых встречах в Кремле с Нетаньяху?..

* * *

На Архиерейском Соборе в Москве только лишь заикнулись о необходимости расследования «возможного ритуального убийства царской семьи». И мгновенно чуть ли не все поголовно еврейско-либеральные СМИ и лидеры еврейских организаций в России поднялись на дыбы, встали на уши и завопили, словно с них живьем кожу решили снять: «Кровавый навет!.. Ксенофобия!.. Антисемитизм!..» Случайно ли это? Значит, им есть что скрывать. Как говорится, на воре и шапка горит... Собственно, этим своим криком они и подтверждают обоснованность и правильность поставленного Архиерейским Собором вопроса.

* * *

Россию и всех нас с вами, соотечественники, господа и «дорогие россияне», в немыслимый по счету раз нагло оскорбили, ехидно унизили и приказали встать на колени перед злорадствующим Западом. 5 декабря Международный Олимпийский комитет злонамеренно и цинично, что бы там ни говорили, **отстранил** Россию от участия в Зимних Олимпийских играх 2018 года. Фактически МОК ввёл санкции не против российских спортсменов, а против российского руководства и против самой России. МОК обвинил в сфальсифицированной и раскрученной Западом допинговой эпопее опять же не российских спортсменов, а руководство нашей страны, Министерство спорта и Олимпийский комитет России.

Реакция на эти обвинения и на эти санкции должна была быть мгновенной со стороны Путина, Жукова и Мутко. Но этой реакции не последовало. Спортивные чиновники бояться высовываться, ждут, что скажет Путин. А тот, как всегда, делает вид, что его это не касается. Мол, других проблем полон рот, не до вас. Общество возмущено, страсти кипят, а главные спортивные и кремлевские менеджеры помалкивают. Ведь самым правильным ответным решением был бы полный бойкот зимней Олимпиады в Корею. И народ, по всем опросам и телеголосованиям, именно так и считает. Но мнение народа не для наших трусливых чинуш, привыкших глотать любое унижение ради сохранения своих должностей. Все последние четыре года они никак не реагировали на тотальное оскорбление России мировой спортивной мафией, о чём

я писал в своих статьях все эти четыре года. Но на этот раз и Мутко и Жукова исключили из всех международных спортивных объединений. У них, конечно, сейчас траур, но за свои места в российском спорте они будут держаться мертвой хваткой.

Председатель МОК Т.Бах зачитал омерзительный санкционный вердикт по отношению к России. Ясно было, что текст этот написан в США, а Бах его лишь озвучил. Нас лишили в очередной раз флага, гимна, формы, участия в открытии и закрытии зимней Олимпиады 2018 года. И за это «удовольствие» мы еще должны заплатить 15 млн. баксов. Ни с одной страной мира за всю историю олимпийского движения так не поступали. Полностью обнажилось тотальное американское влияние на весь мировой спорт. Ясно, что это месть за Крым и за Сирию. Но если Кремль и лично Путин это унижение страны в который уж раз вновь проглотят, то вместе с ними унижение, издевательство и оскорбление будет глотать и каждый из нас... Это о нас с вами, соотечественники, господа и «дорогие россияне», вытерли ноги, приказав нам за это еще и заплатить. Понятно, что там, наверху, это мало кого волнует. Главное для них — сохранить зарубежный олигархический капитал после 22 февраля...

Мы надеялись, что нас и честь страны есть кому защитить. Оказалось — некому. Оказалось (в который уже раз), что наши пресловутые «гаранты», как и прежде, нам ничего не гарантируют. Оказалось, что им ничего не стоит наплевать на достоинство страны и на собственный имидж. Более того, мы увидели, как наши спортивные функционеры, В.Смирнов и А.Жуков, приехавшие на поклон в Лозанну, «столицу» МОК, тут же начали оправдывать моковское бесцеремонное хамство, а заодно и себя: мол, ничего страшного, переживём, не в первый раз...

Нормальному, не заражённому либерализмом человеку было противно наблюдать всю эту чиновничью бесхребетность и всё их, трусоватых приспособленцев, коленопреклонённое ничтожество. Как будто это вместе с ними на нас вылили ушат помоев. Поневоле затоскуешь о сталинско-брежневских временах... Но пройдет какое-то время, и наши спортивные чиновники, как ни в чём не бывало, будут вновь улыбочиво обниматься с ехидными чиновниками из МОК. Им не привыкать...

Теперь Смирнов с Жуковым с идиотическим оптимизмом нас успокаивают: отдельные наши спортсмены могут поехать в Корею в качестве «нейтральных» участников в белых одеждах... И ведь поедут.

Как мы знаем, по Библии, белые одежды — это символ чистой совести, веры и чистых помыслов. Но каковыми бу-

дут совесть, вера и помыслы тех, кто их туда пошлёт, и тех, кто туда приедет?..

* * *

6 декабря, т.е. на следующий день после объявления оскорбительного решения МОК по нашей олимпийской сборной, Путин специально приехал в Нижний Новгород на автомобильный завод ГАЗ, чтобы оттуда на весь мир сообщить о своем-таки **участии** в президентских выборах 2018 года. Словно именно этого беспардонного моковского вердикта он так долго дождался, чтобы сделать наконец свой громкий «ответ Чемберлену».

Там же, на ГАЗе, его и спросил корреспондент 1-го канала ТВ о том, что он думает по поводу решения МОК. И что же мы услышали? А то, в чём лично я ни секунды и не сомневался: «Знаете, с одной стороны, мы сами виноваты в этой истории с допингом. А с другой стороны, этим воспользовались не очень честные люди...» То есть — обычную либеральную изжёванную жвачку в своём духе и в своём «путинском стиле». И далее: «Никому из спортсменов мы не будем запрещать ехать на Олимпиаду под нейтральным флагом. Ведь они же тренировались, они всю жизнь готовились, мечтали...» Одним словом, президент России, собравшийся идти на новый президентский срок, переплюнул в своем дурном либерализме даже самых наших бесхребетных спортивных чиновников. Ни о какой защите чести и достоинства страны даже и речи не шло.

И поедут наши спортсмены с позволения президента в Южную Корею как бедные родственники... Но зато в белых одеждах... И будут там все смотреть на них с презрением и с издёвкой. В лучшем случае — с сожалением, оттого что их страна ничего не сделала для их защиты. И каждый, кому вздумается, сможет злорадно плюнуть им вслед. Только и осталось сказать: «Спасибо партии родной...»

Ну и, конечно же, все штатные и нештатные подпевалы «главного патриота страны» тут же кинулись дуть в эту позорную дуду: «Пусть едут! Они там всех порвут! Мы же великая страна! Они будут знать, что выступают за Россию!..» И только один человек публично сказал то, что думал почти каждый истинно русский. И человеком этим был чеченец Рамзан Кадыров: *«Запад ещё раз показал своё лицо, искаженное гримасой лицемерия, трусости и интриг. Отстранение России от участия в Олимпиаде — решение отнюдь не спортсменов, а подлость обрюзгших чиновников. Спорт призван объединять народы, а не разрушать мир. Использовать спорт для личных политических интересов — слабость и трусость. Рос-*

сиянам важно выступать под своим флагом. У нас есть Родина, у нас есть наше Отечество! Ни один спортсмен с чеченской пропиской не будет выступать под нейтральным флагом. А тех чеченских спортсменов, которые по всем критериям должны были попасть в сборную и поехать на Олимпиаду, мы будем чувствовать как победителей!».

На канале «Спорт ТВ», к моему удивлению, всё же показали цифры опроса населения по разным крупным городам России относительно нашего участия или неучастия в этих дурацких бессмысленных «Играх». 80% опрошенных были за их бойкот. Вот вам и всенародная поддержка президента...

А может, Путину в зарубежных поездках тоже выступать под нейтральным флагом? Например, под флагом ООН?.. Чтобы не раздражать своих западных партнёров.

* * *

Дональд Трамп через год после того, как был избран президентом США, сделал то, ради чего он, собственно, и был израильским лобби сделан американским президентом — признал Иерусалим столицей Израиля. Почти 70 лет Израиль добивался этого, и вот наступил для него час мечты. Этот час и должен был прийти именно теперь, в преддверии последних времён, описанных в Апокалипсисе. Трамп сделал главный шаг, предваряющий восстановление третьего иудейского храма и приближающий мир к началу последней мировой войны. И он, Трамп, это знает.

Израильское лобби в Конгрессе США совсем не случайно весь прошедший год голосило по поводу вмешательства России и мифических «русских хакеров» в президентские выборы в США. Эта шизоидно-истерическая кампания израильским лоббистам была нужна для того, чтобы прикрыть собственную задницу, а прямее говоря, собственную операцию по протаскиванию Дональда Первого в Клуб командоров 33-й степени и по совместительству — на должность Императора земного шара, который объявит Иерусалим столицей иудейского государства, восстановит третий иудейский храм и начнет новую, последнюю, мировую войну. Они уже объявили: мы даем миру три-четыре года. Россия исключена Трампом из «мирового сообщества» уже в этом году, и с ней можно больше не считаться. Потому-то европейские чиновники от спорта столь нагло и бесцеремонно повели себя по отношению к нашей олимпийской сборной. И, по всей видимости, всё будет сделано для того, чтобы чемпионат мира по футболу в России не состоялся.

Зверь Апокалипсиса просыпается и берется за дело.

Криптовалюта, цифровая экономика, чипизация, перевод всех банков на карточную систему расплаты и т.п. — реалии наших дней, описанные в Откровении Иоанна Богослова.

Дочь Трампа Иванка и ее муж Джаред Кушнер, отвечающий в Белом доме за палестино-израильские отношения, исповедуют иудаизм.

По Слову Христа, сказанному 2000 лет назад, второй иудейский храм будет разрушен (что и произошло через 100 лет) и третий не восстановится никогда. Цель антихриста — опровергнуть слова Христа и восстановить храм Соломона. Израиль попытается сделать это уже в наше время. Но Бог поругаем не бывает. И тогда сбудется всё то, что предсказано в Откровении Иоанна.

США и Израиль изначально были созданы как орудие дьявола. А третий иудейский храм должен стать престолом их мошиаха-антихриста.

Все мировые войны происходили с одной целью, приближаящей Второе Пришествие Христа. После Первой — появились нацистская Германия и Гитлер. После Второй — сионистский Израиль. После Третьей — возникнут, по Откровению, «новая земля и новое небо», а дьявол на тысячу лет будет заключён в бездну.

У многих людей отсутствует элементарная логика. На Олимпийских играх спортсмен представляет не себя, а страну. Поэтому после его победы поднимается флаг этой страны и звучит ее гимн. Поэтому на форме спортсмена указана страна, которую он представляет. Выступать там безликим существом в безликой форме под ублюдочным белым флагом для нормального человека — оскорбительно, глупо и просто неприлично.

Смешно слушать от наивных людей, особенно литераторов, сетования о несчастной судьбе спортсменов, которые не поедут на Олимпиаду. В мире существует масса личных спортивных состязаний — «Золотая лига», «Бриллиантовая лига» и т.д. Им никто не запрещает там выступать в личном качестве. И платят там очень большие гонорары. Кроме этого, множество первенств и соревнований — внутри России, где тоже за победу (и за участие) платят приличные деньги. Так что о судьбе «несчастливых» спортсменов, которых, в отличие от русских писателей, очень любит наш президент, дарящий им «Мерседесы», переживать не стоит. В любом случае о них позаботится государство, опять же в отличие от писателей.

И хочется спросить наших сердобольных литераторов, повторяющих вслед за узколобыми и трусливыми спортив-

ными чиновниками. Как вы думаете, этих «несчастливых и обиженных» спортсменов волнует ваша творческая судьба, ваша зарплата и ваши литературные дела?

И надо наконец сказать прямо и честно: если спортсмен на Олимпийских играх не будет представлять свою страну, на фоне всех остальных участников, то на хрен он там вообще нужен. С голоду от этого он не умрёт и побираться не будет.

* * *

Не нужна нам была Олимпиада в Сочи, не нужна. Но она была нужна Путину — исключительно ради самопиара, чтобы показать всему миру, что он, Путин, может провести самую лучшую и самую чистую Олимпиаду. Теперь, через четыре года, мы пожинаем плоды этой авантюры: мировые спортивные мошенники во главе с МОК, щедро оплаченные американским хозяином, отыгрались на наших спортсменах по полной программе — голословно обвинили их в применении допинга и лишили чемпионских званий. Точно такая же авантюра повторяется с Чемпионатом мира по футболу в России. Никому он здесь был не нужен. Никому, кроме одного человека — ради всё того же самопиара. И как тут не вспомнить легко забытую провластными СМИ историю с оркестром им. Александрова, который опять же ради путинского самопиара был отправлен в Пальмиру. И вновь эта бессмысленная авантюра закончилась слишком плачевно. Можно не сомневаться, что и к ЧМ по футболу англосаксы нам еще не одну свинью подложат. И вновь нам придется посыпать голову пеплом и убеждаться в том, что никому, кроме одного человека, эта авантюра была не нужна.

* * *

12 декабря глава ФСБ сообщил о предотвращении 18 крупных терактов в 2017 году. Но в воздухе висит естественный вопрос: а кто косвенно, условно говоря, «способствовал» подготовке этих терактов у нас в стране? И ответ, не сомневаюсь, ясен очень многим — один большой человек невысокого роста, надолго обосновавшийся в Кремле. Тот самый, кто запустил на нашу землю «игиловских»* террористов численностью в несколько миллионов, руководствуясь очень дружескими и даже, не побоимся этого слова, «партнерскими» отношениями с нашими бывшими азиатскими «братьями». Конечно же, во имя большой и даже очень большой — глобальной политики. И вот теперь МВД и ФСБ приходится каждый божий день буквально на ушах стоять, чтобы предотвращать «крупные теракты». О мелких речи уже не идет — они совершаются у нас

каждый день и каждый час: сбитые на перекрестках пешеходы, искореженные автобусы с детьми, «взрывы газа» в домах по всей стране, подорванные теплотрассы, зарезанные в подъездах люди... Но у одного человека, обосновавшегося в Кремле, **своя** глобальная политика, при которой не до раздавленных в автобусах детей и не до взорванных якобы от бытового газа квартир. Главное, предотвращать «крупные» теракты. Ну что ж, пока еще предотвращают... Но это очень неудобно и почти невозможно — годами стоять на ухах...

* * *

На своем собрании 12 декабря российские спортсмены единогласно решили участвовать в позорной зимней Олимпиаде в Пхёнчхане. Лишний раз подтвердилось мнение о том, что сфера спорта — это сфера беспринципных, корыстных и продажных людей. И весь их т.н. «патриотизм» — исключительно показной, демагогический и лживый. Лишний раз подтвердилось то, что кому-то еще не было ясно: абсолютно напрасно народ лепит из спортсменов своих кумиров. Предать Родину для них — что сплюнуть. О власти не говорю. Для неё чем спортивно-эстрадные «звезды» беспринципнее и продажнее, тем приятнее и любимее. Потому и награждает власть в сфере «культуры» и спорта в первую очередь самых для нее «приятных», а по сути, самых пустых и дешёвых.

Переживать за эту бесхребетную, накачанную мышцами и в моральном отношении примитивную публику — не имеет никакого смысла и не стоит наших душевных сил. Капитализм и общая атмосфера продажности и культа денег в спорте переродили их нравственно. И уже не имеет значения — с допингом они выступают или без допинга. Под белым флагом можно с чем угодно выступать. С допингом даже будет как-то понятнее и естественнее...

Российских спортивных чиновников и самих спортсменов международные аферисты нагнули, унизили, оскорбили и поставили на колени. И те, скуля, жалко оправдываясь и виновато улыбаясь, — поползли к ним на брюхе сдаваться и лизать сапоги. Как же всё это мерзко и особенно красноречиво выглядит на фоне сражающегося Донбасса и наших воинов в Сирии!.. Эти две стороны русской медали мы знали во все времена нашей истории.

* * *

МОК запретил российским спортсменам, пожелавшим участвовать в Олимпийских играх в Пхёнчхане, использо-

вать в своей экипировке российские государственные и национальные символы.

Те, кого мы разгромили во Второй мировой войне, как и те, кого мы спасли от рабства и полного уничтожения, теперь с особым садистским наслаждением издеваются над национальными символами России.

Но и нынешние российские власти с не меньшим мазохистским удовольствием **позволяют** нашим врагам измываться над этими символами.

* * *

Израиль в конце декабря в очередной раз нанёс ракетный удар по сирийским войскам под Дамаском. Путин, неоднократно за последние годы обнимавшийся с Нетаньяху, стеснительно прикусил язычок. И говорливые соловьевские «эксперты», воспевающие «блистательную победу в Сирии», после всех подобных израильских ракетных нападений не заикнулись об этом ни разу. Впрочем, кому там заикаться? Основная часть приглашаемых Соловьевым «экспертов» — одной с ним национальности.

* * *

Спортивный вице-премьер А. Жуков уже заявил, что Россия вовремя выплатит МОК 15 млн. баксов за то, что ее сборную МОК отстранил от Олимпийских игр, а российских «нейтральных» спортсменов лишил всех национальных символов. Тем самым Жуков подтвердил: да, мы виноваты, простите нас и скорее примите нашу контрибуцию. Можно не сомневаться, что если бы МОК назначил к выплате 150 млн. зеленых, то и тогда Путин с Жуковым заверили бы европейских «партнеров» в исполнении этой выплаты без опоздания.

* * *

В России несколько лет назад был принят закон о запрете пропаганды гомосексуализма. Однако в декабре этого года чуть ли не вся кремлевская «элита» во главе с пресс-секретарем президента Песковым, а также весь столичный театрально-эстрадный бомонд и вся намозолившая глаза телевизиорно-либеральная тусовка (и многие — семейными парами и с детьми) присутствовали в Большом театре на премьере балета «Нуриев», поставленного проворовавшимся и арестованным режиссером Серебренниковым. Как известно, либретто балета основано на страстной гомосексуальной любви сбежавшего на Запад танцора. После премьеры наши «элитарные» зрители публично выразили восторг. И плевать они хотели на упо-

мянутый выше закон. А как же иначе? Ведь именно наши либерально-«культурные» власти выделили Серебреникову аж миллиард серебреников на гомосексуальные игры на сцене.

* * *

По сообщению МИДа, Россия, видите ли, «разочарована решением Соединенных Штатов выделить крупнокалиберные снайперские винтовки Украине». Такое мнение озвучил в интервью РИА «Новости» заместитель главы российского МИДа Григорий Карасин. А до этого МИД вместе с Карасиным были, надо понимать, **очарованы** Соединенными Штатами.

Разочарование МИДа своими американскими партнёрами — это просто невероятное, для всех неожиданное и прямо-таки умопомрачительное событие уходящего года. Наконец-то, слава тебе Господи, они там, в МИДе, прозрели и... (страшно сказать) **разочаровались!**..

* * *

Азиатские и украинские «друзья» российских властей уже начали раздавать нам предновогодние «подарки». 25 декабря в Москве на Славянском бульваре пассажирский автобус в час пик въехал в подземный переход. В результате — пять погибших и двенадцать раненых. Водитель оправдывался отказом тормозов, но при обследовании технического состояния автобуса оказалось, что никакая тормозная система водителем вообще не была задействована. 27 декабря в Санкт-Петербурге в магазине «Перекрёсток» было подорвано самодельное взрывное устройство, начиненное гвоздями и болтами. Получили ранения 18 человек. Утром 29 декабря возле станции метро «Сходненская» опять-таки рейсовый автобус протаранил остановку, на которой скопилось много людей. Двое погибли на месте и трое тяжело пострадали. И, надо думать, это только лишь прелюдия к долгим праздничным дням...

Президент приказал силовикам расстреливать террористов на месте в случае их жесткого сопротивления, о чём поведали центральные СМИ. «Пленные нам не нужны!» — пафосно объявил он с телеэкрана на всю страну. Но как-то странно это слышать. Во-первых, у нас ведь в стране смертная казнь отменена, и сам же президент упорно сопротивляется требованию народа вернуть ее в Уголовный кодекс. А «расстрел на месте сопротивления» — это разве не та же самая смертная казнь? И во-вторых, следуя элементарной логике, есть смысл задать вопрос г-ну президенту: а не проще ли будет не расстреливать террористов на наших улицах, а ввести визовый режим с теми «независимыми государства-

ми», откуда они к нам беспрепятственно прибывают? Разве не вы, г-н президент, руководствуясь странной «дружественной политикой», наводнили страну миллионами неконтролируемых азиатско-украинских «друзей», среди которых — тысячи завербованных и вольноопределяющихся террористов? Вот и приходится вам теперь отдавать приказ об их расстреле на месте преступления. И это при отсутствии закона о смертной казни...

* * *

Такова красноречивая картина «партнерских отношений» США и России: они нам — чуть ли ни ежедневные санкции, а мы им — сжиженный газ и астронавтов на МКС.

* * *

Как стало известно, 15 млн. долларов, которые Россия выплатила Международному олимпийскому комитету в качестве контрибуции за наглое и оскорбительное отстранение российской сборной от Зимних Олимпийских игр в Южной Корее, направлены МОКом Г.Родченкову и его «экспертам» в качестве гонорара за «очень полезную работу». Таким образом, Россия не только была унижена и поставлена на колени проамериканскими проходимцами МОКа, но еще и профинансировала эти унижения и оскорбления. Продолжительные овации нашим кремлевским и спортивным чиновникам!

* * *

В 2017 году я побывал в Угличе, Ярославле, в Кижях, в Кириллове, в Кирилло-Белозерском и Александро-Свирском монастырях, на Валааме, в Санкт-Петербурге, в Иркутске, Ангарске, Усть-Уде (на родине В.Г. Распутина), в Пскове и Псково-Печерском монастыре. Водами четырех священных озер я умыл свое лицо — Белого, Онежского, Ладожского и Байкала. На теплоходе «Княжна Анастасия» — плыл по великим нашим рекам Волге и Неве. На пароме переправлялся через Ангару.

В прошедшем году были написаны 29 стихотворений и большой цикл «Протуберанцев». Давно у меня такого активного и плодотворного года не было. Возможно, это произошло не случайно накануне моего юбилейного года.

Но самое главное — я выпустил все номера «Молодой гвардии».

* И г и л — террористическая организация, запрещенная в России.

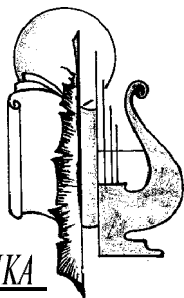
ЖЕРТВЕННЫЙ ПАТРИОТИЗМ

(К 70-летию Валерия Хатюшина)

Верю, что больше века будет длиться в России Год литературы. В 2015 году он нашёл своё естественное и логическое выражение в выходе из печати шеститомного собрания сочинений поэта, критика, прозаика и публициста Валерия Васильевича Хатюшина. Уверен, что каждый мыслящий русский человек обязательно найдёт в его творчестве частичку своей души. Кому-то будет близка его тонкая лирика, наполненная жизнетворной энергетикой, пронзительной, щемящей болью и подсердечной тоской. Кому-то придётся по душе его героическая гражданственная лирика с её тревожной совестью, честностью и безоглядным мужеством.

Не смиренный плакальщик на развалинах советской империи, а, по словам критика Владимира Петрова, витязь на тризне павших в бою воинов, не лояльный в доску гимнопевец и не парадный трубач, а воин и мыслитель, патриот русского мира и его идейный боец.

Беспримерно мужественна и честна, глубока и логична публицистика Валерия Хатюшина, и только у равнодушных ренегатов и социальных паразитов, готовых предать

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

всё и всех, после ознакомления с ней не сожмутся в гнев кулаки, не возмутится трезвый разум и не содрогнётся от поруганной человечности душа. Его публицистика просвещает, несёт новые знания и рассекреченные факты, убеждает в своих выводах и вдохновляет на поиски исторической истины. Слово Валерия Хатюшина пропитано философией вечности, оно изначально направлено в Будущее, оно бьёт в цель и адресовано, в первую очередь, молодёжи. По моему личному мнению, на публицистике Валерия Хатюшина, на философии и логике Александра Зиновьева и на социальной практике гения реальной политики Фиделя Кастро можно и даже нужно осуществлять молодёжную политику в нашей стране. Быть настоящим патриотом сегодня трудно и порой небезопасно для жизни. Страна уже 30 лет живёт вне всякой идеологии. На смену коммунизму пришёл монетаризм. Так называемая новая общность людей — советский народ — в условиях реставрации капитализма и дикого, бандитского рынка за 20 лет выродилась и навсегда забыла все пункты «морального кодекса строителя коммунизма».

Одновременно с этим произошёл и великий раскол в самом русском обществе, в самом патриотическом движении. В стране возникло много общественных движений и политических партий патриотического толка. Но, увы, все они воюют между собой, а если и бывают иногда в чём-то едины, то только в теневом бизнесе или в тайных политических играх на два, а то и на три фронта. Возмутительно, но, увы, 40% так называемой системной, умеренной оппозиции — это тайные и явные идейные сторонники В.В. Путина, новоявленного «отца нации» и «носителя имперского духа», «выдающегося менеджера» господ из Фининтерна.

Среди них много пламенных, явных и тайных славянофилов и русско-советских патриотов-бюджетников. Ещё больше «русских патриотов» обретается в системе личной и ведомственной охраны, в охране президента, в силовых структурах и в спецслужбах, перешедших на службу к олигархам и к чиновникам-миллиардерам. Многомиллионная армия охранников и успешных социальных паразитов оттеснила в сторону нарождающийся средний класс, бесправное русское фермерство и заняла самые ключевые патриотические позиции. Патриотизм стал выгодным политическим товаром и частью бизнеса ловких политических мошенников. Для них патриотизм, нуждающийся в материальной поддержке, всего лишь один из банальных видов безбедного существования, точно такой же, каким было в СССР политическое доносительство в корыстных целях.

Сегодня мыслящие русские патриоты разделились между собой на отдельные огороды и идеологические участки. Там живут и здравствуют «патриоты в собственном соку». Среди них много ярких и оригинальных фигур, порождённых разного рода политическими перевоплощениями и метаморфозами.

Русские патриоты никак не могут найти общий язык, у каждого из них своё понятие о патриотизме и любви к вождям, они идейно воюют между собой в бесплодных спорах о мере жертвенного отчизнолюбия. Воюют между собой яростно, как будто живут не в Москве, а в разных странах и в разных городах страны. Отражение этой борьбы мы находим в телерадиоэфире и в печатных СМИ, в том числе и в «толстых» литературных журналах. И в каждом из них свой патриотизм, своя идеология и своя историческая правда. Среди русских патриотов много теоретиков русской идеи, которые тоже не могут найти между собой общего языка. Все они и каждый по-своему грезят своей империей-фантомом, великой и могучей Россией...

У исполнительного секретаря Изборского клуба Виталия Аверьянова свой взгляд на Русский мир и русскую цивилизацию, а у лидера Международного Евразийского движения Александра Дугина — свой. Один считает, что Русский мир базируется на этнокультурной основе, другой — на языковой и пространственно-временной. А директор Института русской цивилизации и редактор газеты «Русский вестник» Олег Платонов утверждает свой Русский мир на ценностях Святой Руси — Православии, добре и справедливости. Главный редактор сайта «Русский обозреватель» Егор Холмогоров рассматривает русскую идею через построение образа Гипербореи и Китеж-града в условиях освоения экстремального Севера с целью господства в этих широтах. Руководитель культурно-просветительского сообщества «Переправа» Александр Нотин и главный редактор Русской народной линии Анатолий Степанов, эксперт по статистике Василий Симчера и эксперт в области политической социологии Сергей Баранов ставят в основу всего идею о новой и могучей Российской (Евразийской) империи как последнего оплота христианства под водительством русского народа, ядро которого составляет нордическая раса. Они рассматривают также Русский мир как геополитическую формацию. А общественный деятель Алексей Вайц описывает Русский мир как творческое пространство русского народа.

Пока русские патриоты спорят между собой, интернационален ли русский человек или национален, и является ли Россия многонациональной страной мира, ответственной за судьбу всего человечества, правящий режим наёмных рене-

готов делает своё дело — грабит Россию, доводя её до состояния страны-сателлита, нуждающейся в дальнейшей опеке. Пока наши патриоты-имперцы и писатели-публицисты Эдуард Лимонов, Дмитрий Ольшанский и Александр Проханов продолжают грезить о «настоящих партийцах» и о зарождении в стране русской национальной элиты, казённые патриоты-бюджетники из Кремля и «Белого дома» ускоренным темпом занимаются очередной и решительной предпродажной подготовкой страны на мировом аукционе в Лондоне. Часть казённых патриотов готова хоть сейчас к поражению на выгодных условиях, часть готова остаться на еще более выгодных условиях вахтенными менеджерами и надсмотрщиками над оставшимся населением колонизированного евразийского пространства. Назревает очередная измена и предательство национальных интересов страны, а наши патриоты спорят между собой о том, кто из них больше Родину любит. Гибнет и дичает провинциальная Россия, а русские патриоты продолжают жить имперским, милитаризованным сознанием и проверяют друг друга на лояльность к своим многочисленным идеям. Они, как и в Гражданскую войну, готовы расстрелять друг друга за одно смелое или иное личное суждение.

Нет, не за идеологическую чистоту и идейную невинность своих рядов должны бороться русские патриоты. И не об этом они должны думать, а о более человечном, крепком и мудром общественном устройстве, о том, чтобы больше никогда не повторилась в нашей стране очередная великая разрушительная Смута и не наступило очередное великое затмение умов, очередной позор и крах.

Сегодня быть таким патриотом, как поэт и публицист Валерий Хатюшин, мучительно трудно. Жертвенный патриотизм, как и природный альтруизм, — это удел немногих, удел избранных Богом и Богом нам данных.

Сегодня творчество Валерия Хатюшина продолжает оставаться по-прежнему «вне формата» монетарной идеологии, общественной жизни Москвы и московского патриотического бомонда. Его острого слова боятся все гиперактивные квазипатриоты и мастера политической мимикрии. Его всячески замалчивают те, кто считает себя «настоящим патриотом». Открыто сотрудничать с ним боятся и умеренные, «благоразумные патриоты», которым изначально чуждо «безумство храбрых» и тем более природное жертвенное отчизнолюбие. Но Родину нельзя любить за деньги и «любовью к Родине» нельзя торговать. Мы не альфонсы и не сутенёры при ней. Мы — любящие её «странную любовью» истинные сыновья и верные её дочери.

Дорогие читатели «Молодой гвардии», у вас есть возможность получить в подарок Собрание сочинений в 6 томах главного редактора журнала Валерия Хатюшина. Для этого необходимо приехать в редакцию или оплатить почтовую доставку в сумме 500 руб. Деньги нужно перевести на банковскую карту Сбербанка № 63900238 9037017175, указав в сопроводительном письме свой полный почтовый адрес.

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2018 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге Роспечати подписной Индекс «МГ»: 70544 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

Финансовую помощь журналу направлять по следующим реквизитам:

ООО «Журнал Молодая гвардия».

ИНН 9721060860

КПП 772101001

БИК 044525593

Р/с: 40702810302590002402

Корр. счет: 30101810200000000593

АО «АЛЬФА-БАНК»

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».